ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

УЙГУРОВЪ.

(ПО КИТАЙСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.)

Димитрія Позднѣева.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1899.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
MAR 4 1965

Появленіе настоящаго труда въ свѣтъ замедлилось цѣлый годъ противъ указанной на заглавномъ листѣ гы. Приложеніе II было переслано мнѣ, по мѣсту тельства, на просмотръ въ Пекинъ и тамъ погибло время пожара лѣтомъ 1900 г.

Д. П.

Опредѣленіемъ Факультета Восточныхъ Языковъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета печатать разрѣшено 20 октября 1897 г.

Деканъ *Бар. В. Розенъ.*

ВВЕДЕНІЕ.

Предлагаемый трудъ раздѣляется на двѣ части: первая посвящена обзору литературы уйгурскаго вопроса, вторая содержитъ въ себѣ собственно историческій очеркъ уйгуровъ, распадающійся на нѣсколько главъ. Послѣдняя часть, строго говоря, представляетъ собою только дополненіе имѣющагося матеріала по данному вопросу и попытку къ посильному выясненію нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ дѣла. Остается еще очень и очень много туманнаго, неизвѣстнаго, не изслѣдованнаго въ исторіи уйгуровъ, что станетъ яснымъ для ученыхъ только послѣ разработки общей исторіи Средней Азіи и Сѣвернаго Китая, а главнымъ образомъ послѣ ознакомленія съ судьбами Тангутскаго государства, населеніе, вѣрованія, литература, политика и интересы котораго часто были общи съ уйгурскими. Исторія тангутовъ доселѣ ускользала отъ вниманія европейскихъ изслѣдователей и остается почти нетронутымъ сокровищемъ въ китайскихъ династіонныхъ лѣтописяхъ.

Разборъ литературы по вопросу объ уйгурахъ.

Ни одному изъ народовъ восточно-азіатскаго нагорья не удалось привлечь на себя такъ много вниманія ученыхъ западнаго, европейскаго міра, какъ уйгурамъ. И нужно сказать правду, что эта доля вниманія въ значительной степени не заслужена самимъ народомъ, а явилась въ силу благопріятствовавшихъ успленію ея обстоятельствъ. Среди сосѣдей уйгуровъ, раньше и послѣ ихъ возвышенія и упадка, существовали и другія, подобныя же государства, столь же сильныя, тянувшіяся такими же періодами, такъ же подчинявшія сосѣдей-кочевниковъ и грабившія Китай и одинаковымъ же образомъ павшія жертвами кочевого уклада, но они до послѣднихъ временъ оставались неизвѣстными, нѣкоторыя же изъ нихъ пребываютъ во тьмѣ для европейцевъ даже доселѣ. Причиною подобнаго явленія служитъ то обстоятельство, что государства послѣдняго рода во время своего существованія не имѣли очевидцами европейцевъ. Они родились и умерли невѣдомыми западному міру, а потому у послѣдняго и не было повода, разрабатывая свои архивы, пополнять ихъ данными изъ историковъ восточныхъ. Только ученыя изслѣдованія восточно-азіатскихъ лѣтописей даютъ въ послѣднее время матеріалы для исторіи чжурчженей и киданей, для государствъ Ордоса и тангутскихъ, для поколѣній сѣвернаго Тибета и даже государствъ сѣвера Гоби: кара-киданей и киргизовъ. Разработка ихъ исторіи едва лишь начинается, и виною этому мы отчасти считаемъ отсутствіе повода, полное молчаніе объ нихъ

европейцевъ-современниковъ, даже не подозрѣвавшихъ ихъ существованія. Совсѣмъ иное произошло съ уйгурами. Миссіонеры-путешественники, отправлявшіеся во времена Чингисовой монархіи въ столицу Чингизидовъ Каракорумъ, наткнулись въ западной части Средней Азіи на имя уйгуровъ, записали его и принесли въ Европу. «Chingis contra terram Huiurorum processit ad bellum», писалъ Плано-Карпини: «isti homines sunt Christiani de secta Nestorianorum; quos bello devicit; et illorum litteras acceperunt, nam prius (Mongali) scripturam aliquam non habebant, nunc autem appellant eandem litteram Mongalorum». Немного позднѣе этого Рубруквисъ писалъ объ язычникахъ Азіи: «Primi sunt Jugures, quorum terra contiguatur cum praedicta terra Organum, inter montes illos versus orientem; et in omnibus civitatibus eorum sunt mixti Nestorini et Saraceni et ipsi etiam sunt diffusi versus Persidem in civitatibus Saracenorum». Немного ниже онъ пишетъ: «Apud Jugures est fons et radix idiomatis Turci et Comanici».

Показанія этихъ двухъ путешественниковъ явились добрыми геніями для судьбы уйгуровъ въ европейской литературѣ. Едва только начали европейцы знакомиться съ мѣстными восточными историческими источниками, какъ они употребили всѣ усилія, чтобы выяснить имена Igur или Jugures, употребленныя знаменитыми католическими путешественниками-монахами. Братья Ассемани ищутъ ихъ у сирскихъ писателей и вообще въ литературѣ Передняго Востока; оріенталисты-синологи пытаются найти объ нихъ свѣдѣнія въ китайской исторической литературѣ. Но проходитъ много времени, раньше чѣмъ вопросъ объ уйгурахъ становится на правильную научную почву и получаетъ вѣрное рѣшеніе. Разсматривая исторію его литературы, невольно удивляешься сложности причинъ, запутывавшихъ вѣрное рѣшеніе вопроса. Тутъ и недостаточная разработка первоисточниковъ, и предвзятыя идеи изслѣдователей, и личная вражда и антагонизмъ ученыхъ, и узкость кругозора — все это собралось вмѣстѣ и то здѣсь то тамъ неуклонно вредило дѣлу. Мы встрѣ-

чаемъ у ученыхъ массу ошибокъ и недосмотровъ, являющихся результатомъ частію времени, частію личныхъ увлеченій, но должно все-таки сказать, что наряду съ ошибками всякій изслѣдователь вносилъ извѣстное число цѣнныхъ данныхъ, часто новыхъ, открывавшихъ совершенно неизвѣстныя ранѣе стороны дѣла. Краткій разборъ работъ, посвященныхъ вопросу объ уйгурахъ выяснитъ нашъ взглядъ на нихъ точнѣе общихъ фразъ.

Католики-монахи видѣли своихъ уйгуровъ или югуровъ монгольскаго періода гдѣ-то около Восточнаго Туркестана, на сѣверѣ Тянь-шаня. Естественно было поэтому первымъ синологамъ искать свѣдѣній объ нихъ въ анналахъ Юаньской 元 (1280—1367) династіи въ описаніяхъ приблизительно указанныхъ мѣстъ; по этимъ же слѣдамъ разыскиваютъ уйгуровъ ученые и въ историческихъ источникахъ передней Азіи, стараясь сблизить иногда показанія послѣднихъ съ китайскими лѣтописями. Поэтому-то у Herbelot въ его «Bibliothèque orientale», t. II, мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія объ уйгурахъ. «Igur или Aigur — имя одного племени восточныхъ тюрковъ, которое пришло на помощь приверженцамъ Огузъ-хана, когда послѣдній велъ ожесточенную борьбу со своимъ отцомъ и дядьями изъ-за религіи. Эти князья-язычники не могли перенести, чтобы Огузъ отказался отъ ихъ вѣрованій для истины единства Божія. Они напали на него со всѣми своими силами, и онъ непремѣнно палъ бы подъ ихъ ударами, если бы сосѣднія племена, принявшія новую религію, не соединили своихъ отрядовъ съ его войсками. Огузъ-ханъ, укрѣпленный этимъ содѣйствіемъ и еще больше помощью Божьею, побѣдилъ своихъ враговъ и далъ помогавшимъ ему отрядамъ имя Igur или Aigur, которое означаетъ на туземномъ языкѣ: защита, покровительство, союзъ (défense, protection et alliance); онъ сдѣлалъ изъ нихъ новую милицію, отдѣльную и отличную отъ другихъ его войскъ; она усилилась и заняла часть Туркестана, сосѣднюю съ Китаемъ. Племя Igur имѣетъ языкъ и календарь общій съ катайцами (Cathaiens); они приняли позднѣе христіанство, потому что во времена Чингисъ имѣли у себя осо-

бых епископовъ, но они не сохранили этой религіи, и нынѣ они или язычники или магометане» [1]).

Мы видимъ здѣсь одинъ изъ незначительныхъ фактовъ позднѣйшей исторіи уйгуровъ, за который хватается ученый единственно потому, что онъ почти совпадаетъ по времени и мѣсту съ уйгурами католическихъ монаховъ. О существованіи государства уйгурскаго по китайскимъ лѣтописямъ Herbelot, повидимому, не подозрѣваетъ; объ отождествленіи же племени *хуй-хэ* 回紇, о которомъ сообщаютъ подробныя свѣдѣнія китайскіе источники, съ уйгурами у него нѣтъ и рѣчи; онъ знаетъ единственно уйгуровъ западнаго края, а о томъ, что они жили до Чингиса на востокѣ степи, у него нѣтъ ни слова.

Дегинь (De Guignes) въ своей Histoire générale des Huns, t. II, представляетъ связный пересказъ исторіи государства *хуй-хэ* 回紇. Источниками ему служили китайскія энциклопедіи: *Вэнь-сянь-тунъ-као*, *Тунъ-цзянь-ганъ-му* и *Ли-тай-цзи-бяо*. Въ этихъ трудахъ находятся уже выбранныя и прокритикованныя китайскими учеными свѣдѣнія объ инородцахъ Китая, чѣмъ въ значительной степени облегчается работа всѣмъ европейскимъ синологамъ. Въ числѣ своихъ источниковъ Дегинь ставитъ и *Танъ-шу* 唐書, но изъ текста не видно знакомства его съ этою династійною исторіей. Такъ, сообщая свѣдѣнія о *гао-чэ* 高車 изъ *Вэнь-сянь-тунъ-као* и *Ганъ-му*, которыхъ нѣтъ въ Танской исторіи, онъ опускаетъ въ то же время много подробностей въ разсказахъ о хуй-хэскихъ ханахъ, и уже позднѣе эти свѣдѣнія появились у Виделу и о. Іакиноа. Дегинь не держится въ изложеніи буквы китайскаго текста, дѣлаетъ отступленія и поясненія, отчего его исторія выигрываетъ въ слогѣ и усвояется легче другихъ трудовъ по уйгурскому вопросу. Въ вопросѣ объ этнографическомъ родствѣ уйгуровъ и *хуй-хэ* онъ платитъ дань своему времени, не подозрѣвая такового. Слѣдя за передвиженіями хуй-хэскихъ племенъ послѣ Танской династіи въ земли

1) Herbelot, Bibliothèque Orientale, t. II, p. 336 (A la Haye, 1777).

Восточнаго Туркестана и далѣе, Дегинь однако нигдѣ не усвояетъ имъ имени уйгуровъ, очевидно, считая ихъ совершенно различными племенами. Какъ и другіе ученые XVIII столѣтія, онъ ихъ пріурочиваетъ къ государствамъ *Чэ-ши*, западному и восточному, т. е. къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ ихъ встрѣтили впервые европейцы-миссіонеры, проѣзжая въ XIII вѣкѣ въ монгольскую орду. Поэтому онъ и показаніе *Абулгази Багадуръ-хана* относительно первоначальныхъ поселеній уйгуровъ пріурочилъ къ той же территоріи Притянь-шаньской, за что и заслужилъ справедливое замѣчаніе со стороны о. Іакинѳа[1]). Особенно драгоцѣнны попытки Дегиня установить связь явленій жизни въ Средней Азіи съ исторіею Застѣннаго Китая. Въ сношеніяхъ императорскаго двора съ инородцами естественнымъ образомъ всегда существенное значеніе имѣло общее положеніе дѣлъ въ имперіи; для китайцевъ политика застѣнная часто играла очень малую роль, и оттѣнить тотъ или иной ходъ ея при дворѣ представляется довольно труднымъ. Для этого нужно большое знаніе китайской исторіи общей, во всей ея полнотѣ. Послѣ упадка владычества *хуй-хэ* на востокѣ степи и перехода ихъ на западъ Дэгинь заботливо ищетъ свѣдѣній объ нихъ у историковъ передней Азіи и отмѣчаетъ встрѣчающіяся по этому отдѣлу данныя. Словомъ, мы видимъ у него всю исторію хуй-хэскихъ племенъ, пока еще краткую, но законченную, такъ что въ дальнѣйшихъ трудахъ другимъ ученымъ представлялось только пополнять его количественно да уяснять ея подробности. Это и дѣлаетъ Виделу (Claude Visdelou) въ своей «Histoire de la Tartarie» и «Supplément de la Bibliothèque Orientale» d'Herbelot'a.

Этотъ классическій трудъ, заключающій въ себѣ большую часть всѣхъ данныхъ по уйгурскому вопросу, донынѣ варіируемыхъ учеными европейцами на разные лады, постигла почему-то замѣчательная судьба: объ немъ почти нѣтъ упоминаній въ ученыхъ сочиненіяхъ, изъ него почти не встрѣчается цитатъ.

---

1) Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи, т. I, стр. 376—378.

Едва называетъ имя Visdelou Abel Rémusat въ «Recherches sur les langues tartares»[1]); мимоходомъ цитуетъ его Казем-бэкъ въ «Изслѣдованіяхъ объ уйгурахъ» и краткую неопредѣленную характеристику даетъ ему д-ръ Бретшнейдеръ[2]). Между тѣмъ въ сочиненіи Visdelou находится полный переводъ свѣдѣній о государствахъ *хуй-хэ* и одноплеменныхъ съ ними изъ отдѣла объ инородцахъ въ *Синь-танъ-шу* 新唐書, т. е. именно та искомая, которой, якобы, не доставало европейской литературѣ. Переводъ сдѣланъ прекрасно, не затемненъ никакими предвзятыми идеями и толкованіями автора. У него встрѣчается много поясненій къ тексту, но они только являются результатами его эрудиціи, дополняютъ матеріалъ и не вносятъ ничего произвольнаго въ изслѣдованія. Главнымъ основнымъ достоинствомъ его перевода и вообще его сочиненія мы считаемъ то, что онъ, видимо, признавалъ за китайскими авторами одни и тѣ же общечеловѣческіе законы логики; онъ разсматривалъ ихъ одинаково съ собою, примѣнялъ къ нимъ тѣ же требованія, какія предъявлялъ и къ себѣ и ко всѣмъ вообще людямъ. Эта, странная на первый взглядъ, похвала высказывается, однако, нами не безъ основанія. Во многихъ переводахъ съ китайскаго, съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло, встрѣчаются такія противорѣчія, такія темныя мѣста, предъ которыми невольно становишься втупикъ и спрашиваешь себя, почему же переводчикъ позволилъ себѣ написать такую несообразность съ общимъ смысломъ, съ контекстомъ рѣчи. Часто встрѣчаешься съ такими явленіями въ сочиненіяхъ извѣстныхъ синологовъ и невольно удивляешься, почему помирились они съ такимъ переводомъ, почему не дали себѣ труда вдуматься въ текстъ. Объясненіе на это мы могли найти одно. Общераспространенное мнѣніе о

---

1) Avant-propos, p. VII.

2) «The history of the Uigurs from Chinese sources has long been made accessible to European savants. A good translation of the most important of these records has been given by Visdelou in the Suppl. Bibliot. Orient.» Bretschneider, Mediaeval Researches, v. I, p. 237.

странности и оригинальности всего китайскаго дошло до того, что у сыновъ Небесной имперіи стали отрицать даже общіе логическіе законы. «Если это, съ европейской точки зрѣнія, и непонятно, то у китайца все возможно», какъ бы говоритъ про себя переводчикъ и на этомъ основаніи съ спокойною совѣстью пишетъ въ переводѣ несообразность, въ которой самъ не въ состояніи дать себѣ отчета. Вотъ этого-то именно, крайне вреднаго, свойства и лишены переводы Visdelou. Напрасно однако мы стали бы думать поэтому, что почтенный синологъ въ отношеніи къ уйгурскому вопросу далъ намъ совершенно полное и вѣрное его рѣшеніе. Съ этой стороны онъ является сыномъ своего времени, недостаточно уразумѣвшимъ правильный ходъ дѣла. Извѣстно, что Гербелотъ нашелъ уйгуровъ въ западной части нагорья Средней Азіи. Здѣсь же обрѣтаетъ ихъ и Виделу. «Государство Eyghour», пишетъ онъ, «извѣстно китайцамъ за 126 лѣтъ до Р. Х. Они называли его *Чэ-ши* (Tche-sse)»[1]). Отсюда уже мы можемъ понять, что, по его мнѣнію, родиной уйгуровъ были страны Притянь-шаньскія. Виделу добросовѣстно слѣдитъ за судьбами этихъ странъ по китайскимъ источникамъ и сообщаетъ множество новыхъ объ нихъ данныхъ. Но онъ не думаетъ вовсе отождествлять этихъ Eyghour'овъ съ *хуй-хэ*. Исторію послѣднихъ онъ разсматриваетъ въ совершенно отдѣльномъ самостоятельномъ трудѣ: «Histoire de la Tartarie», помѣщенномъ въ этомъ же томѣ. Въ данной работѣ онъ не задается цѣлью прослѣдить этнографическое родство и происхожденіе среднеазіатскихъ племенъ, если только послѣднее не указывается китайскими лѣтописцами мимоходомъ; онъ дастъ исторію народовъ, «qui ont paru avec éclat dans ce vaste pays» (Tartarie), т. е. обращаетъ на нихъ вниманіе только съ того момента главнымъ образомъ, когда они занимали выдающееся, а иногда и первенствующее мѣсто въ ряду кочевыхъ племенъ Средней Азіи. Естественно поэтому, что онъ воспользовался преимущественно анналами

1) Bibliothèque Orientale, t. IV, p. 200—310.

Танской исторіи о *хуй-хэ*, оставивъ безъ вниманія лѣтописи Вэйской и Суйской исторій о тѣхъ же инородцахъ. Но у него, очевидно, уже являлось смутное сознаніе о какой-то близости *хуй-хэ* съ уйгурами. Въ нѣсколькихъ заключительныхъ строкахъ послѣ перевода данныхъ *Синь-танъ-ту* онъ говоритъ объ образованіи позднѣе государствъ изъ остатковъ *хуй-хэ* и отводитъ одно изъ нихъ въ страны Притянь-шаньскія [1]). Кромѣ того, и въ статьѣ объ Eyghour онъ пишетъ, что въ концѣ Танской династіи «il s'étoit établi beaucoup de Hoei-hou dans l'Eyghour; delà vient que depuis ce temps-là on luy a donné le nom de Hoei-hou» [2]). Однако всѣ эти сближенія пропадаютъ у него, оставаясь безъ дальнѣйшей обработки.

У всѣхъ указанныхъ авторовъ уйгуры называются народомъ турецкаго племени. Но если бы потребовать себѣ яснаго отчета, на какомъ основаніи ученые признавали ихъ таковыми, то въ ихъ источникахъ прямого отвѣта на этомъ вопросъ не найдемъ. Думается, что они руководились скорѣе общими соображеніями объ этнографическомъ составѣ населенія этихъ мѣстъ. Въ западной части нагорья Средней Азіи исконными жителями были тюрки, къ нимъ же причислили и уйгуровъ. Разработанные же ими источники, исторія Танской династіи и энциклопедіи, вовсе не касаются вопроса о племени уйгуровъ. Однако и по этой послѣдней искомой научнаго отвѣта пришлось ожидать не долго. Въ 1812 году Клапротъ издаетъ свои «Abhandlungen über die Sprache und Schrift der Uiguren», знаменитые и по богатству и новизнѣ матеріала и прославленные тою полемикой, которую они вызвали среди ученыхъ оріенталистовъ. Статья Клапрота представляетъ собою первый опытъ научно историческаго изслѣдованія по вопросу объ уйгурахъ. Источниками ему служило множество сочиненій на языкахъ Дальняго и Передняго Востока и всѣ предшествующія работы

1) Ib., p. 157.
2) Ib., p. 804.

европейскихъ ученыхъ. Истинною драгоцѣнностью является здѣсь изданіе уйгуро-китайскаго словаря, хранящагося въ королевской парижской библіотекѣ. Въ немъ содержится 800 словъ. Вмѣстѣ съ нимъ источниками для изученія языка уйгуровъ служили Клапроту 15 уйгурскихъ писемъ[1]) съ китайскимъ переводомъ, посланныхъ правителями разныхъ областей къ императорамъ Минской династіи; изъ нихъ Клапротъ издалъ 3 письма съ переводомъ.

Трудъ Клапрота имѣетъ и доселѣ большое значеніе для изученія вопроса объ уйгурахъ; онъ полонъ самыхъ остроумныхъ догадокъ, сближеній и соображеній. Въ своихъ выводахъ относительно родины уйгуровъ Клапротъ остался согласнымъ съ предшествующими учеными; онъ понимаетъ подъ страною уйгуровъ исключительно Гао-чанъ и приводитъ краткія свѣдѣнія изъ исторіи этой страны по китайскимъ источникамъ (стр. 44—52). Въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ изслѣдованій Клапротъ допускаетъ однако ненаучные пріемы. Не прослѣдивъ исторіи страны до своего времени, онъ утверждаетъ однако, что языкъ уйгуровъ и донынѣ сохранился въ странахъ Притянь-шаньскихъ. На этомъ основаніи, встрѣтивъ въ Семипалатинскѣ одного турфанца, онъ положительно считаетъ его уйгуромъ и языкъ его разсматриваетъ научнымъ образомъ, какъ языкъ уйгурскій. Въ заключеніе, разобравъ показанія китайскихъ историковъ Ляоскаго и Юаньскаго періодовъ объ уйгурахъ, Клапротъ пришелъ къ заключенію о заимствованіи монголами письменности у уйгуровъ.

Работа Клапрота вызвала удивленіе въ ученомъ мірѣ, но скоро явилась ему и оппозиція въ лицѣ петербургскаго академика Шмидта. Въ «Einwürfe gegen die Hypothesen des Herrn Hofr. Klaproth: Ueber die Sprache und Schrift der Uiguren» Шмидтъ разошелся съ Клапротомъ въ самыхъ коренныхъ положеніяхъ

1) Письма эти въ китайскомъ текстѣ съ переводомъ на русскій языкъ помѣщены въ приложеніи II; приложеніе I содержитъ уйгурскія собственныя имена изъ исторіи династіи Юань.

относительно уйгурскаго вопроса. Кратко формулированныя возраженія его противнику сводятся къ слѣдующему.

1) Палласъ, лучшій знатокъ Средней Азіи, не говоритъ вовсе объ уйгурахъ.

2) Китайскіе источники крайне недостовѣрны во всемъ, что не касается Собственнаго Китая.

3) Трудъ Абульгази Багадуръ-хана, на который ссылается Клапротъ, кишитъ ошибками особенно въ отношеніи исторіи монголовъ.

4) О Та-та-тунъ-о, уйгурѣ, передавшемъ письменность монголамъ, ни словомъ не обмолвился Сананъ-Сэцэнъ.

5) Сходство уйгурскаго письма съ сирскимъ шрифтомъ только кажущееся, и Клапротъ не объясняетъ самаго главнаго: почему измѣнено горизонтальное направленіе письма сирскаго на вертикальное у уйгуровъ?

6) Монета съ надписью Möngkä-chan'a уйгурскимъ шрифтомъ сомнительна.

7) По монгольскимъ источникамъ, «Хубилай сказалъ Пакбаламѣ, что многіе монголы не имѣютъ еще письменности»; между тѣмъ, если бы уйгурская письменность была принята при дворѣ, то она была бы всеобщею.

Эти возраженія не позволили Шмидту принять гипотезы Клапрота; его же личныя работы привели его къ совершенно инымъ выводамъ. Положительный взглядъ Шмидта формулируется такъ:

1) Слово Uigur обозначаетъ во всѣхъ монгольскихъ нарѣчіяхъ иностранца по языку и правамъ; отсюда является возможность совершенно иного чтенія нѣкоторыхъ мѣстъ у восточныхъ авторовъ (напр. Арабъ-шаха). Нельзя положительно утверждать, что не было татарскаго племени, называемаго «уйгурами», но должно сомнѣваться, что ко времени Чингиса оно стояло на такой степени развитія, чтобы могло сообщить свою письменность монголамъ (стр. 324).

2) Въ исторіи Сананъ-Сэцэна имя уйгуровъ упоминается только одинъ разъ при перечисленіи подданныхъ, которымъ въ правленіе Güden-chagan'a[1]) даны были законы. Но такъ какъ въ этомъ перечнѣ не упомянуто имя тангутовъ, главнаго племени восточно-монгольскаго государства, «so ist sehr wahrscheinlich», что «mit jenen Uigur die Tangud gemeint waren». Эта вѣроятность становится спустя восемь страницъ для Шмидта положительнымъ фактомъ, послѣ того какъ онъ приводитъ слова монгольскаго сочиненія Чжирухэну-толго: «Что же касается до уйгурскаго народа, то въ это время народъ тангутскій называли уйгурами» (стр. 327—337)[2]). Должно при этомъ замѣтить, что монголы полагаютъ полнѣйшее различіе между Тангутомъ и Тибетомъ (стр. 322).

3) Анализъ китайско-уйгурскаго словаря Клапрота приводитъ Шмидта къ заключенію, что почти всѣ слова въ уйгурскомъ словарѣ Клапрота ни болѣе ни менѣе, какъ калмыцкія. Ясно

---

1) [illegible] Сананъ-Сэцэнъ, стр. 232—234.

2) По наведенной нами справкѣ, вся эта цитата въ Чжирухэну-толго [illegible] читается такъ: «Въ вѣкъ Хайсанъ Кулукъ хана, этотъ ханъ сказалъ ламѣ изъ рода Сакья, по имени Чойчжи Очиру: «Лама, переведи на монгольскій языкъ буддійскія религіозныя книги». Но Чойчжи Очиръ не перевелъ на монгольскій языкъ буддійскихъ книгъ посредствомъ 4-угольныхъ буквъ, отчего до Хайсанъ Кулука читали священныя книги на уйгурскомъ языкѣ, а не на монгольскомъ; уйгурами же называется народъ тангутскій: [illegible] Послѣ этого Чойчжи Очиръ, помолясь Маньчжушри, прибавилъ много буквъ съ хвостами къ буквамъ, которыя составлены были Сакья Пандитой, перевелъ священныя книги на монгольскій языкъ и составилъ новый методъ. Но многія стихотворенія въ Банчжаракшѣ, переведенной Чойчжи Очиромъ, читались въ то время еще на уйгурскомъ языкѣ, такъ какъ тогда еще не всѣ монгольскія буквы были окончательно исправлены». Часть I, 3-й періодъ.

такимъ образомъ, что уйгурскій языкъ Клапрота не больше, какъ бухарскій (т. е. Восточнаго Туркестана), и что эти не-татарскія слова заимствованы у чжунгарскихъ калмыковъ, владѣвшихъ продолжительное время значительной частью Бухаріи.

4) Монгольскіе же источники заставляютъ Шмидта думать нижеслѣдующее. «Es ist auch gar keinem Zweifel unterworfen», что уйгурская письменность должна быть не чѣмъ инымъ, какъ письменностью тангутскою, которая представляетъ собою одно и то же съ тибетскимъ письмомъ и донынѣ, вмѣстѣ съ санскритомъ, составляетъ священный языкъ монгольскихъ ламантовъ. Индійскія книги Шигэмуніанскаго ученія не были переведены ни на одно изъ татарскихъ нарѣчій, кромѣ такъ называемаго уйгурскаго; по крайней мѣрѣ на немъ только одномъ они употреблялись въ переводѣ тогдашними тибетскими и тангутскими ламами; и доселѣ монгольскіе и калмыцкіе ламы не пользуются монгольскимъ переводомъ книгъ, предоставивъ его народу, — это извѣстно всякому, имѣющему понятіе о бытѣ монголовъ. Если же ламы пользовались уйгурскими книгами, то, очевидно, эти книги были не другія какія, какъ тангутскія, т. е. тибетскія.

Высказавъ засимъ соображенія о невозможности для монголовъ-ламантовъ заимствовать письменность у уйгуровъ-магометанъ, Шмидтъ заключаетъ:

5) «Я думаю, что уйгурское письмо при дворѣ Чингисъ-хана, если дѣйствительно татарскіе уйгуры или бухарцы были тамъ, было не другое что, какъ обыкновенное арабско-татарское письмо, которое уже по тому самому прекратило свое существованіе, что восточные монголы оставались несклонными къ исламу».

Отсюда видно, до какой степени велико было несходство взглядовъ Шмидта и Клапрота на уйгуровъ. Причиною такого явленія было, во-первыхъ, совершенное различіе источниковъ у того и другого историка, во-вторыхъ, крайнее увлеченіе Шмидта показаніями монголовъ и вообще монголизмомъ. Въ то время онъ работалъ надъ исторіею Сананъ-Сэцэна, и ему казалось

вѣроятнымъ считать его единственно вѣрнымъ источникомъ для исторіи монголовъ. Только этимъ можно объяснить его постоянное примѣненіе довода ex silentio: онъ сомнѣвается, напр., въ самомъ существованіи Та-та-тунъ-о, потому что о немъ не упоминаетъ Санангъ-Сэцэнъ.

Нельзя не видѣть вмѣстѣ съ тѣмъ, что положительные выводы самого Шмидта отличаются крайнею неопредѣленностью и полны противорѣчій. У него уйгуры являются татарскимъ племенемъ Восточнаго Туркестана; они подпадали раньше вліянію блётовъ, засимъ тангутовъ и заимствованіями у первыхъ обогатили свой лексиконъ, а письменности вторыхъ дали почему-то свое имя; эта тангутская письменность — одно и то же съ тибетскою, хотя монгольскіе источники строго отличаютъ тангутовъ и тибетцевъ. А кромѣ этой мимо-уйгурской письменности существовала и другая подъ тѣмъ же названіемъ; можетъ быть, она была просто арабско-татарская и, можетъ быть, она была принята при дворѣ монгольскихъ правителей, но потомъ исчезла безслѣдно. Какъ разобраться во всей этой путаницѣ, и гдѣ факты, подтверждающіе хотя бы одно изъ этихъ положеній? Однако нельзя не признать за статьею Шмидта хотя бы отрицательнаго значенія. Она показала возможность построенія совершенно новой гипотезы относительно уйгурскаго вопроса при исключительномъ пользованіи одними источниками, не обращая вниманія на другіе. Она напоминаетъ собою въ этомъ отношеніи гипотезу профессора Бурна объ армянскомъ происхожденіи пресвитера Іоанна, появившуюся совершенно неожиданно послѣ цѣлаго ряда трудовъ другихъ ученыхъ въ діаметрально противоположномъ направленіи, но достаточно для перваго раза обоснованную. Но статья Шмидта ставитъ и положительныя задачи историкамъ: 1) какъ, дѣйствительно, объяснить отождествленіе монголами уйгуровъ съ тангутами? 2) что значитъ гробовое молчаніе монгольскихъ источниковъ относительно заимствованія письма у уйгуровъ, и 3) чѣмъ вызваны слова Хубилая, что «нѣкоторые монголы не имѣютъ никакого письма»? Статья Шмидта

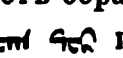
показываетъ равнымъ образомъ крайне широко поставленную жизнь уйгуровъ, входившихъ въ соприкосновеніе и съ калмыками и съ тангутами, и требующую обстоятельнаго изслѣдованія.

На всѣ эти вопросы отвѣты даетъ положительная исторія; мы же посмотримъ, какъ откликнулся ученый міръ на эту оригинальную статью нашего академика.

Abel Remusat первый дѣлаетъ замѣтку объ ней въ своихъ «Recherches sur les langues tartares», Avant-propos, p. VII. «Статья Шмидта пытается доказать», пишетъ онъ: «что существованіе народа, называемаго уйгуръ, не есть фактъ, удостовѣренный исторіей; что это — догадка, гипотеза Клапрота, или, какъ онъ говоритъ, Schöpfung (une création). Странно во всякомъ случаѣ, что его положеніе противорѣчитъ всему тому, что доселѣ говорили объ уйгурахъ Гербелотъ, Виделу, Гебиль, Дегинь и многіе другіе на основаніи единогласнаго свидѣтельства персидскихъ, арабскихъ, татарскихъ и китайскихъ историковъ. Я упоминаю объ этой статьѣ только ради завѣренія, что она не измѣняетъ ничего во взглядахъ, высказанныхъ мною въ VI главѣ этой книги, посвященной вопросу объ уйгурахъ, или восточныхъ туркахъ. Почтенный авторъ недостаточно глубоко вникнулъ въ исторію древностей Тартаріи. При болѣе послѣдовательномъ изученіи ея онъ, безъ сомнѣнія, измѣнитъ нѣкоторые изъ своихъ взглядовъ и особенно мнѣніе о китайскихъ лѣтописяхъ, которыя, по его словамъ, мало достовѣрны во всемъ, что не касается самаго Китая».

Позднѣе въ своихъ «Observations sur l'histoire des Mongols orientaux de Sanang-Setzen» (Paris, 1838) Абель Ремюза даетъ болѣе точную характеристику работѣ Шмидта. «Система его», пишетъ французскій ученый, «состоитъ въ томъ, чтобы давать совершенно новыя названія самымъ извѣстнымъ народамъ внутренней Азіи и замѣнять самыя распространенныя преданія о происхожденіи и различныхъ видоизмѣненіяхъ восточно-азіатской письменности (des écritures tartares) совершенно произвольными предположеніями. Эта система, которая, по словамъ Hamaker'a

(Bibliotheca critica nova, 1825, t. I., p. 189), не можетъ пріятись по вкусу никакому развитому человѣку, nemini eruditorum, принадлежитъ къ числу тѣхъ, коимъ суждено упасть безъ возврата». Основаніемъ для всей системы Шмидту служитъ показаніе одного маленькаго монгольскаго сочиненія (Чжиру-хэну-толго), и Ремюза вновь повторяетъ слова о противорѣчіи этого мѣста, если принять его за всеобщее, всѣмъ прежнимъ изслѣдованіемъ и всѣмъ другимъ источникамъ исторіи уйгуровъ[1]).

Не могъ, конечно, оставить безъ отвѣта статью Шмидта и Клапротъ. Появился его трудъ: «Beleuchtung und Widerlegung der Forschungen des H. Schmidt», въ которомъ всѣ доводы Шмидта сводятся къ тремъ положеніямъ: 1) что представленное Клапротомъ уйгурское письмо и словарь изобрѣтены самимъ издателемъ его; 2) что нынѣшнее монгольское письмо не изобрѣтено (abgeleitet) тюркскимъ народомъ уйгурами, а создано (erfunden) самими монголами; 3) что уйгуры и тангуты — одинъ и тотъ же народъ и страна, и что уйгуры не могли быть тюрками. Всѣ эти три тезиса подвергаются подробному критическому разбору, но съ особенной обстоятельностью останавливается Клапротъ на третьемъ положеніи и приводитъ въ пользу своего мнѣнія много новыхъ данныхъ; изъ нихъ особенно важны показанія Ляо-ши о различныхъ уйгурскихъ племенахъ. Здѣсь же находитъ себѣ объясненіе и знаменитое показаніе «Чжиру-хэну-толго», послужившее краеугольнымъ камнемъ системы Шмидта. Клапротъ обращаетъ главное вниманіе на слова: «въ то время» и относитъ ихъ ко временамъ дѣйствія, описываемаго въ «Чжирухэну-толго». Они показываютъ, что въ XIII вѣкѣ уйгуры, пришедшіе съ сѣвера, гдѣ они обитали, поселились въ Тангутѣ, такъ что въ тѣ времена населеніе Тангута состояло изъ уйгуровъ. Съ этимъ объясненіемъ Клапрота соглашается въ упомянутыхъ «Observations» и Абель Ремюза: «можно сказать, что внѣ этого объясненія нѣтъ ничего научно-историческаго» (p. 62).

1) p. 60—61.

На ряду съ этою полемикой, часто затемнявшею дѣло, но отчасти и приводившею къ разъясненію вопроса, шла и положительная разработка историческихъ матеріаловъ. Одновременно съ появленіемъ труда Шмидта издалъ Абель Ремюза свои «Recherches sur les langues tartares» (Paris, 1820). Въ этомъ сочиненіи вопросу объ уйгурахъ посвящена цѣлая глава, при чемъ авторъ ставитъ своею задачею не повторять свѣдѣній, уже повсюду распространенныхъ, а собрать матеріалы мало извѣстныя и прибавить, если возможно, нѣсколько фактовъ къ исторіи языковъ уйгурскихъ странъ, чтобы пролить тѣмъ новый свѣтъ и на исторію племенъ. Уйгурскимъ онъ называетъ донынѣ сохранившійся языкъ обитателей городовъ отъ Кашгара до Хами, и на этомъ основаніи онъ подвергаетъ подробнѣйшему анализу изданныя Amiot письма, какъ образцы уйгурскаго діалекта. Въ результатѣ этого изслѣдованія Ремюза приходитъ къ выводу, что языкъ уйгуровъ — чисто тюркскій, болѣе всѣхъ другихъ діалектовъ сохранившійся въ первобытной чистотѣ, хотя никакихъ особенныхъ признаковъ древности въ немъ не замѣчается: грамматика и весь строй языка очень близко подходятъ ко всѣмъ тюркскимъ нарѣчіямъ. Обращаясь затѣмъ къ исторіи страны и народа, онъ особенно внимательно останавливается на различіи уйгуровъ и хуй-ху и дѣлаетъ упреки Гобилю и Виделу, какъ сливающимъ эти племена (p. 285). Онъ окидываетъ общимъ взглядомъ судьбы Притянь-шаньскихъ странъ, разсматриваетъ вліяніе на нихъ Китая, Индіи и странъ западныхъ, отводитъ мѣсто описаніямъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ городовъ Уйгуріи, слѣдитъ за постепеннымъ движеніемъ уйгуровъ на западъ къ Каспію, за принятіемъ ими магометанства, при чемъ оттѣняетъ переходъ названія племени *хуй-ху* 回鶻 въ *хуй-хуй* 回回 и *хуй-цзы* 回子 — названія магометанъ у китайцевъ; въ заключеніе онъ обсуждаетъ отношеніе уйгуровъ вообще къ племенамъ турецкимъ. Особенно интересенъ взглядъ Ремюза на различіе хуй-хэ и уйгуровъ. «Хуй-хэ», пишетъ онъ, «были сначала маленькимъ племенемъ на берегахъ Селенги; они соединились потомъ съ

14 другими родственными племенами и образовали могущественный народъ, правитель котораго жилъ въ мѣстности, гдѣ былъ позднѣе Каракорумъ. Такимъ образомъ хуй-хэ обитали сначала на сѣверѣ пустыни отъ Байкала до береговъ Енисея, но потомъ они распространились на западъ и къ концу династіи Танъ овладѣли Гань-чжоу, Си-чжоу, страною Гуй-цзы, или Бишбалыкомъ, и поставили во всѣ эти города хановъ своего племени. Позднѣе исторія показываетъ, что они стали господами странъ до моря Каспійскаго, и все сводится къ тому, чтобы считать ихъ западными Тузъ (Tus) и Туркоманами. Не должно забывать, что въ числѣ странъ, подчиненныхъ хуй-хэ въ VIII вѣкѣ, находилась и страна уйгуровъ. Это обстоятельство произвело много смѣшенія (запутанности) у авторовъ, занимавшихся даннымъ вопросомъ» (p. 323).

Нужно сказать, что Абель Ремюза самъ не выяснилъ себѣ значенія слова «уйгуръ». Онъ ставитъ въ упрекъ нѣкоторымъ китайскимъ писателямъ, что они въ словѣ *вэй-ву-рь* смѣшиваютъ имя страны съ именемъ пришлаго племени *хуй-хэ*. Что же разумѣетъ подъ именемъ «уйгуръ» самъ Ремюза? По этому мѣсту (p. 324) — страну, а по всей статьѣ — народъ. Далѣе, если это и народъ, то въ какой же мѣрѣ онъ различенъ съ хуй-хэ? «Хотя эти два народа были одной и той же расы, говорили одинаково языкомъ уйгуровъ, или, лучше сказать, языкомъ тюркскимъ, но мѣсто и время ихъ происхожденія совершенно различны, и авторы, которые принимаютъ однихъ за другихъ, допускаютъ довольно грубую ошибку; по крайней мѣрѣ мнѣніе, которое сближаетъ эти народы, можетъ быть принято только въ извѣстномъ смыслѣ» (p. 285). На чемъ покоится мнѣніе Абель Ремюзы? 1) На показаніяхъ католическихъ монаховъ-путешественниковъ и 2) особенно на данныхъ китайскихъ источниковъ, которые поселяютъ народъ *вэй-ву-рь* 長兀兒 въ этихъ именно мѣстахъ. Но удивительно, какъ это Ремюза съ его тонкимъ критическимъ чутьемъ не обратилъ вниманія на хронологію китайскихъ цитатъ? Вѣдь китайскія лѣтописи раньше Юаньской династіи не знаютъ имени

вэй-оу-ръ, а всѣ усвоенія этого имени странѣ и народу мѣстностей Притянь-шаньскихъ сдѣланы китайскими энциклопедіями гораздо позднѣе вѣка Юаней. А если такъ, то остается рѣшить, откуда взялось это имя *вэй-оу-ръ*, или *уйгуръ*, и гдѣ были коренныя поселенія уйгуровъ, здѣсь ли или въ другихъ мѣстахъ? Правда, въ странахъ Притянь-шаньскихъ издревле жили тѣ же уйгуры, т. е. тюрки, одноплеменные съ восточными, но въ строгомъ смыслѣ уйгурами турецкіе историки Рашидъ-эддинъ и Абульгази называютъ восточныхъ тюрковъ, жившихъ въ области Селенги, а не западныхъ. Посему-то Абель Ремюза и прежніе изслѣдователи впали въ ошибку, аналогичную, примѣрно, слѣдующей. Если бы кто, вознамѣрившись прослѣдить исторію испанскихъ мавровъ, началъ ее съ разсмотрѣнія судебъ первоначальныхъ обитателей Испаніи, прослѣдилъ бы исторію послѣднихъ во времена Римской имперіи, переходъ во власть вестготовъ и потомъ отъ покоренія вестготовъ маврами продолжалъ бы предпринятую первоначально работу. Очевидно, онъ сдѣлалъ бы вѣрнѣе, отправившись въ Африку и прослѣдивъ судьбы мавровъ въ мѣстахъ ихъ первоначальныхъ поселеній; потомъ уже послѣ перехода мавровъ за Гибральтаръ, изучалъ бы ихъ исторію въ Испаніи. Подобнымъ же образомъ Ремюза и др. разсматривали послѣдовательно, начиная съ Чэ-ши, исторію западной части восточно-азіатскаго нагорья, окрестивъ ее именемъ Уйгуріи только потому, что уйгуры переселились сюда въ X—XII вѣкахъ.

Несмотря на всѣ похвалы, которыхъ по справедливости достоинъ названный трудъ Абэль Ремюза, и которыя расточаетъ ему въ обстоятельной замѣткѣ на «Recherches sur les langues tartares» Сильвестръ де Саси (Journal de savants, 1820, Juin), послѣдній, повидимому, не могъ согласиться съ мнѣніемъ Ремюза о родинѣ уйгуровъ и, не вступая въ обстоятельный разборъ и полемику, пишетъ нижеслѣдующее: «Центръ, изъ котораго начинались всѣ переселенія турецкой расы, кажется, былъ недалеко отъ верховьевъ Иртыша; тамъ, или недалеко оттуда, была резиденція уйгуровъ, которые первые изъ всѣхъ тюрковъ

имѣли алфавитъ» (р. 362). Эти слова были какъ бы предвѣстникомъ паденія установившихся взглядовъ о различіи хуй-хэ и уйгуровъ, и послѣ Ремюза никто уже не поднимаетъ ихъ. Въ 1828 году появляются въ свѣтъ «Записки о Монголіи» о. Іакинѳа и положительнымъ образомъ устанавливаютъ данныя о тождествѣ уйгуровъ и хуй-хэ. Историческая часть «Записокъ о Монголіи» нашла себѣ болѣе полное выраженіе 23 года спустя въ другомъ трудѣ автора «Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена», которомъ мы будемъ говорить подробно, но и въ томъ сокращенномъ видѣ, въ какомъ издано «Историческое обозрѣніе народа Монгольскаго» въ «Запискахъ о Монголіи», оно не могло остаться безъ вліянія на судьбы вопроса объ уйгурахъ. Окончательное отождествленіе хуй-хэ съ уйгурами, во-первыхъ, и причисленіе уйгуровъ къ монгольскому племени, во-вторыхъ, — являлись смѣлою новостью послѣ цѣлаго ряда предшествующихъ работъ въ противоположномъ направленіи. Нужно было разобраться во всемъ разнообразіи фактовъ, взглядовъ и доказательствъ, — и вотъ эту-то задачу взялъ на себя Казем-бэкъ въ обстоятельной статьѣ — «Изслѣдованія объ уйгурахъ» (Ж. М. Н. Пр., 1841, ч. XXXI). Автору во многомъ вредило незнаніе китайскаго языка. На этомъ основаніи онъ дѣлаетъ фантастическія сближенія словъ *Гао-чэ* (цзюй) 高車 и *Гао-чанъ* 高昌 (стр. 45), опровергаетъ вымышленное имъ же самимъ отличіе у Іакинѳа названій Тулэ отъ Дили, составляющихъ измѣненную транскрипцію іероглифовъ 敕勒 и 鐵勒 (стр. 54), и лишается возможности сличеніемъ переводовъ съ подлинниками избѣжать массы ошибокъ самыхъ мелкихъ. Но внѣ этого трактатъ его заслуживаетъ самаго тщательнаго изученія и большой похвалы. Имъ впервые установлено сближеніе показаній Абульгази-Багадуръ-хана съ китайскими лѣтописями о древнихъ жилищахъ уйгуровъ и вообще придано большое значеніе труду харезмскаго князя. На исторію уйгуровъ Казем-бэкъ смотритъ съ двухъ точекъ: «какъ на исторію царства, состоявшаго изъ многоразличныхъ

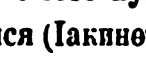
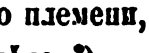
племенъ, носившихъ это общее наименованіе и распространившихъ свое могущество внѣ предѣловъ Тчесскихъ, и какъ на исторію поколѣнія, впослѣдствіи принимавшаго это наименованіе уйгуръ, какъ собственное имя. Мы постараемся соединить обѣ эти точки зрѣнія въ одну и говорить о той и другой, придерживаясь своего мнѣнія». Такое соединеніе вызвало у автора однако смѣшеніе понятій, причиною котораго мы считаемъ и у него, какъ у Abel Remusat, игнорированіе датъ, указывающихъ происхожденіе китайскихъ источниковъ. Онъ самъ нѣсколько разъ повторяетъ о странахъ и племенахъ Притянь-шаньскихъ: «Когда они въ первый разъ назвались уйгурами, кто ихъ назвалъ этимъ именемъ, и что дало поводъ къ этому названію, — объ этомъ мы ничего до сихъ поръ не нашли въ китайскихъ источникахъ» (стр. 43—44). Несмотря на это, Казем-бэкъ, отнеся первыя поселенія уйгуровъ въ страны Халхи, въ Селенгинскій бассейнъ, и не сказавъ ничего о передвиженіи этихъ древнѣйшихъ племенъ на западъ, продолжаетъ исторію уйгуровъ съ описанія Чэ-ши (Тчэссэ) только потому, что китайскіе историки XIII и XIV вѣковъ называютъ ихъ земли уйгурскими. Въ силу этой непослѣдовательности страннымъ представляется у него переходъ и къ исторіи гао-гюйскихъ племенъ. Здѣсь онъ опять пользуется неправильно словами Іакинѳа, что «гао-гюйскія племена по переселеніи въ Тарбагатай, стали называться ди-ли», и на этомъ основаніи помѣщаетъ ихъ на западѣ. Но какъ бы то ни было, а старые взгляды на безусловное различіе хуй-хэ и уйгуровъ рухнули, и новая система въ лицѣ Іакинѳа и Казем-бэка заняла прочное положеніе. Этихъ двухъ ученыхъ нельзя считать вполнѣ единомышленниками: Іакинѳъ считалъ уйгуровъ монголами, приближаясь нѣсколько въ этомъ пунктѣ ко взглядамъ Шмидта, Казем-бэкъ же смотрѣлъ на нихъ, какъ на тюрковъ, даже не упоминая въ своемъ трудѣ объ этой разницѣ своей во взглядахъ съ о. Іакинѳомъ.

Послѣ труда Казем-бэка въ сочиненіяхъ по уйгурскому вопросу содержится главнымъ образомъ количественное воспол-

неніе и обогащеніе историческаго матеріала, безъ особой обработки его. Такъ, въ 1847 г. Julien издалъ извлеченіе изъ сочиненія Ма-дуанъ-линя, описаніе путешествія Ванъ-янь-дэ на западъ, переведенное уже раньше у Visdelou и Abel Rémusat; онъ снабдилъ его болѣе обстоятельными комментаріями сравнительно съ прежними переводами, но выводовъ никакихъ не сдѣлалъ.

Новую гипотезу о происхожденіи имени уйгуръ выдвинулъ въ 1849 г. Дорчжи Банзаровъ. «Профессоръ Казем-бэкъ», пишетъ онъ, «считаетъ ойратъ и уйгуръ за однозначительныя нарицательныя имена, которыми обозначались народы Средней Азіи, допуская, что «уйгуръ», дѣйствительно, произведено отъ турецкаго «уймакъ» — прилѣпляться, пристават, какъ толкуетъ Абуль-гази (Ж. М. Н. Пр., 1841). По моему мнѣнію, дѣйствительно, есть сродство между этими именами, но только въ другомъ родѣ: «уйгуръ» происходитъ отъ «ой» — лѣсъ и «гуръ» — народъ и есть не что иное, какъ другая форма имени «ойратъ»[1]) или переводъ его. Исторія свидѣтельствуетъ, что уйгуры, переселившись изъ южной Монголіи на сѣверъ, обитали именно въ лѣсной Монголіи, т. е. на сѣверо-западѣ (о. Іакинѳъ, Записки о Монголіи, ч. III, стр. 136—137). Когда это поколѣніе составляло ханство, то ядро его обитало въ срединѣ Сѣверной Монголіи. Рашидъ-Эддинъ и Абуль-гази говорятъ, что уйгуры дѣлились на два отдѣла: одни жили по десяти рѣкамъ и назывались онъ (десять)-уйгуръ, а другіе — по девяти и назывались тогузъ (девять)-уйгуръ. Хотя Рашидъ-Эддинъ и приводитъ названіе десяти рѣкъ, на которыхъ жили уйгуры, но признать въ нихъ невозможно нынѣшнихъ названій; только въ Учъ-табилѣ узнаемъ Гурбанъ-Тамиръ, и въ Тулеръ нынѣшнюю Тоолу, впадающую въ Орхонъ; въ Утикэнѣ узнаемъ У-ти-цзянь китайскихъ

1) Доказанное уже сродство языковъ тюркскаго и монгольскаго позволяетъ думать, что слово «ой», употребительное только у Монголовъ, принадлежало нѣкогда и тюркамъ, а «гуръ» также не только общее слово монголамъ и тюркамъ, но сохранилось донынѣ и въ маньчжурскомъ «гурунь»-народъ. Поэтому, если бы уйгуры и были тюркскій народъ, какъ думаютъ многіе, то и тогда наше словопроизводство не можетъ почесться невозможнымъ.

историковъ,—гору, около которой, вѣроятно, протекала рѣка того же имени и на западной сторонѣ которой стоялъ Хара-Хурумъ, столица уйгурскихъ хановъ; это та самая гора, которая у монголовъ называется Утэгэ-хулавъ и при которой Угэтэй-ханъ скончался (Іакинѳъ, Ист. 4 хановъ, стр. 284—287). Тотъ же историкъ говоритъ, что десять рѣкъ назывались общимъ именемъ «Онъ-орхонъ» — десять Орхоновъ. Этихъ данныхъ уже достаточно, чтобы доказать, что онъ-уйгуры жили по бассейну нынѣшняго Орхона, а девять-уйгуровъ жили, вѣроятно, по Селенгѣ. Можетъ быть, этотъ послѣдній отдѣлъ уйгуровъ (если они были тюркскаго племени) состоялъ изъ ойратовъ. Глава этихъ уйгуровъ девяти рѣкъ назывался чисто монгольскимъ именемъ голъ-эркинъ [1]), «начальникъ гола», «главный на рѣкахъ», а у десяти уйгуровъ — пль — пльтэрэръ, пльтебэръ. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ всѣхъ фактовъ, которые окончательно могли бы объяснить вопросъ объ этихъ народахъ, но должно замѣтить, что вопросъ этотъ могъ бы быть развитъ до занимательной ясности, если бы въ основаніе его положить мысль, что уйгуры и ойраты суть два лѣсныхъ народа тюркскаго и монгольскаго племени, составлявшіе (съ VIII столѣтія) одно политическое тѣло»[2]).

Мнѣніе это представляется намъ не болѣе, какъ остроумной догадкой и заслуживаетъ вниманія больше по личности автора, чѣмъ по существу дѣла. О немъ должно замѣтить слѣдующее:

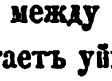
1) Весь выводъ автора построенъ такъ: уйгуры жили въ лѣсной области, лѣсъ по монгольски , народъ , слѣд., «уйгуръ» значитъ лѣсной народъ. Но если уйгуры были тюрки, то какимъ образомъ у нихъ оказалось монгольское названіе? Банзаровъ объясняетъ это сродствомъ языковъ, но вѣдь слова

1) У Джурджидовъ (по кит. Пю-джэнь) эргинъ означало «начальникъ гарнизона въ степной ордѣ (Visdelou, Suppl.).

2) «Черная вѣра или шаманство у монголовъ» и другія статьи Дорчжи Банзарова. Изд. подъ ред. Потанина. Спб., 1891. Статья «Объ Ойратахъ и Уйгурахъ», стр. 86—87.

«ой» онъ самъ не находитъ въ турецкомъ языкѣ; слѣдовательно, вопросъ остается открытымъ.

2) «Уйгуръ есть не что иное, какъ другая форма имени ойратъ или переводъ его», пишетъ авторъ. Въ словопроизводствѣ Банзаровъ стоитъ совершенно на почвѣ одинаковой съ другими учеными, сторонниками иного мнѣнія. Они объясняютъ оба слова «уйгуръ» и «ойратъ», какъ имѣющія тождественный смыслъ «союзникъ», хотя и берутъ его съ различныхъ языковъ. Если мы признаемъ съ Банзаровымъ, что «уйгуръ» есть переводъ слова «ойратъ», то, очевидно, первое слово должно появиться позднѣе второго, какъ создавшееся на почвѣ его. Откуда же это однако слѣдуетъ? Если китайское *хуй-хэ* 回紇 есть транскрипція слова уйгуръ, что признаетъ и самъ Банзаровъ (стр. 9), то послѣднее извѣстно еще со временъ Танской династіи, между тѣмъ самъ Банзаровъ, въ интересахъ котораго было бы начать возможно раньше исторію имени ойратъ (стр. 83), возводитъ ее только ко временамъ Чингисовыхъ завоеваній. Рашидъ-эддинъ и Абуль-гази же оба сообщаютъ имена ойратъ и уйгуръ, не отдавая какому-либо изъ нихъ первенства во времени происхожденія.

3) Относительно національности уйгуровъ Банзаровъ не имѣетъ опредѣленнаго мнѣнія. Въ статьѣ «Пайцзэ или металлическія дощечки» онъ пишетъ: «Буквы взяты были монголами отъ племени уйгуръ (турецкаго или монгольскаго)» (стр. 48). На стр. 86, въ примѣчаніи, онъ говоритъ: «Поэтому, если бы уйгуры и были тюркскій народъ, какъ думаютъ многіе, то и тогда наше словопроизводство не можетъ почесться невозможнымъ». Повидимому, здѣсь онъ склоненъ думать, что уйгуры — монголы. Это подтверждаетъ и его сближеніе словъ «ой аратъ» и «ой гуръ» ; между тѣмъ въ заключительной фразѣ статьи онъ прямо считаетъ уйгуровъ тюрками.

4) Наконецъ, послѣдняя фраза приведенной нами выдержки изъ его сочиненія: «Здѣсь не мѣсто»... и т. д. обличаетъ намъ въ авторѣ положительное незнакомство съ правильнымъ историческимъ методомъ. Онъ рекомендуетъ здѣсь строить изученіе

исторіи этихъ народовъ на предвзятой теоріи; онъ предписываетъ выводъ раньше, чѣмъ извѣстны факты, и посему такая мысль положительно должна быть отвергнута. Въ противоположность этому, мы совершенно соглашаемся съ Казембэкомъ, когда онъ говоритъ, что рѣшеніе вопроса объ уйгурахъ «требуетъ весьма подробнаго критическаго разсмотрѣнія всего, что китайскіе авторы въ разныя времена писали о Тчэссахъ, гоей-гуяхъ, уйгурахъ и хой-хорахъ или хуй-хэ». (Изслѣдованія объ уйгурахъ, стр. 43). Вообще же о трудѣ Банзарова должно сказать, что въ его статьѣ не видно обстоятельнаго изученія вопроса объ уйгурахъ. Это — остроумная догадка, основанная на сближеніи пяти-шести словъ; это набросокъ, чуждый строго исторической основы, который, можетъ быть, оказался бы несостоятельнымъ для самого автора, если бы онъ попробовалъ провѣрить и освѣтить его лучами исторіи. Впрочемъ онъ и не могъ сдѣлать этого: Дорчжи не зналъ китайскаго языка, а посему древнѣйшія свѣдѣнія объ уйгурахъ были ему недоступны.

Предъ нами лежитъ, наконецъ, самый большой и, безспорно, самый важный трудъ объ уйгурахъ — это Іакинфово «Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена» (2 т., 1851 г. Спб.). Онъ представляетъ собою дальнѣйшее развитіе и собраніе матеріаловъ, которые служили уже раньше автору при составленіи исторической части «Записокъ о Монголіи», но здѣсь они являются въ гораздо болѣе строгой послѣдовательности и въ гораздо большей ясности. «О. Іакинфъ», пишетъ въ своемъ трудѣ д-ръ Бретшнейдеръ, «даетъ самыя подробныя свѣдѣнія относительно исторіи хуй-хэ или уйгуровъ, взятыя изъ китайскихъ лѣтописей» [1]). И, дѣйствительно, только со времени появленія его труда оказалось возможнымъ для всѣхъ слѣдить за древними судьбами хуй-хэ, за ихъ кочеваніями, возвышеніемъ и упадкомъ, переходами то на западъ, то на востокъ, то на югъ степи, подпаденіями подъ власть то того то другого народа и т. д. Матеріалы для этого даетъ

1) Op. cit., p. 237.

не одна исторія хуй-хэ при Танской династіи, но вся сумма матеріаловъ: и исторія гао-гюйскихъ племенъ и исторія жужаней, ту-кюэсцевъ и хякасовъ. Словомъ, если бы говорить о положительныхъ сторонахъ труда о. Іакинѳа, то можно бы написать книгу, едва ли меньшую его двухтомнаго труда, потому что съ 1851 года почти всѣ изслѣдованія о кочевникахъ, вышедшихъ изъ Азіи и являвшихся въ разныя времена въ Европѣ, имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ именно упомянутое сочиненіе. Но мы обязаны коснуться и отрицательныхъ сторонъ труда, насколько намъ приходилось имѣть съ ними дѣло при занятіяхъ уйгурскимъ вопросомъ.

Прежде всего намъ кажется, что у о. Іакинѳа не было опредѣленнаго плана и прямо поставленной задачи при составленіи данныхъ переводовъ. Только этимъ можно объяснить тѣ важнѣйшіе пропуски, какіе мы находимъ въ его трудѣ. Излагается имъ исторія гао-гюйцевъ при сѣверной Вэйской династіи и исторія хуй-хэ при Танахъ. Въ послѣдней говорится, что названіе гао-гюй позднѣе измѣнено въ тѣ-лэ, что при Суйской династіи «племя Юань-гэ называлось Вэй-гэ», и т. п. Какъ же можно было при такомъ большомъ трудѣ не заглянуть въ лѣтописи Суйской династіи? Разсматривать періоды Вэйской и Танской династій — и пропустить промежуточную Суйскую! Трудно даже предположить, чтобы о. Іакинѳъ при своей огромной эрудиціи не видѣлъ этихъ лѣтописей. Нѣтъ, онъ просто-на-просто не придалъ имъ никакого значенія. Однако, какъ увидимъ ниже, данныя Суйской исторіи, при всей ихъ краткости, проливаютъ много новаго свѣта на этнографію хуй-хэскихъ племенъ и устанавливаютъ прочную связь между показаніями Вэйскихъ и Танскихъ лѣтописей. Конечно, можно возразить на это, что не могъ о. Іакинѳъ одинъ удовлетворить всѣ, хотя бы и справедливыя требованія. Онъ одинъ сдѣлалъ столько же, сколько почти всѣ миссіонеры, жившіе до него и при немъ на сѣверномъ пекинскомъ подворьи, взятые вмѣстѣ, но мы оттѣняемъ именно такой пропускъ, который при крайней количественной незначи-

тельности былъ бы существенно важенъ для выводовъ самого автора и который при этомъ по характеру матеріала совершенно однороденъ съ излагаемыми авторомъ свѣдѣніями.

Всматриваясь въ самый переводъ, мы не можемъ не отмѣтить у о. Іакинѳа нѣсколько пріемовъ неправильныхъ, которые дѣлаютъ пользованіе его трудомъ для лицъ, лишенныхъ возможности, по незнанію китайскаго языка, сличать переводъ съ оригиналомъ, крайне затруднительнымъ и даже опаснымъ для научной работы. Во-первыхъ, онъ позволяетъ себѣ произвольное замѣщеніе китайскихъ названій вольнымъ переводомъ и даже допускаетъ крайне вредный пріемъ — переводъ двухъ совершенно различныхъ словъ однимъ русскимъ терминомъ. Такъ, основнымъ племенемъ дома хуй-хэ 回紇 было племя юань-хэ 遠紇. Оно входило въ составъ гао-гюй при Вэйской династіи, въ тѣ-лэ при Суйской и въ хуй-хэ въ періодъ Тановъ. На стр. 373 о. Іакинѳъ пишетъ: «Юань-гэ (т. е. Ойхоръ)» и въ слѣдующей же фразѣ переводитъ слово юань-гэ — ойхорцы. На слѣдующей страницѣ онъ пишетъ: «Ойхоръ (въ кит. текстѣ юань-хэ), соединившись съ Пугу, Тунпо и Баѣгу, отложился, объявилъ себя Сыгинемъ и назвался Хой-хэ»; къ этому онъ сейчасъ же дѣлаетъ примѣчаніе: «Хой-хэ собственно есть ойхоръ». Такимъ образомъ и *юань-хэ* 遠紇 и *хуй-хэ* 回紇 онъ переводитъ по-русски словомъ «ойхоръ», хотя это два понятія совершенно различныя, именно: юань-хэ — отдѣльное племя, а хуй-хэ — союзъ, коалиція отдѣльныхъ племенъ и названіе правящаго ими, царствующаго дома. Неправильность такого пріема очевидна. Если бы въ строго научномъ трудѣ, посвященномъ вопросу объ объединеніи Германіи мы начали безразлично употреблять слова «Пруссія» и «Германія», то легко себѣ представить, какая путаница историческихъ понятій и терминовъ получилась бы у насъ! Такая же точно путаница существуетъ въ переводѣ о. Іакинѳа, и разобраться въ ней человѣку, незнакомому съ китайскимъ языкомъ, невозможно.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ о. Іакинѳъ не вдумывался въ текстъ

и допускалъ противорѣчія; напр., на стр. 406, при разсказѣ о возмущеніи въ хуй-хэской ордѣ переводчикъ кое-гдѣ совсѣмъ не понялъ текста, какъ, напр., показываетъ выраженіе изъ рѣчи Ли-ми: «Во времена трудныхъ обстоятельствъ употребляли сей обрядъ и со всѣмъ тѣмъ подчиняли себѣ, кольми паче въ настоящее время». «Histoire de la Tartarie» Visdelou (p. 146) даетъ понять возможность иного, гораздо болѣе яснаго перевода. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ о. Іакинѳъ, переводя подстрочно, не дѣлаетъ поясненій и примѣчаній; для незнакомаго же съ китайскимъ текстомъ получается историческое противорѣчіе. Такъ, въ рѣчи хана годовъ правленія *Чжэнь-юань* (стр. 413) «Нынѣ», говоритъ ханъ, «къ счастію, я сдѣлался преемникомъ и отъ отца имѣю пропитаніе»:

也父於食仰絕繼得幸今

Отъ какого же отца (父 фу) могъ имѣть пропитаніе ханъ, если его отецъ былъ уже давно убитъ? Виделу замѣтилъ это противорѣчіе и переводитъ: «l'Empire qui me nourriга» (p. 148), а, можетъ быть, ханъ называетъ отцомъ и Гѣгянгаса.

Но самою вредною для лицъ, незнакомыхъ близко съ трудами Іакинѳа, чертою его переводовъ является, безъ сомнѣнія, проходящая сквозь все сочиненіе предвзятая идея о томъ, что уйгуры по своему происхожденію были монголы. Какія были основанія у знаменитаго синолога для такого вывода, онъ нигдѣ не говоритъ опредѣленно, хотя положеніе о монгольскомъ происхожденіи среднеазіатскихъ кочевниковъ является у него во всѣхъ трудахъ краеугольнымъ камнемъ обобщеній по этнографіи, и явилось оно, внѣ всякаго сомнѣнія, слѣдствіемъ глубокаго изученія перемѣнъ въ судьбахъ племенъ восточно-азіатскаго нагорья. Всѣ наши поиски въ трудахъ оріенталистовъ, вызванные желаніемъ найти хотя какую-нибудь путеводную нить къ разъясненію этого взгляда о. Іакинѳа, не дали никакихъ результатовъ. Замѣтно только какое-то странно проническое отношеніе къ «увлеченію монголизмомъ» у синолога — и больше ничего. Вдумываясь въ эту удивительную на первый взглядъ ошибку о.

Іакиноа, мы пришли къ заключенію, что вся система о. Бичурина построена на неправильномъ переводѣ двухъ іероглифовъ. Во всѣхъ же своихъ дальнѣйшихъ посылкахъ она представляется замѣчательно правильною и стройною. Можно, правда, указать на несостоятельность нѣкоторыхъ изъ его доказательствъ, но эти доказательства и для самого творца системы имѣютъ второстепенное значеніе. Невѣрно переведенные іероглифы суть 瀚海 *хань-хай*. Въ словарѣ Палладія и Попова они значатъ: «Монгольская степь; сѣверная каменистая степь, куда птицы летаютъ мѣнять перья, древн.» (т. 2, стр. 96). А о. Іакиноъ разумѣетъ подъ *Хань-хай* озеро Байкалъ. Но допустите переводъ о. Іакиноа, и тогда вся его система становится ясною, какъ на ладони. Новѣйшія изслѣдованія вполнѣ подтверждтаютъ мысль, которая для о. Іакиноа была очевидною, что первоначальныя жилища и кочевья монгольскаго племени располагались вокругъ Байкала и по направленію къ верховьямъ Амура. Слѣдя по китайскимъ лѣтописямъ за мѣстами первоначальныхъ поселеній племенъ, родственныхъ съ гао-гюй и хуй-хэ, онъ долженъ былъ ихъ пріурочить именно къ этимъ мѣстамъ. Про гу-ли-гань, напр., говорится: 骨利幹處瀚海北, т. е. «гу-ли-гань жило по сѣверную сторону Хань-хай», а о. Іакиноъ переводитъ «Гу-ли-гань кочевало по сѣверную сторону Байкала» (стр. 439). Около этихъ же мѣстъ кочевали племена Ху-сѣ, У-ло-хунь, Ба-ѣ-гу. А если такъ, если уйгурскія племена занимали исконныя жилища монголовъ, то не очевидно ли, что они сами — монголы? Конечно, такъ. А если они монголы, то и единоплеменныя имъ орды, занимавшія земли болѣе южныя, — тоже монголы, а вслѣдъ затѣмъ и другія племена дунъ-лины[1]) и даже чи-ди[2]), потомками которыхъ историки китайскіе признаютъ всѣхъ гао-гюйцевъ и хуй-хэ, неминуемо должны быть причислены къ монгольской же народности. Можно ли сказать хотя одно слово противъ такого правильнаго заключенія? Можно

1) Т. I, стр 448.
2) Іb., стр. 248.

свести дѣло только къ вопросу о компетентности китайскихъ лѣтописей въ разрѣшеніи даннаго положенія, но вѣдь эти анналы являются единственнымъ источникомъ, и выбора здѣсь никакого быть не можетъ.

Совсѣмъ другая картина разселенія племенъ представится намъ, если мы упомянутое названіе 瀚海 «хань-хай» переведемъ терминомъ «Гоби», разумѣя подъ нею восточную ли то или западную степь. Тогда всѣ племена, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, передвигаются въ гораздо болѣе южную полосу Средней Азіи. Знаменитые гу-ли-ганъ, вмѣсто сѣверныхъ частей нынѣшнихъ Забайкальской области и Иркутской губерніи, займутъ южныя полосы ихъ, гдѣ-то на границѣ Россіи съ Китаемъ, а болѣе сѣверную территорію придется отвести племенамъ «Гюнь-ма, иначе Би-ла и Ѣ-ло-чжи, жившимъ на сѣверѣ близъ моря»[1]), гдѣ подъ моремъ разумѣется, конечно, Байкалъ. Тогда понятнымъ становится, какъ это племена да-хань и гюй, обитавшія еще сѣвернѣе, могли приходить въ столкновеніе съ хягасами, т. е. киргизами. По теоріи о. Іакиноа, имъ приходилось «обитать гдѣ-то по Ленѣ и Енисею, отъ хягасовъ и Байкала далѣе на сѣверъ»[2]), т. е. гдѣ-то въ тундрахъ, и съ какими же киргизами могли они тамъ сталкиваться? Здѣсь легко было бы винить китайцевъ въ несообразности и нелѣпости, но не легче и не вѣрнѣе ли обвинить въ ошибкѣ переводчика и толкователя, избавивъ китайскія лѣтописи отъ напрасныхъ нареканій? Мы предпочитаемъ послѣднее.

Съ перемѣщеніемъ всѣхъ уйгурскихъ племенъ въ болѣе южную полосу Средней Азіи область первоначальныхъ поселеній монгольской народности остается далеко внѣ сферы исторической жизни хуй-хэ. Монголы могли жить въ нынѣшней Забайкальской области, а также на востокъ и на западъ отъ Байкала и на островахъ его, почти не приходя въ соприкосновеніе съ сильными сосѣдями своими на югѣ. Послѣднимъ, занятымъ борьбою съ

1) Ib., стр. 442.
2) Ibidem.

Китаемъ, Тибетомъ и хягасами и собственными междоусобіями, не было времени думать о сѣверѣ, да и не было тамъ ничего привлекательнаго для кочевниковъ съ ихъ стадами. Бѣдное населеніе, лѣсистая угрюмая мѣстность, горы, перерѣзанныя сравнительно плодородными рѣчными долинами, — все это не давало простора значительнымъ по численности хуй-хэскимъ ордамъ, и мы, дѣйствительно, не знаемъ ни одного, хотя бы самаго краткаго, извѣстія о движеніи ихъ на сѣверъ дальше долинъ Селенги, Тоолы и Орхона. А пока монголы сидѣли въ сѣверныхъ прибайкальскихъ земляхъ, степь занимали тюрки, владѣя ею вплоть до XI вѣка, когда монголы выступили на всемірную арену и оттѣснили далеко своихъ южныхъ сосѣдей. Такимъ образомъ весь вопросъ сводится къ опредѣленію термина 瀚海, но это вопросъ довольно трудный. Обыкновенно этимъ названіемъ обозначается сѣверо-восточная часть Монгольской Гоби. Впервые этотъ терминъ встрѣчается въ китайскихъ лѣтописяхъ подъ 119 годомъ по Р. Х. Тамъ разсказывается, что китайскій генералъ, нанеся пораженіе сюнъ-ну преслѣдовалъ ихъ до Хань-хай. Комментаторъ Танской исторіи объясняетъ Хань-хай черезъ «сѣверное море». Рихтгофенъ (China, I, 24) правильно переводитъ эти два іероглифа черезъ «высохшее море». Онъ строитъ на этомъ теорію существованія огромнаго моря въ древнее время въ этихъ мѣстахъ, которое нынѣ превратилось въ пустыню. Китайскія лѣтописи V столѣтія означаютъ Хань-хай, какъ мѣстожительство жу-жаней, власть которыхъ въ этотъ періодъ простиралась на большую часть Монголіи. Двумя столѣтіями позднѣе Танская исторія утверждаетъ, что владѣнія ту-кюэсцевъ доходили до сѣверной стороны Хань-хай, и мы читаемъ, что въ странѣ хуй-хэ въ 630 г. было учреждено Хань-хай-ду-ду-фу, т. е. Хань-хайское генералъ-губернаторство. Не взирая на то, что китайскій комментаторъ объясняетъ этотъ терминъ словами «сѣверное море», не видно однако изъ исторіи, что это названіе прилагается къ морю. Минъ-и-тунъ-чжи (географія Минской династіи) въ главѣ о Лю-чэнъ, расположенномъ между Турфанью и Пичаномъ,

утверждаетъ, что Хань-хай — не китайское слово, а названіе варварскихъ племенъ, живущихъ къ востоку отъ этой страны. Современныя китайскія карты пустыню на востокъ отъ Хами называютъ Хань-хай.

Вотъ данныя, изъ которыхъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ, что Хань-хай — степь, а не Байкальское озеро.

Несмотря на то, что вопросъ о монгольскомъ происхожденіи уйгуровъ является для о. Іакиноа положеніемъ безспорнымъ, но онъ все-таки старается обосновывать его на благопріятствующихъ ему фактахъ при обзорѣ исторіи племенъ. Впрочемъ это случается очень рѣдко, и намъ удалось найти только одно такое мѣсто, и выбрано оно, нужно сказать, ученымъ очень неудачно. Переводя отдѣлъ о хягасахъ, о. Іакинѳъ встрѣтилъ такую фразу: «Письмо ихъ и языкъ совершенно сходны съ ойхорскими» (стр. 446); между тѣмъ цзянь-гунь, хягасы, хакасы или киргизы — племя, безспорно, тюркское; съ этимъ согласенъ и о. Бичуринъ. А если такъ, то и говорящіе съ нимъ однимъ языкомъ ойхоры — тоже тюрки! Какъ же примирить такое противорѣчіе общепринятому въ сочиненіи взгляду? Синологъ пытается устранить его догадкою, идущею въ разрѣзъ съ буквальнымъ смысломъ текста, что встрѣчается у него крайне рѣдко, и догадка построена имъ на этотъ разъ совершенно неудачно [1]).

---

1) Считаемъ нужнымъ выписать здѣсь это объясненіе о. Іакинѳа: «Хягасъ по первоначальному своему составу должно быть государство монголо-тюркское и состоитъ изъ двухъ народовъ: тюрковъ и монголовъ. Тюрки, иначе татары, есть коренные жители, а монголы суть ихъ повелители, извѣстные прежде подъ названіемъ хунновъ, а въ сію эпоху назывались они ойхорцами. Въ переговорахъ съ китайскимъ посольствомъ при дворѣ хягасовъ, вѣроятно, употребляли ойхорскій языкъ, какъ господствующаго народа, извѣстный китайцамъ: и потому посланникъ написалъ, что хягасы говорятъ ойхорскимъ языкомъ; въ самой же вещи хягасы говорили татарскимъ языкомъ, что доказываютъ слова: ай—мѣсяцъ, бэй—титулъ министра. Что касается до ойхорскаго письма, то оно, повидимому, въ IX столѣтіи уже распространилось въ Монголіи, и, судя по названію, введено самими монголами въ неизвѣстное время, потому что дулгасцы, господствовавшіе въ Монголіи прежде ойхоровъ, также имѣли свое письмо» (Ib., т. I, стр. 446).

Въ своемъ объясненіи авторъ считаетъ вопросъ о монгольскомъ происхожденіи уйгуровъ уже рѣшеннымъ и ойхорскій языкъ считаетъ монгольскимъ, а въ то же время самъ ищетъ подтвержденія своему мнѣнію въ данномъ фактѣ. Но точное изслѣдованіе дѣла приводитъ къ противоположному съ о. Іакинѳомъ выводу. Во-первыхъ, нѣтъ никакихъ основаній заключать, что авторъ-китаецъ судилъ о хягасахъ по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ, которыя представлялись въ его распоряженіе хягасскими посольствами, являвшимися ко двору. У него были подъ руками или личныя наблюденія или записки очевидцевъ. Это ясно изъ слишкомъ точнаго характера сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Ясно, что говоря о языкѣ, онъ разумѣлъ языкъ разговорный, а не бумажный, книжный, дѣловой. Во-вторыхъ, хягасы и не могли употреблять въ сношеніяхъ съ Китаемъ ойхорскаго языка, потому что страницу спустя тотъ же лѣтописецъ пишетъ, что «послѣ завоеванія ойхорами государства хягасовъ» (т. е. именно тогда, когда монголы у нихъ стали повелителями тюрковъ) «хягасскія посольства уже не могли проникнуть въ Срединное государство» (стр. 449), и въ китайскихъ лѣтописяхъ мы свѣдѣній объ нихъ не находимъ. А для чего же хягасы, какъ самостоятельное государство, въ сношеніяхъ съ Китаемъ употребляли бы ойхорскій, а не свой языкъ? Ясно, что если хягасы были тюрки, то какъ и показываетъ прямой смыслъ приведенныхъ словъ китайской лѣтописи, говорившіе съ ними однимъ языкомъ ойхоры тоже были тюрки, а оружіе о. Іакинѳа обращается на него самого.

Въ виду всего вышесказаннаго переводъ о. Іакинѳа не можетъ считаться идеальнымъ и безукоризненнымъ. Правда, данныя имъ свѣдѣнія изъ Бэй-Вэйской исторіи въ его трудѣ впервые открылись европейскому міру, но отдѣлъ о хуй-ху изъ Танъ-шу почти за 100 лѣтъ до изданія «Собранія свѣдѣній о народахъ», былъ уже извѣстенъ въ переводѣ Виделу въ его «Histoire de la Tartarie». Можетъ показаться страннымъ, почему о. Іакинѳъ взялъ для перевода старую Танскую исторію 舊唐書, а не новую 新唐書 *Синь-танъ-шу*. Послѣдняя гораздо вѣрнѣе, точ-

нѣе и полнѣе. Но разгадку даетъ «Supplément sur la Bibliothèque Orientale»: оказывается, что переводъ изъ Синь-танъ-шу давно сдѣланъ у Виделу, но почему-то оставался не у дѣлъ, и ни одинъ ученый не думалъ ставить его наравнѣ съ Іакинѳовымъ. Однако ему во многихъ отношеніяхъ нужно отдать преимущество предъ Іакинѳомъ, особенно за точную, отчетливую передачу собственныхъ именъ лицъ и мѣстностей и за отсутствіе всякихъ предвзятыхъ идей, которыя вліяли бы вредно на переводъ. Не нужно забывать также, что онъ полнѣе перевода о. Іакинѳа, потому что взятъ изъ Синь-танъ-шу, и, какъ таковой, даетъ много новыхъ свѣдѣній, которыми должны были бы воспользоваться ученые, если бы отнеслись къ этому замѣчательному труду внимательнѣе. И страннѣе всего, что о. Іакинѳъ ни однимъ словомъ нигдѣ не обмолвился о своемъ предшественникѣ-Visdelou, точно послѣдняго не существовало. Трудно предположить, чтобы о. Бичуринъ не зналъ о существованіи этого труда. Противъ этого достаточно говоритъ его выборъ Цзю-танъ-шу, но въ переводѣ русскій синологъ идетъ совершенно самостоятельно и, видимо, даже не справляется съ взглядами французскаго коллеги. Оба перевода различны часто до противоположности.

Дальше слѣдуетъ трудъ В. В. Григорьева: «Восточный Туркестанъ» (Спб., 1873). Во второмъ томѣ профессоръ даетъ компиляцію изъ всѣхъ предшествовавшихъ ему трудовъ, посвященныхъ вопросу объ уйгурахъ. В. В. Григорьевъ не сообщаетъ никакихъ новыхъ взглядовъ или выводовъ, ему лично принадлежащихъ. Нѣкоторымъ дополненіемъ извѣстныхъ раньше свѣдѣній являются здѣсь извлеченія изъ Ляоской исторіи, доставленныя автору китаистомъ Суровцевымъ (стр. 274—277), но и они по частямъ уже были извѣстны раньше. Крайне неудобною представляется въ «Восточномъ Туркестанѣ» система изложенія; авторъ слѣдовалъ методѣ Риттера въ этомъ отношеніи и потому разбросалъ данныя объ одномъ народѣ по разнымъ мѣстамъ книги, слѣдя за различными мѣстностями при переселеніяхъ и перекочевкахъ этого народа.

Впечатлѣніе нѣсколько страннаго анахронизма производятъ два реферата Schott'a: «Zur Uigurenfrage», Abhandl. der königl. Acad. d. Wissensch. zu Berlin, 1873 и 1875 г. Онъ, вовсе не касаясь общаго хода исторіи вопроса объ уйгурахъ, въ первомъ рефератѣ возвращается къ давно погребенной борьбѣ Клапрота и Шмидта и подвергаетъ новому пересмотру переводъ Клапротомъ текста Абульгази. Шоттъ указываетъ въ переводѣ множество ошибокъ, о которыхъ мы, не зная языка Харезмскаго князя, не судимъ, обвиняетъ Клапрота въ поспѣшности, произволѣ и пр. Но всѣ эти замѣчанія не имѣютъ никакого вліянія на выводы самого Шотта. Совершенно игнорируя всю работу европейской и особенно русской мысли со временъ Абель Ремюза, онъ вновь повторяетъ данныя объ уйгурахъ при Тянь-шани, пытается найти начало имени уйгуръ въ *И-у* 伊吾, древнемъ названіи Хами, говоритъ о *Чэ-ши* 車帥, *Гу-ши* 故帥, *Гао-чанъ* 高昌, какъ родинѣ уйгуровъ, и прочее.

Во второмъ рефератѣ авторъ сообщаетъ, что источниками ему служили главнымъ образомъ двѣ энциклопедіи: *Тай-пинъ-хуай-юй-цзи* 太平寰宇記 и *Вэнь-сянь-тунъ-као* 文獻通考. Страннымъ представляется такой выборъ источниковъ, краткихъ и неполныхъ, тогда, когда европейскими синологами разработаны уже династійныя исторіи въ отдѣлахъ объ инородцахъ Китая. Кромѣ того, Вэнь-сянь-тунъ-као уже давно давало матеріалы ученымъ. Еще Дегинь первый обратилъ на нее вниманіе и пользовался ея богатствами, и Абель Ремюза отдалъ должное критическому уму ея автора. Что же касается до Тай-пинъ-хуай-юй-цзи, то это — маленькая энциклопедія, гдѣ всѣ свѣдѣнія о хуй-хэ и гао-гюйцахъ излагаются всего на трехъ листикахъ. Авторъ опять обращаетъ вниманіе на мѣста поселеній уйгуровъ при Тянь-шани и не обращаетъ вниманія на другія племена уйгурскія, не старается возстановить ихъ связь, хотя энциклопедія въ отдѣлѣ о тѣ-лэскихъ племенахъ и даетъ для этого достаточно матеріала.

Изъ всѣхъ послѣднихъ изслѣдователей уйгурскаго вопроса

мы въ правѣ предъявить всего болѣе требованій къ доктору Бретшнейдеру, какъ къ синологу, долго занимавшемуся исторіей и географіей Средней Азіи по восточнымъ и западнымъ источникамъ. Однако нельзя сказать, чтобы въ своемъ сочиненіи «Mediaeval Researches» (London, 1888) въ отдѣлѣ «The Uigurs» (v. II., pag. 236—263) онъ воспользовался очень обстоятельно китайскою библіотекой по данному предмету, хотя онъ и снимаетъ отчасти отвѣтственность съ себя указаніемъ довольно ограниченной, прямо поставленной предъ собою задачи. Онъ хотѣлъ «сдѣлать для европейскихъ ученыхъ доступными нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія изъ исторіи и географіи Азіи, находящіяся въ древнихъ китайскихъ и монгольскихъ произведеніяхъ и относящіяся ко времени монгольскаго владычества въ Азіи» (т. 1, стр. 179). По отношенію къ уйгурамъ такою постановкою дѣла исключается совершенно, во-первыхъ, вся наиболѣе интересная часть исторіи этого народа, періодъ самостоятельнаго существованія ихъ и еще болѣе раннее время блужданія изъ-подъ главенства одного племени къ эгидѣ другого; во-вторыхъ, съ автора совершенно снимается отвѣтственность за такое или иное рѣшеніе вопросовъ о происхожденіи и этнографическомъ составѣ уйгуровъ. Авторъ въ правѣ былъ посему для всей исторіи до-монгольскаго періода пользоваться европейскими источниками, которые онъ и перечисляетъ. Видно, что онъ не сличалъ перевода о. Іакинфа съ текстомъ Танской исторіи, потому что повторяетъ его ошибки. Что же касается до временъ Юаньской династіи, то и по отношенію къ этимъ годамъ новыхъ данныхъ объ уйгурахъ сообщается очень мало у этого автора по объему — несравненно менѣе обзора источниковъ для даннаго періода, обзора, помѣщеннаго въ «Bibliographical notices». Источниками для него служили Юань-ши, Юань-ши-лэй-бянь, Юань-чао-ми-ши (авторъ, по усвоенной на Западѣ ошибкѣ, пишетъ pi-shi), при чемъ первый трудъ занимаетъ главное мѣсто. Въ концѣ изложенія данныхъ китайскихъ лѣтописей авторъ приводитъ рядъ біографій уйгуровъ, прославившихся при Юаньской династіи, изъ Юань-ши; авторъ

не переводитъ ихъ, а только сообщаетъ основныя мысли каждой, замѣчая вообще, что «онѣ могутъ имѣть нѣкоторый интересъ» (p. 250). Этотъ указатель много облегчаетъ механическую работу собиранія матеріаловъ.

Уйгурскому вопросу посвященъ также трудъ академика В. В. Радлова: «Das Kudatku Bilik»(Спб., 1891 г.). Во введеніи[1]) къ тексту рукописи авторъ на 93 страницахъ излагаетъ результаты всѣхъ своихъ долголѣтнихъ занятій даннымъ предметомъ и даетъ много новыхъ соображеній и выводовъ. Мы коснемся только его анализа данныхъ китайскихъ источниковъ.

Прежде всего «Ueber den Namen Uigur». Подобно о. Іакинѳу, который два различныя слова и понятія юань-хэ и хуй-хэ переводитъ одинаково словомъ «ойхоръ», и В. В. Радловъ не различаетъ ихъ, а потому словомъ «Uigur» онъ переводитъ «ойхоръ» о. Іакинѳа съ тѣми же результатами. Посему авторъ говоритъ, что «die Uiguren zur Zeit der Dynastie der nördlichen Wei Kaokü (гао-гюй) genannt würden», и ниже: «Zur Zeit der Dynastie Sui werden die Uiguren Wei-ho (Вэй-хэ), manchmal auch Wu-ho (У-хэ) und Wu-hu (У-ху) genannt» (p. VII). Однако въ текстѣ сказано, что гао-гюйцами назывались хуй-хэ, а вэй-хэ, у-хэ и у-ху было именемъ отдѣльнаго племени юань-хэ, которое позднѣе въ соединеніи съ другими племенами, образовало союзъ племенъ, союзное государство, получившее имя хуй-хэ. Между тѣмъ въ «Histoire de la Tartarie» Visdelou говоритъ: «Les Ouei Tartares leur (Hoei-he, т. е. хуй-хэ) donnèrent le nom de Kaotche» и ниже: «Quant aux Yuen-he», т. е. юань-хэ, «ils se nommoient encore Ou-hou et Ou-ho, ou bien Ou-he»[2]). И о. Іакинѳъ говоритъ, что не хуй-хэ назывались у-ху и вэй-хэ, а юань-хэ.

Далѣе, стараясь уяснить себѣ названіе гао-гюй или гао-чэ 高車, прилагавшееся къ тюркскимъ племенамъ во времена

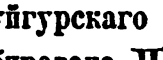
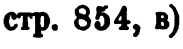
---

1) Извлеченіе изъ этого введенія въ русскомъ переводѣ помѣщено въ приложеніи № 2 къ LXXII т. Зап. Имп. Акад. Наукъ.

2) Suppl., Bibliothèque Orientale, v. IV, p. 128.

Вэйской династіи, В. В. Радловъ строитъ рядъ гипотезъ. Въ началѣ онъ предполагаетъ, что его «можно было бы, пожалуй, считать переводомъ имени Канглы», но здѣсь же самъ опровергаетъ себя точнымъ показаніемъ, что племя Канглы, во-первыхъ, жило гораздо западнѣе, во-вторыхъ, имѣетъ свое опредѣленное названіе въ китайскихъ лѣтописяхъ (Канъ-гюй). Въ слѣдующихъ строкахъ, уже отказываясь отъ желанія видѣть въ словѣ гао-гюй переводъ какого-либо тюркскаго слова, авторъ догадывается, что при томъ объясненіи имени гао-гюй, которое даютъ китайскіе историки («высокія телѣги»), мы наталкиваемся на образчикъ народной этимологіи или, вѣрнѣе, ученой этимологіи и на происшедшее отсюда преданіе. Въ словѣ гао-гюй 高車 онъ видитъ одинъ изъ примѣровъ того, что китайскіе авторы звуковую передачу иностранныхъ собственныхъ именъ выражаютъ такими іероглифами, которые дѣлаютъ понятнымъ для ихъ соотечественниковъ самый смыслъ имени. Такимъ образомъ по этой догадкѣ въ словѣ гао-гюй совмѣщается и транскрипція иностраннаго имени и осмысливаніе этого имени китайцами; послѣднее совершается совершенно произвольно, на почвѣ чисто случайнаго признака и не даетъ вовсе понятія о вѣрномъ значеніи иностраннаго слова. Авторъ останавливается на только что высказанной гипотезѣ и даетъ ей дальнѣйшій ходъ и развитіе. Собравъ вмѣстѣ всѣ названія уйгурскихъ племенъ, встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ Срединнаго государства, онъ строитъ слѣдующее обобщеніе.

«Эти различныя названія уйгуровъ китайцами распадаются на двѣ группы: 1) на имена съ гортаннымъ звукомъ: Kao-kŭ, Hui-ho, Hui-hu, Hui-hui и 2) на имена съ гласнымъ звукомъ: Ui-ho (Wei-ho), U-ho (Wu-ho), U-hu (Wu-hu), Ui-ngu-rh (Wei-wu-rh). Всматриваясь ближе въ эти ряды именъ, замѣтно съ перваго раза, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ искаженіями слова Uigur, явившимися вслѣдствіе трудности точной (lautlich) передачи этого слова китайскими знаками. Эти искаженія только тогда можно понять, когда мы вникнемъ въ законы транскрипціи иностранныхъ словъ китайскими іероглифами. Иностранныя слова

должны быть переданы въ такомъ случаѣ китайскими словами, а эти послѣднія состоятъ изъ одного слога, или, точнѣе, 1) изъ одной согласной; 2) изъ гласной съ конечною *нъ* (*n*) или *нг* (*ng*); 3) изъ простой согласной и гласной; 4) изъ начальной согласной, гласной и конечной *нъ* или *нг*; 5) изъ полнозвучныхъ согласныхъ *rh* (средній звукъ между *r* и *l*), *z*, *s* и *sch* безъ гласной. Китайцы опускаютъ обыкновенно при транскрипціи одну изъ находящихся въ срединѣ слова двухъ рядомъ стоящихъ согласныхъ, а также утаиваютъ передачу конечной согласной, которой не хватаетъ въ ихъ языкѣ. Всего лучше я могу это наблюдать въ китайской транскрипціи уйгурскихъ словъ уже упомянутаго много разъ уйгурскаго словаря, напр., фраза udup käl транскрибирована 兀 託 謙 *у-то-цзянь*. Если же китайцы пожелаютъ транскрибировать слова точнѣе, они должны сдѣлать столько же слоговъ, сколько слово содержитъ согласныхъ, напр. киргизъ-ки-ли-цзы-сы. Такимъ образомъ выше всякаго сомнѣнія, что слова U-hu, U-ho, Wei-hu и Wei-ho суть искаженія слова uigur, которое въ точной передачѣ звучитъ ui-gu-rh. А такъ какъ китайскія слова, содержащія въ себѣ гортанный звукъ, не могутъ выражать транскрипціи этого имени (въ которомъ гортаннаго звука нѣтъ), то они, вѣроятно, происходятъ отъ другой формы его, начинающейся съ гортанной. Лексиконъ Ковалевскаго (т. II, стр. 854, в) вмѣсто uigur пишетъ chui-gur, и мы поэтому въ правѣ принять, что или иностранныя племена (можетъ быть, тунгузы) сообщили китайцамъ въ самыя раннія времена форму chui-gur, или же послѣдняя представляетъ собою болѣе древнюю форму слова uigur, и что имена Kao-kü, Hui-he, Hui-hu и Hui-hui — искаженія формы chui-gur» (p. VIII).

По этому поводу необходимо замѣтить, что при анализѣ китайской фонетики авторъ руководится чисто европейской точкою зрѣнія на языкъ и устанавливаетъ законы для нея, едва ли вполнѣ обнимающіе вопросъ о транскрипціи китайскими іероглифами иностранныхъ именъ. Значеніе, придаваемое слогамъ и ихъ составнымъ частямъ, гласнымъ и согласнымъ, начальнымъ

и конечнымъ звукамъ, въ изложеніи В. В. Радлова усиливается въ ущербъ другой сторонѣ дѣла. Китайскій языкъ — корневой и односложный, и при передачѣ какихъ бы то ни было звуковъ въ немъ главную роль играютъ интонаціи или ударенія 音聲, а вовсе не гласные или согласные звуки, о которыхъ китайцы, не имѣя алфавита, не имѣютъ никакого понятія. При транскрипціи нѣкоторыхъ китайскихъ словъ европейское ухо часто даже не улавливаетъ начальнаго согласнаго звука, до того онъ неопредѣленно звучитъ въ рѣчи китайца. Оттого 烏 одни будутъ читать *у*, другіе — *оу*, а 俄 одни — *о*, другіе — *ngo*, и для китайца это не имѣетъ никакого значенія, если только вѣрно передана интонація звука. Но измѣните вы интонацію, и васъ никто не пойметъ. Для всякаго китайца измѣненіе интонаціи имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ измѣненіе отдѣльныхъ буквъ слова или слога (выражаясь приспособительно къ европейскимъ языкамъ) въ произношеніи іероглифовъ. На этомъ основаніи всѣ сѣверные китайцы понимаютъ другъ друга, хотя въ говорѣ ихъ существуетъ различіе (буквенное): одни называютъ чай 茶 *ча*, другіе *ца*, одни называютъ гору 山 *шань*, другіе *сань*. Разговаривающіе поймутъ одинъ другого, потому что произносятъ слово одною интонаціею (инь-шэнъ). Но житель сѣверныхъ провинцій Китая уже совершенно перестаетъ понимать южанина, потому что въ рѣчи послѣдняго являются новыя, неизвѣстныя первому интонаціи. Посему-то при анализѣ транскрипціи иностранныхъ именъ китайцами необходимо имѣть въ виду прежде всего подборъ интонацій, безъ тождества которыхъ и данныя для отождествленія именъ являются крайне шаткими. В. В. Радловъ этого вопроса не касается совершенно.

Далѣе, если мы будемъ говорить объ отдѣльныхъ буквахъ въ произношеніи іероглифовъ (такое выраженіе возможно только съ европейской точки зрѣнія, потому что для китайца чтеніе каждаго іероглифа представляетъ недѣлимую величину), то крупнѣйшую ошибку представляетъ сопоставленіе въ одномъ классѣ именъ гао-гюй и хуй-хэ, сближеніе звуковъ, выражаемыхъ

іероглифами *гао* 高 и *хуй* 回. Если въ нашихъ европейскихъ языкахъ буквы *г* и *х*, *g* и *ch* принадлежатъ къ одному разряду гортанныхъ и сближаются до того, что переходятъ одна въ другую и при произношеніи почти не различаются, то въ китайскомъ языкѣ ничего подобнаго нѣтъ: невозможно для китайца смѣшать *гао* и *хао*, *гуй* и *хуй*, *гэ* и *хэ*, особенно, если они произносятся подъ различными интонаціями. Тѣмъ менѣе возможно сближеніе *гао* и *хуй*. И если даже для европейскаго уха весьма трудно признать въ *гао-гюй* (и, можетъ быть, и *гао-чэ*) звуковую передачу слова *uigur*, то для китайца подобная передача весьма затруднительна въ силу несовмѣстимости звуковъ того и другого слова.

Необходимо, повидимому, обратить особенное вниманіе на имя юань-хэ 袁紇, изъ котораго уже позднѣе выродились звуки вэй-хэ, у-хэ и у-ху. Игнорировать это названіе племени мы не имѣемъ никакого права, если уже хотимъ послѣдовательно проводить сближеніе китайскихъ названій племенъ со словомъ «уйгуръ». Сначала нужно было бы помирить его съ искомою величиною, найти въ немъ слово «уйгуръ», а потомъ уже переходить и къ позднѣйшимъ измѣненіямъ его, у-хэ и у-ху.

Одинаково съ именемъ юань-хэ игнорируется также передача китайцами второго слога имени «уйгуръ». Откуда явилось такое сильное преобладаніе слога *хэ*? Юань-хэ, вэй-хэ, у-хэ, хуй-хэ, — все это мало гармонируетъ въ своемъ окончаніи съ грубымъ словомъ *гуръ*. Не особенно удовлетворительнымъ представляется объясненіе и систематическаго исчезновенія конечной буквы *р* въ словѣ уйгуръ до самыхъ временъ Юаньской династіи, хотя для выраженія ея имѣется достаточно средствъ въ китайскомъ языкѣ.

Представляется также довольно смѣлымъ сближеніе именъ перваго разряда, т. е. имѣющихъ гортанную букву, съ монгольскимъ именемъ chui-gur, найденнымъ только въ монгольскомъ словарѣ Ковалевскаго, и прибавленная сюда же историческая догадка, что «или иностранныя племена (можетъ быть, тунгузы) сообщили китайцамъ эту форму въ самыя ранніе вре-

мена, или же послѣдняя представляетъ собою болѣе древнюю форму слова uigur». Такое предположеніе легче высказать, чѣмъ обосновать, и во всемъ дальнѣйшемъ изслѣдованіи нѣтъ ни одного факта или соображенія въ пользу этихъ догадокъ.

Въ исторической части В. В. Радловъ попытался выяснить указываемую китайскими писателями этнографическую связь хуй-хэскихъ племенъ съ древними инородцами чи-ди 赤狄, но отсутствіе знанія китайскаго языка вызвало у него нѣкоторые историческіе и географическіе недочеты.

Прежде всего ошибкою является искать отвѣта на вопросъ объ инородцахъ у Сы-ма-цзяня въ Ши-цзи 史紀. Древнѣйшимъ источникомъ является лѣтопись Чунь-цю, ею и слѣдуетъ первѣе всего руководиться при помощи Цзо-чжуани. В. В. Радловъ стоялъ въ этомъ случаѣ въ зависимости отъ о. Іакиноа, хотя гораздо лучшимъ руководителемъ былъ бы Legge въ его «The Chinese classics». Необходимо отмѣтить недостатокъ прочной точки опоры въ разсужденіяхъ В. В. Радлова. Мало уяснивъ себѣ географическое положеніе древнихъ удѣльныхъ княжествъ Китая, онъ не можетъ понять и территоріи инородцевъ, а удѣлы составляютъ въ данномъ вопросѣ единственный критерій достовѣрности. Затѣмъ онъ сливаетъ всѣ инородческія племена въ одно и не распредѣляетъ ихъ даже по общимъ группамъ, означаемымъ и китайскими историками. Въ силу неуясненности этихъ двухъ основныхъ элементовъ его изслѣдованіе и понять весьма трудно. Прежде всего онъ отступаетъ отъ общепринятой транскрипціи именъ двухъ удѣловъ: 秦 Цинь онъ пишетъ Ts'in, а 晉 Цзинь транскрибируетъ Tsin. Обыкновенно пишутъ наоборотъ. Это, конечно, формальность, но она влечетъ за собою другія ошибки. Удѣлъ Цинь 秦 лежалъ гораздо западнѣе государства Цзинь 晉, и инородцы, приходившіе въ соприкосновеніе съ тѣмъ и другимъ, совершенно отличны другъ отъ друга. Было бы весьма желательно помѣстить племена чи-ди гораздо западнѣе, но Чунь-цю отводитъ имъ мѣсто лишь въ Чжи-ли и Шань-си, и никогда въ Шэнь-си и Гань-су. Къ сѣверу отъ нихъ жили шань-жуны 山

戎 и дунъ-жуны 東戎[1]). Посему одни и тѣ же инородческія племена едва ли могли приходить въ соприкосновеніе съ удѣлами Цинь 秦 и Цзинь 晉; по крайней мѣрѣ чи-ди никогда не заходили западнѣе Цзиньской территоріи, а жуны, какъ, напр., гуань-жуны, имѣли большею частію дѣла съ удѣломъ Цинь 秦. Посему В. В. Радловъ, неправильно написавъ имя Вэнь-гуна (文公 Weng-kung, Вынъ-гунъ), ошибочно считаетъ его Циньскимъ княземъ (秦 Ts'in, Цинь): онъ былъ правитель Цзиньскаго 晉 удѣла, какъ называетъ его и о. Іакинфъ (т. I, стр. 6), и походы его мы должны пріурочивать больше къ восточнымъ землямъ, нежели къ западнымъ, гдѣ былъ удѣлъ Цинь 秦. Что касается инородческихъ племенъ, жившихъ на территоріи двухъ сѣверо-западныхъ провинцій Китая, то говорить о родствѣ ихъ съ чи-ди нѣтъ никакихъ данныхъ. Правда, о. Іакинфъ пишетъ, что въ періодъ Чжань-го «монгольское поколѣніе чи-ди занимало въ губ. Гань-су и Шàнь-си[2]) земли и области Цинъ-янъ-фу и Суй-дэ-чжэу» (т. 1, стр. 247), что послужило основаніемъ для всѣхъ разсужденій В. В. Радлова, но раньше, чѣмъ согласиться съ о. Іакинфомъ, нужно изслѣдовать компетентность Ши-цзи, на которую опирался нашъ синологъ. Въ данномъ случаѣ Сы-мацянь, если не противорѣчитъ Чунь-цю, то значительно измѣняетъ его показанія, отводя чи-ди на западъ.

Переходя затѣмъ къ исторіи гао-гюйцевъ, В. В. Радловъ отводитъ имъ мѣста для поселенія на крайнемъ западѣ нагорья, отождествляя ихъ съ государствами Чэ-ши 車師. «Исторіи

---

1) Въ «Das Kudatku Bilik» (p. LVII) ошибочно переведено «die westliche Jung», что для не синологовъ является обстоятельствомъ, говорящимъ въ пользу общей мысли автора; однако 東戎 дунъ-жуны — восточные, а не западные жуны.

2) О. Іакинфъ называетъ Шàнь-си ту провинцію, которую теперь принято называть Шэнь-си. Не всякому извѣстно, что объ провинціи и 山西 и 陝西 по-русски правильно транскрибируются словомъ Шань-си; но для отличія ихъ одной отъ другой русскіе синологи условно приняли неправильную транскрипцію второй провинціи, называя ее Шэнь-си вмѣсто Шань-си. О. Іакинфъ первую называетъ Шáнь-си, а иногда по туземному произношенію Сань-си, вторую — Шàнь-си.

этихъ Чэ-ши», пишетъ онъ, «всѣ изслѣдователи постоянно посвящали особое вниманіе, такъ какъ на потомковъ ихъ указываютъ, какъ на послѣдніе остатки уйгуровъ»[1]). Однако не всѣ изслѣдователи согласны съ этимъ мнѣніемъ. Это былъ старый взглядъ, основывавшійся на показаніяхъ миссіонеровъ, а не на китайскихъ источникахъ. «No mention is made of Uigurs», пишетъ д-ръ Бретшнейдеръ, «living in Che-shi or Kao-chang in histories of the Han or the Tang. They are first noticed after their emigration from the north (ninth century) in Sung history». Мы же полагаемъ, что гао-гюйскія поколѣнія, и именно главное изъ этихъ племенъ — юань-хэ, во времена Вэйской династіи жило тамъ же, гдѣ указываетъ его кочевья и Танская исторія, т. е. по р. Тоолѣ. У насъ нѣтъ данныхъ о переходѣ его на востокъ съ запада, а потому мы и оставляемъ его до Сунскихъ временъ на одномъ мѣстѣ.

Авторомъ высказано также мнѣніе о перемѣнѣ имени хунъ-ну на гао-гюй, встрѣчаемой у китайскихъ историковъ. «Die Ursache dieser Namenänderung ist leicht verständlich. Hiung-nu war eben kein Volksname, sonder der Name einer Dynastie, der nach Sitte der Chinesen, als Gemeinname des Volkes und des Staates, angewendet wurde. Als nun nach längerer Unterbrechung der Name der Dynastie vergessen war, geben ihnen die Chinesen den Volksnamen, den die nordöstlichen Turk-stämme führen, d. h. Kao-kü, der, wie oben gezeigt haben, gewiss eine Verstümmelung des Wortes Uigur oder Chuigur ist.» (p. LXI). Но такъ какъ выше мы тоже признали невозможнымъ видѣть въ гао-гюй или гао-чэ транскрипцію слова уйгуръ, то и съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ мы согласиться не можемъ. Да если бы и признать транскрипціей имени народа слово гао-гюй, то и тогда нѣтъ никакихъ основаній объяснять такъ перемѣну именъ, потому что источники не дадутъ къ тому никакой опоры. Съ такою же достовѣрностью можно утверждать, что гао-гюй — имя главнаго поколѣнія, давшаго свое имя прочимъ родамъ; что гао-гюй —

1) Къ вопросу объ уйгурахъ, стр. 85.

имя династіи, о которой свѣдѣній до насъ не дошло; что гао-гюй собственное имя человѣка и, можетъ быть, героя, который сталъ извѣстенъ китайцамъ и далъ свое имя народу. Аналогичныхъ примѣровъ и того и другого и третьяго варіанта мы можемъ найти въ китайской исторіи десятки, но это не даетъ еще права объяснять данный случай именно такъ, а не иначе, разъ источники не содержатъ къ тому никакихъ основаній. Лучше отказаться отъ отвѣта, чѣмъ отвѣчать безосновательно.

Промежуточное между гао-гюй и хуй-хэ имя тѣ-лэ, или чи-лэ, В. В. Радловъ оставляетъ безъ вниманія, потому что онъ не знаетъ данныхъ Суйской династіи объ этихъ племенахъ. Что касается временъ Танской династіи, то онъ всецѣло идетъ за о. Іакинѳомъ. Не знаемъ только, почему имя племени 回 онъ транскрибируетъ *Hung* (хунъ) и почему онъ пишетъ: «Die Dynastie Hui-ho hiess auch U-ho und U-hu»? Имя хуй-хэ онъ считалъ раньше транскрипціей названія племени уйгуръ, а не династіи, такъ что намъ видится здѣсь въ словѣ «Dynastie» противорѣчіе съ сказаннымъ ранѣе; на самомъ же дѣлѣ здѣсь положительная ошибка, потому что имена у-ху, у-хэ и, при Суйской династіи, вэй-хэ носили не хуй-хэ, а одно изъ племенъ ихъ — юань-хэ.

Таковы ошибки и противорѣчія, замѣченныя нами въ трудѣ академика В. В. Радлова въ отношеніи къ китайскимъ источникамъ. Но уйгурскій вопросъ — настолько же вопросъ китайскій (въ отношеніи къ источникамъ), насколько и тюркскій. Послѣдней стороны дѣла мы не осмѣливаемся касаться, считая себя не компетентными, и «Das Kudatku Bilik» В. В. Радлова съ этой точки зрѣнія для насъ неприкосновенна.

Встрѣчаемъ еще данныя по уйгурскому вопросу въ сочиненіи «Mahométisme en Chine et dans le Turkestan Oriental» — par Dabry de Thiersant (Paris, 1872). Историческія свѣдѣнія о хуй-хэ здѣсь общеизвѣстныя, и китайскими источниками авторъ пользовался мало. Что касается до магометанства, то авторъ больше касается его догмы и обрядовъ и судебъ его въ собственномъ Китаѣ, нежели пригодныхъ намъ сторонъ. Руководящею

нитью для автора была статья В. П. Васильева: «О магометанствѣ въ Китаѣ», которая почти цѣликомъ вошла въ сочиненіе.

Что касается до «Альбома Трудовъ Орхонской экспедиціи В. В. Радлова» (Спб., 1892), то въ немъ къ отдѣлу объ уйгурахъ, доступному нашему пониманію, отнесены два памятника: табл. XXXI и табл. XXXIV, № 1. Послѣдній представляетъ собою обломокъ, на которомъ мы пока не нашли даты и признаковъ для ея опредѣленія, а первый — большая китайская надпись на памятникѣ.

Вообще должно сказать, что альбомъ «Трудовъ Орхонской экспедиціи» далъ намъ мало новыхъ данныхъ для разрѣшенія и выясненія уйгурскаго вопроса. Главная искомая величина, въ виду которой и отправлялась экспедиція Радлова, — мѣстоположеніе Каракорума — было опредѣлено не ею, а кабинетными изслѣдованіями французскаго академика Dévéria, предупредившаго въ печати нашего профессора В. П. Васильева. Открытый Ядринцевымъ и скопированный А. Гейкелемъ памятникъ Кюй-тэлэ, или, какъ его читаютъ, Кюй-тэгиня, далъ возможность Dévéria, по Мэнъ-гу-ю-му-цзи, вычислить и точно опредѣлить положеніе уйгурскаго Каракорума[1]), и къ этому альбомъ не прибавилъ ничего новаго. Значеніе его еще болѣе умаляется выходомъ въ свѣтъ альбома путешествія профессора Гельсингфорскаго университета А. Гейкеля, который даетъ намъ тѣ же памятники и успѣлъ даже опубликовать переводъ главнѣйшаго изъ нихъ, ту-кюэскаго, въ «Восточномъ Обозрѣніи», 1891 г., № 13. Альбомъ «Трудовъ Орхонской экспедиціи» имѣетъ, вѣроятно, значеніе какъ собраніе памятниковъ неизвѣстныхъ письменъ, называемыхъ руническими и относимыхъ ко временамъ ту-кюэской династіи, но отдѣлъ уйгуровъ въ немъ крайне бѣденъ и новаго не даетъ ничего.

Наконецъ, исторію уйгуровъ излагаетъ и E. H. Parker въ своемъ трудѣ: «A thousand years of the [illegible] зданномъ въ

1) La Stèle funéraire de Kuèh T'eghin. T'oung [illegible] chives., 1891, vol. II, № 3, p. 229—231.

1895 г., исключительно на основаніи китайскихъ источниковъ, которыхъ онъ, однако, нигдѣ не указываетъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, почти тѣ же, что и у о. Іакинѳа, но изложены они въ гораздо болѣе сжатомъ видѣ. Интересная особенность труда Паркера — это попытка возстановленія тюркскаго произношенія собственныхъ названій по китайской ихъ транскрипціи. Насколько удачна эта попытка, мы не беремся судить, не зная тюркскихъ нарѣчій.

Вотъ вся европейская литература, подлежавшая нашему изслѣдованію. Если въ своемъ обзорѣ мы обращали вниманіе исключительно на ея отрицательныя стороны, то причину этого нужно искать единственно въ желаніи уяснить себѣ недостатки предшествующихъ изслѣдователей, чтобы самимъ не попадать въ подобное же положеніе, а вовсе не въ стремленіи къ полемикѣ и къ уменьшенію заслугъ ученыхъ, отдававшихъ и отдающихъ свои лучшія силы удовлетворенію задачъ науки. Мы сказали сначала, что всякій изслѣдователь даннаго вопроса, на ряду съ ошибками, вносилъ множество цѣнныхъ данныхъ, часто новыхъ, открывавшихъ совершенно неизвѣстныя стороны дѣла.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ источникахъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, а потомъ о ходѣ всей нашей работы.

Главнымъ источникомъ служило намъ сочиненіе: «Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чэнъ» 古今圖書集成.

Въ категоріи 方輿彙編, въ классѣ бянь-и-дянь 邊裔典 названнаго сочиненія находится отдѣлъ хуй-хэ-бу 回紇部, т. е. объ инородцахъ хуй-хэ. Въ классѣ этомъ вообще разсматриваются данныя объ инородцахъ и земляхъ, внѣ Китая лежащихъ. Всѣ они раздѣлены по странамъ свѣта, такъ что мы видимъ обзоръ восточныхъ, западныхъ, сѣверныхъ и южныхъ странъ. Дѣленіе это, конечно, въ высшей степени неудобно и ненаучно, но оно традиціонно у китайцевъ и потому принято во всѣхъ ихъ этнографическихъ трудахъ. Ненаучно, говоримъ, потому, что оно не полагаетъ должной границы между племенами и въ силу

неопредѣленности своего принципа смѣшиваетъ разнородныя и разъединяетъ одноплеменные народы. Въ силу этого же оно является и крайне неудобнымъ. Возможно ли, напримѣръ, поставить географическую и этнографическую границу между сѣверомъ и западомъ въ отношеніи къ Китаю? Однохарактерная, однообразная степь съ кочевымъ населеніемъ тянется на сѣверѣ и на западѣ и даетъ пропитаніе кочевникамъ. Племена бродили и бродятъ по ней, мѣняя свои кочевья, и очень легко переходятъ изъ сѣверныхъ въ западныя и наоборотъ. Потому-то и получается въ Гу-цзинь-ту-шу, что ту-фани 吐蕃, или тангуты, жившіе порою въ Ордосѣ, разсматриваются въ отдѣлѣ западныхъ странъ, а хуй-хэ, переселившіеся въ періодъ У-дай и при Сунской династіи въ провинцію Гань-су и въ Восточный Туркестанъ, признаются сѣвернымп инородцами. Однако Гу-цзинь-ту-шу, разъ признавши какое-либо племя сѣвернымъ, южнымъ, восточнымъ или западнымъ, уже не переводитъ его въ другой классъ, а разбираетъ всю его исторію въ одномъ мѣстѣ.

Въ указателѣ, предшествующемъ изложенію исторіи, перечисляются хуй-хэскія племена, которыя китайскими лѣтописями различныхъ династій признаются происходящими отъ одного корня. Засимъ идетъ изложеніе исторіи ихъ при династіяхъ Бэй-Вэй, Суй, Танъ, У-дай, Сунъ и Юань. Названія «исторіи» этотъ матеріалъ, конечно, не заслуживаетъ. Это просто выборки изъ династійныхъ лѣтописей, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ. Никакой другой системы, кромѣ хронологической, здѣсь нѣтъ. Выдержки — буквальныя. Любезность авторовъ доходитъ до того, что они даже предупреждаютъ, гдѣ о разсматриваемомъ предметѣ или вопросѣ ничего не содержится 不載. Это имѣетъ громадное значеніе для всякаго, кто хотѣлъ бы просмотрѣть лично династійныя лѣтописи. Предметныхъ указателей къ послѣднимъ не приложено, посему можно тратить массу времени на поиски, хотя и не найти ничего тамъ, гдѣ, по предположенію, отыскать подходящій матеріалъ было бы возможно. Отъ этого-то и спасаетъ указаніе энциклопедіи 不載. Выдержки при-

водятся не только изъ отдѣловъ объ инородцахъ, но и изъ біографій императоровъ (бэнь-цзи) и изъ жизнеописаній знаменитыхъ людей (лѣ-чжуань), — словомъ, изъ самыхъ различныхъ источниковъ, гдѣ только встрѣчаются упоминанія о данномъ предметѣ. При этомъ тексты подлинныхъ сочиненій, очевидно, выбирались учеными составителями самые лучшіе, исправленные и провѣренные, потому что во многихъ мѣстахъ въ нихъ встрѣчаются дополненія и вставки противъ извѣстныхъ намъ изданій, имѣющихся въ библіотекѣ СПБскаго Университета. Напр., въ Бэй-ши имѣется тамъ драгоцѣнная вставка о племенахъ гао-гюйскихъ, въ Цзю-Танъ-шу также нѣсколько разъ попадаются дополненія, хотя и не имѣющія такого значенія. Изъ періода династіи Танъ всѣ свѣдѣнія въ Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чэнъ излагаются по Синь-Танъ-шу, т. е. по Новой Танской исторіи, съ прибавленіями изъ Цзю-Танъ-шу, гдѣ въ ней встрѣчается разница. Такимъ же образомъ изложены періоды У-дай, или Пяти династій, и Сунской династіи. Что касается до Юаньской династіи, то изъ нея приведено очень немного данныхъ, относящихся къ исторіи хуй-ху. Отождествленія хуй-ху 回鶻 съ вэй-ву-ръ 畏兀兒 или 畏吾兒 транскрипціей слова уйгуръ въ Гу-цзинь-ту-шу нѣтъ въ данномъ мѣстѣ, и вообще, несмотря на всѣ наши старанія, мы не нашли этого отождествленія въ нашей энциклопедіи. Къ удивленію и сожалѣнію нашему, остались также тщетны поиски какихъ-либо данныхъ объ уйгурской письменности и о религіи уйгуровъ, равно какъ не оказалось въ энциклоцедіи и картъ различныхъ кочевыхъ владѣній. Но мы сочли не лишеннымъ нѣкотораго интереса иллюстраціи этнографическихъ типовъ и представляемъ копіи съ нихъ въ приложеніи III. Мы не знаемъ, откуда они взяты составителями Гу-цзинь-ту-шу, и какова историческая вѣрность снимковъ, но если бы послѣдняя отличалась высокою степенью, то иллюстраціи давали бы поводъ къ одному, довольно интересному, заключенію. Конечно, типъ динъ-лина не больше какъ результатъ досужей фантазіи и невѣжества китайцевъ, но всмотритесь въ изображеніе инородца гу-ли-гань и при-

помните теорію о. Іакинѳа о его мѣстожительствѣ. Если это племя жило къ сѣверу отъ Байкала, сѣвернѣе нынѣшнихъ Ольхонскихъ бурятъ и ихъ соплеменниковъ, то оно должно быть почти лѣснымъ народомъ, между тѣмъ на картинкѣ мы видимъ настоящаго степняка, во всѣхъ его подробностяхъ. Сѣдло, короткія стремена и вся посадка — все это чисто степное, кочевническое.

Мы однако не удовольствовались показаніями Гу-цзинь-тушу, а старались по возможности пользоваться всѣми китайскими источниками, какіе были намъ доступны. Но объ нихъ говорить много не приходится. Чунь-цю и династійныя исторіи — общеизвѣстны. Другіе, какъ Шань-хай-цзинъ 山海經, Тай-пинъ-хуай-юй-цзи 太平寰宇記, Ду-ши-фанъ-юй-цзи-яо 讀史方輿紀要, Мэнъ-гу-ю-му-цзи 蒙古游牧記, въ подлинномъ китайскомъ текстѣ служили намъ для справокъ и дополненій, отрывочныхъ и незначительныхъ, посему библіографическія замѣтки объ этихъ сочиненіяхъ заняли бы гораздо больше мѣста, нежели почерпнутый изъ нихъ матеріалъ для работы, что вносило бы много лишняго матеріала въ него, не отвѣчающаго прямо на вопросъ объ уйгурахъ. Всѣ названныя сейчасъ китайскія сочиненія представляютъ собою сборники, или маленькія энциклопедіи, въ которыхъ порою, совершенно неожиданно, можно встрѣтить драгоцѣнныя указанія по нужнымъ вопросамъ. Намъ особенно полезнымъ оказалось своими археологическими свѣдѣніями Ду-ши-фанъ-юй-цзи-яо.

Таковъ обзоръ и перечень большей части источниковъ и пособій, которыми мы пользовались при настоящей работѣ. Дѣлая общую всѣмъ имъ характеристику, должно сказать слѣдующее. Въ литературѣ по данному вопросу масса цѣннаго матеріала, но вопросъ объ уйгурахъ еще далеко не разрѣшенъ, и возможныхъ варіантовъ его рѣшенія еще нельзя и предвидѣть. Причина сему заключается въ необыкновенной трудности рѣшенія его,

въ крайней сложности искомой величины, требующей для своего разбора множества самыхъ разнородныхъ дарованій и знаній. Какъ мы видѣли, племена уйгуровъ за періодъ ихъ существованія въ Средней Азіи отождествляются учеными со всѣми жившими и живущими тамъ народами: монголами, тангутами, тюрками, при чемъ всѣ ученые ищутъ опоры въ китайскихъ источникахъ. И всѣ эти ученые имѣютъ для себя достаточныя основанія въ предѣлахъ знакомаго имъ, того или другого языка. Отсюда изслѣдователь, претендующій на самостоятельное и основательное рѣшеніе вопроса объ уйгурахъ долженъ непремѣнно обладать знаніемъ всѣхъ языковъ, на которыхъ были изложены свѣдѣнія, или съ которыми отождествляли этотъ народъ. Извѣстно очень хорошо, насколько трудно полагаться на переводы источниковъ при разрѣшеніи историческихъ вопросовъ; всякій переводчикъ привноситъ въ свою работу слишкомъ много субъективной окраски, чтобы ему можно было безусловно вѣрить. Посему у изслѣдующаго уйгурскій вопросъ должны быть въ рукахъ, какъ готовыя средства, всѣ языки Передняго и Дальняго Востока. Но и этого мало. Еще важнѣе и нужнѣе при этомъ умѣнье прилагать эти лингвистическія знанія къ дѣлу по опредѣленному, строго научному методу. Прочитанные тексты представляютъ собою еще только голый матеріалъ, подлежащій изслѣдованію при свѣтѣ историческаго метода. Онъ требуетъ прежде всего строгой постепенности въ заключеніяхъ, вѣрности посылокъ, не допускаетъ поспѣшныхъ обобщеній и является врагомъ гипотезъ, претендующихъ на безусловную достовѣрность и непререкаемость. Но едва ли гдѣ можно найти больше примѣровъ нарушенія этихъ азбучныхъ правилъ исторической науки, чѣмъ въ литературѣ уйгурскаго вопроса. Заключеніе отъ пребыванія уйгуровъ въ XIII вѣкѣ въ Притянь-шаньскомъ краѣ къ первобытнымъ жилищамъ ихъ въ этихъ же мѣстахъ — самое первое ошибочное заключеніе, совершенно не научное. Всѣ почти положенія Шмидта, Банзарова и Радлова могутъ быть причислены въ большей или меньшей степени къ родамъ поспѣш-

ныхъ обобщеній и заключеній, противорѣчащихъ наукѣ. Сюда же приходится причислить и о. Іакиноа въ тѣхъ его страницахъ, гдѣ переводъ и изложеніе фактическихъ данныхъ смѣняются обобщеніями о монголизмѣ среднеазіатскихъ кочевниковъ.

То же должно сказать и о филологіи. Чтобы рѣшить, отъ какого корня идетъ то или другое племя, съ какими народами находится оно въ болѣе или менѣе близкой родственной связи, обращаются къ языку и въ немъ стараются отыскать отвѣта на вопросъ. Это мысль глубоко вѣрная, но настоящаго приложенія ея къ вопросу объ уйгурахъ почти еще не начиналось, ибо пріемы изученія были пока чисто внѣшніе. Сравнительное изученіе языковъ племенъ, о которыхъ идетъ рѣчь, ограничивалось доселѣ только разборомъ отдѣльныхъ словъ, взятыхъ почти безъ всякой связи съ языкомъ, изъ котораго они заимствованы, и при томъ на почвѣ самыхъ смѣшанныхъ и туманныхъ этнографическихъ понятій и представленій. Берется въ расчетъ только внѣшнее, фонетическое сходство словъ одного съ другимъ, и на основаніи этого сходства рѣшается вопросъ о происхожденіи народа. Возьмите, напр., трактатъ объ уйгурахъ, какъ лѣсномъ народѣ, сближенія уйгуровъ съ тангутами, венграми, наблюденіе Клапрота надъ уйгуромъ-тюркомъ изъ Турфани, разборъ Радловымъ китайскихъ именъ и пр. Не доказываютъ ли они нашего положенія? Слова, выхваченныя отдѣльно изъ языка, къ которому они принадлежатъ, отрѣшенныя отъ почвы, на которой они образовались, были мертвымъ матеріаломъ, надъ которымъ изощрялось остроуміе изслѣдователей; въ нихъ не было устойчивости противъ произвола; они шли послушно подъ всякую систему, во всякую комбинацію, придуманную досужей фантазіей. Этимологическія сравненія поэтому мало принесли пользы для исторической этнографіи среднеазіатскихъ племенъ, хотя число изслѣдованій о происхожденіи (de origine) различныхъ племенъ и можетъ быть названо значительнымъ. Слова, можно сказать вмѣстѣ съ однимъ изъ историковъ XVIII вѣка, въ данномъ случаѣ подымаютъ на этимологическую дыбу, подвергаютъ всевоз-

можнымъ истязаніямъ и вымучиваютъ отъ нихъ желаемое показаніе, заставляя произносить тотъ звукъ, котораго отъ нихъ добиваются.

При помощи такихъ этимологическихъ сближеній можно было доказать какое угодно происхожденіе всякаго народа, породнить его съ кѣмъ угодно. Стоило только подыскать въ словаряхъ достаточное количество словъ, особенно же мѣстныхъ и личныхъ именъ, которыя у сравниваемыхъ народовъ произносились болѣе или менѣе одинаково, и которыхъ значеніе могло быть сколько-нибудь сближено между собою, и на основаніи ихъ можно было доказывать родственность ихъ происхожденія.

Аналогичный фактъ представляютъ собою въ исторической литературѣ филологическія изысканія о происхожденіи варяговъ — Руси. И откуда только не выводили ихъ, съ кѣмъ не породнили! Отъ всѣхъ европейскихъ народовъ, отъ хозаръ, персовъ, финновъ.... А кому извѣстны всѣ ученыя видоизмѣненія слова «пресвитеръ Іоаннъ», царство котораго, на основаніи филологіи, изслѣдователи переводили изъ одной части свѣта въ другую, отождествляя миѳическое лицо съ самыми различными историческими лицами до далай-ламы включительно. Не принося особенной пользы, эти фантастическія сближенія только затемняли вопросъ, только загораживали дорогу всякому новому изслѣдователю, принужденному, прежде чѣмъ приняться за работу, осилить эту массу прежнихъ изслѣдованій, изъ которыхъ каждое, кромѣ притязаній на непогрѣшимость выводовъ, гордилось обыкновенно открытіемъ новыхъ данныхъ, указаніемъ на новые матеріалы для разрѣшенія вопроса. Немудрено, что увлеченіе подобными этимологическими сравненіями уступаетъ мѣсто не только равнодушію къ нимъ, но и недовѣрію, оправдываемому дѣйствительными злоупотребленіями этимъ способомъ.

Страшно иногда употребить въ дѣло и дѣйствительно плодотворныя сближенія именно потому, что подорвана вѣра въ законность и пользу подобныхъ сближеній, въ цѣнность вообще всѣхъ выводовъ, основанныхъ только на нихъ однихъ.

Несравненно важнѣе для рѣшенія такого существеннаго историческаго вопроса, какъ вопросъ о происхожденіи извѣстнаго народа, самостоятельное развитіе тѣхъ наукъ, которыя, повидимому, менѣе всего заботятся о томъ, чтобы доставить исторіи матеріалы для его разрѣшенія, — самостоятельная разработка права, языкознанія, исторіи вѣрованій и естествовѣдѣнія. Отказываясь отъ участія въ рѣшеніи собственно историческихъ вопросовъ, не подозрѣвая въ большей части случаевъ самой возможности этого участія, преслѣдуя свои спеціальныя цѣли и задачи, самостоятельная разработка этихъ наукъ оказываетъ нынѣ огромное вліяніе на самую исторіографію и способствуетъ самымъ неожиданнымъ образомъ къ разрѣшенію самостоятельныхъ отдѣльныхъ вопросовъ. Начиная изслѣдованіемъ частныхъ вопросовъ, входящихъ непосредственно въ область ихъ науки, изучая отдѣльныя явленія, идя путемъ, такъ сказать, монографическимъ, и наука права, и языкознаніе, и естествовѣдѣніе приходятъ однако же почти одновременно къ сознанію необходимости сравнительнаго изученія, безъ котораго часто невозможно объясненіе отдѣльныхъ явленій. Изученіе законодательствъ отдѣльныхъ племенъ и народовъ съ цѣлью понять и объяснить каждое изъ нихъ въ самомъ себѣ приводитъ невольно къ указанію на сходство и особенности законодательствъ различныхъ народовъ. Изслѣдователь юридическихъ памятниковъ одного народа, вовсе не желающій выходить изъ круга своей спеціальности, часто вопреки своей волѣ бываетъ вынужденъ обращаться къ изученію права у другихъ народовъ, — до такой степени поразительно бываетъ ихъ сходство. И здѣсь, какъ въ этимологическихъ сближеніяхъ, первый пріемъ для объясненія бываетъ чисто внѣшній. Гдѣ замѣчается сходство, тамъ предполагается или заимствованіе или же одинаковость происхожденія.

Путемъ сравнительнаго изученія законодательства открылись многія заимствованія одного народа у другого, вліяніе одного племени на другое, а также обнаружилось племенное родство между нѣкоторыми племенами, или же это родство, казавшееся

только вѣроятнымъ прежде, получило теперь, чрезъ сличеніе юридическихъ понятій и юридическаго быта, новое доказательство и подтвержденіе. Внимательное изученіе обычнаго права, которое у всѣхъ народовъ предшествуетъ письменному законодательству, и въ которомъ всего яснѣе обнаруживаются характеристическія особенности народнаго духа, приводило ученыхъ часто къ открытію такихъ аналогій, которыя по необходимости заставляли предполагать непосредственную связь между племенами, а иногда даже являлись неопровержимымъ доказательствомъ единства происхожденія племенъ, не подтверждавшагося никакими другими указаніями и даже казавшагося по всѣмъ другимъ соображеніямъ невозможнымъ. Конечно, примѣненіе всѣхъ этихъ положеній къ изученію среднеазіатскихъ племенъ представляетъ собою лишь pium desiderium. Ни одинъ спеціально образованный юристъ доселѣ не посвящалъ своихъ досуговъ изученію обычнаго права среднеазіатскихъ кочевниковъ. Что же мы можемъ говорить о различіи обычаевъ у монголовъ и тюрковъ, или у тюрковъ-кочевниковъ и осѣдлыхъ, и какія у насъ подъ руками пособія для того, чтобы ориентироваться въ отрывочныхъ показаніяхъ и данныхъ китайскихъ лѣтописей, дающихъ намъ нѣкоторые факты изъ обычнаго права хуй-хэскихъ племенъ? А между тѣмъ очевидно, что правильное изученіе юридическаго быта даже нынѣшнихъ племенъ, не говоря уже о разработкѣ юридическихъ памятниковъ, можетъ много помочь выясненію ихъ происхожденія и племеннаго родства.

Столько же, если еще не больше, чѣмъ юридическія науки, можетъ оказать прямыхъ услугъ разработкѣ и рѣшенію нашего вопроса лингвистика, сравнительное языкознаніе. Съ одной стороны, она перерабатываетъ для своихъ цѣлей матеріалъ собственно историческій; съ другой, она проникаетъ своими изслѣдованіями въ ту область, куда не можетъ идти самый смѣлый изъ историческихъ изслѣдователей, — въ темную таинственную область древнѣйшей эпохи человѣчества и отдѣльныхъ его отраслей, въ эпоху, предшествовавшую началу исторической жизни,

хотя и имѣвшую сильное вліяніе на ходъ и направленіе этой жизни, — однимъ словомъ, въ ту эпоху, которую обозначаютъ именемъ доисторической. Если уже переработка историческаго матеріала филологами и лингвистами имѣетъ такую важность для историка, то въ отношеніи древнѣйшихъ, доисторическихъ эпохъ онъ находится въ полной зависимости отъ успѣховъ сравнительнаго языкознанія, и ему остается только пользоваться результатами, добытыми на чужой для него почвѣ, пріемами, ему неизвѣстными и недоступными. Успѣхи сравнительнаго языкознанія раздвигаютъ предѣлы исторической науки, пріобрѣтаютъ для нея новую огромную область. Die Geschichte ist lang und alt, aber die Vorgeschichte ist noch länger! Для исторіи языкъ, какъ матеріалъ изслѣдованія, и сравнительное языкознаніе, какъ наука, являются почти тѣмъ же самымъ, чѣмъ для наукъ естественно-историческихъ міръ остатковъ растительнаго и животнаго царствъ, хранящійся въ древнѣйшихъ геологическихъ формаціяхъ, и палеонтологія, занимающаяся исключительно изслѣдованіемъ этихъ древнѣйшихъ остатковъ органической жизни, часто не имѣющихъ ничего общаго съ современною флорою и фауною. Въ языкѣ современныхъ среднеазіатскихъ племенъ должны искать поэтому лингвисты положительный или отрицательный отвѣтъ о родствѣ ихъ съ древними ди 狄 и жунами 戎, рѣшеніе загадки объ ихъ первобытной родинѣ и о происхожденіи. Правда, даже и о возможности выполненія подобной задачи во всемъ ея объемѣ мы можемъ судить пока только гадательно, но то, что оказалось уже по плечу соединеннымъ усиліямъ ученыхъ по отношенію къ другимъ племенамъ и народамъ, почему бы было невозможно въ будущемъ для оріенталистовъ?

Громадное значеніе для рѣшенія нашего вопроса имѣетъ подобное же участіе со стороны изслѣдователей религіозныхъ вѣрованій, исторіи литературы и исторіи искусствъ. Даже скромныя, мелочныя, повидимому, чисто археологическія изслѣдованія приносятъ свою долю въ общую сумму данныхъ. А между тѣмъ въ изложенной нами литературѣ даннаго вопроса мы не имѣемъ

ни одного спеціальнаго изслѣдованія по названнымъ отдѣламъ. Всѣ музеи блещутъ отсутствіемъ коллекцій по археологіи Средней Азіи, а имѣющееся представляетъ собою сырой матеріалъ, ожидающій изслѣдователя.

Вотъ почему вопросъ объ уйгурахъ остается доселѣ открытымъ. Одни сухія, формальныя данныя китайскихъ лѣтописей и мусульманскихъ историковъ никогда не дадутъ намъ живого и полнаго историческаго очерка уйгуровъ. Ихъ необходимо освѣтить методами европейскаго мышленія, подвергнуть анализу и обобщеніямъ, добавить всѣми новыми данными, отысканными вслѣдствіе примѣненія неизвѣстныхъ восточнымъ народамъ пріемовъ къ совершенно иному матеріалу, и только тогда, когда ясенъ станетъ читателю умственный и нравственный кругозоръ уйгуровъ въ его историческомъ развитіи, когда будутъ представлены всѣ стороны народнаго самосознанія уйгуровъ, тогда авторъ можетъ назвать свой трудъ «исторіею уйгуровъ».

Но если, по нашему сознанію, въ такомъ положеніи находится дѣло разработки уйгурскаго вопроса, то что же можетъ представлять собою нашъ слабый трудъ, авторъ котораго не обладаетъ вовсе нужными для разрѣшенія данной задачи силами, способностями и средствами въ должной мѣрѣ? Не будетъ, кажется, смѣлостью сравнить нашу работу надъ этимъ вопросомъ съ тушеніемъ пожара, гдѣ въ первый моментъ команда старается захватить въ свои руки всю область огня, локализовать пожаръ и прекратить его, спасая все, что можно. Пока пламя пылаетъ, командѣ помогаетъ и публика и любители и погорѣвшіе. Но вотъ пожаръ стихъ; остается окончить его тушеніе, и вотъ на эту-то скучную и безынтересную работу обречены одни пожарные. Всякая груда мусору, всякая курящаяся головня и тлѣющая искра представляетъ здѣсь опасность возобновленія пожара, и тогда, вмѣсто достиженія цѣли, возникнетъ новая, еще болѣе трудная работа. Когда мы взялись за изученіе уйгурскаго вопроса, то намъ думалось имѣть дѣло съ большимъ пожаромъ, къ самому разгару его приложить свои силы

и принести свою ленту въ общую работу. Окончивъ работу, мы увидѣли свою ошибку. Масса огня была уже затушена лицами, ранѣе насъ посвятившими себя этому дѣлу. Намъ досталась скучная работа отыскивать еще тлѣющія груды мусора и гасить еще курившіяся головни и искры: давать отвѣты на мелкіе частные вопросы и выяснять еще оставшіяся темными стороны дѣла, указывая при этомъ на недочеты прежнихъ изслѣдователей. Насколько мы были полезны въ данномъ случаѣ дѣлу, не знаемъ, но сами чувствуемъ глубокое сожалѣніе о недостаткѣ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи средствъ, о незнакомствѣ съ тюркскими языками. Во избѣжаніе какихъ-либо смѣшныхъ и комичныхъ недостатковъ, которыми кишатъ работы изслѣдователей, руководящихся переводами, а не оригиналами источниковъ, мы рѣшили совершенно игнорировать показанія историковъ передней Азіи и построить свою работу всецѣло на китайскихъ источникахъ. Исключеніемъ является для насъ только показаніе Рашидъ-эддина и Абульгази о мѣстахъ первыхъ поселеній уйгуровъ, которое мы понимаемъ согласно съ Березинымъ, Банзаровымъ и о. Іакинѳомъ. Этотъ взглядъ служитъ намъ руководящею нитью и опорой противъ всѣхъ изслѣдователей, начинавшихъ исторію уйгуровъ съ описанія древнѣйшихъ временъ Притянь-шаньскаго края, съ разсмотрѣнія исторіи Чэ-ши, Гао-чана и пр. Опираясь на показанія китайской исторіи о чи-ди и дин-линахъ, какъ родоначальникахъ гао-гюйцевъ, мы слѣдимъ за ихъ судьбами, насколько это возможно, и открываемъ нѣкоторыя указанія на постепенный переходъ ихъ изъ юго-восточнаго угла восточно-азіатскаго нагорья частію къ Ордосу и Гань-су, частію на сѣверъ степи въ бассейнъ Селенги и Толы. Перечень племенъ гао-гюйскихъ, доселѣ неизвѣстный въ европейской литературѣ, убѣждаетъ насъ въ вѣрности показанія Рашидъ-эддина, а данныя о передвиженіи гао-гюйцевъ то на югъ то на сѣверъ степи и, наконецъ, оттѣсненіе ихъ на западъ даютъ основаніе къ заключенію о раннемъ знакомствѣ ихъ и со странами Притянь-шаньскими. Анналы Суйской династіи о тѣ-лэскихъ

племенахъ, обнаруживая полное тождество ихъ съ гао-гюйскими, показываютъ намъ весьма широкое разселеніе этихъ родовъ по нагорью Средней Азіи, а лѣтописи Танскаго дома уже обстоятельно описываютъ судьбы этихъ племенъ почти за 200-лѣтній періодъ. Прежде еще, чѣмъ попала власть въ руки племени юань-хэ, назвавшагося позднѣе хуй-хэ, главенство надъ всѣми племенами принадлежало племени сѣ-янь-то. Мы разсматриваемъ исторію его владычества подробно, во-первыхъ, потому, что племя это и по Суйской и по Танской исторіи находилось въ ближайшемъ родствѣ съ хуй-хэ, во-вторыхъ, потому, что подъ его владычествомъ ближайшимъ образомъ созрѣло могущество хуй-хэ и, въ-третьихъ, потому, что исторію хуй-хэ начинаетъ такъ нашъ руководитель Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чэнъ. Паденіе дома хуй-ху и переселеніе его подданныхъ на югъ въ Гань-су и на западъ по обѣ стороны Тянь-шаня довольно ясными представляются изъ перечисленія множества ихъ посольствъ къ Сунскому дому, хотя эти данныя и не даютъ никакихъ почти свѣдѣній о внутренней жизни государствъ. Анналы Ляоской династіи почти всѣ переведены по отдѣлу, касающемуся уйгуровъ, д-ромъ Бретшнейдеромъ, такъ что изъ нихъ мы помѣщаемъ только данныя о мусульманствѣ у уйгуровъ и о возможности заимствованія у послѣднихъ магометанской вѣры киданями.

Что касается до Юаньской династіи, то мы были лишены возможности приняться за ея обработку. Но мы во всякомъ случаѣ были бы поставлены въ крайнее затрудненіе при разработкѣ ея и доселѣ не уяснили себѣ принципіальныхъ вопросовъ. Если уйгуры, какъ пришлый элементъ, смѣшались съ жителями Восточнаго Туркестана и Тянь-шань-бэй-лу, если еще при Сунской династіи мы видимъ ихъ разсѣянными по всѣмъ этимъ мѣстностямъ, то что же разумѣть подъ уйгурами этой страны при Юаньской династіи? Обыкновенно усвояютъ такое названіе странѣ Гаочанъ, но это, конечно, не научно. Клапротъ считалъ уйгуромъ турфанца, у котораго выписывалъ слова, а судя по біографіямъ уйгуровъ, перечисляемымъ у Бретшнейдера (т. I, p. 250—

251), равно какъ и по словарю именъ изъ Юань-ши, приложенному къ нашей работѣ, подъ уйгурами разумѣлись всѣ жители Восточнаго Туркестана — тюрки, можетъ быть, даже въ общемъ, нарицательномъ смыслѣ, имѣя при этомъ частныя племенныя имена. Поэтому мы весьма ошиблись бы, если бы хотѣли по біографіямъ лицъ, названныхъ Бретшнейдеромъ уйгурами, составить понятіе о роли уйгуровъ въ Чингисовой и Юаньской монархіи, что мы и хотѣли сдѣлать. Въ этихъ біографіяхъ мы встрѣтили исторію туземныхъ мѣстностей, разсматривать которую безъ отношенія къ предыдущимъ временамъ невозможно. Такимъ образомъ и намъ пришлось бы вновь начать работу съ Ханьской династіи и исторіи Чэ-ши.

Если бы воспользоваться дословно или въ болѣе или менѣе подробномъ переложеніи всѣмъ матеріаломъ, извѣстнымъ въ европейской литературѣ по уйгурскому вопросу, то трудъ нашъ былъ бы гораздо больше по объему. Но намъ не хотѣлось этого. Посему изъ китайскихъ источниковъ мы дѣлали дословный переводъ только мѣстъ, неизвѣстныхъ въ европейской литературѣ, новыхъ данныхъ, хотя порою мелочныхъ, а европейской литературой пользовались для уясненія себѣ хода событій, отсылая цитатами къ авторамъ, передававшимъ факты подробно. Освѣщеніе исторіи, уясненіе связи событій и разборъ темныхъ мѣстъ — вотъ какія требованія предъявляли мы къ себѣ, когда имѣли дѣло съ европейской литературой.

Въ историческомъ очеркѣ мы строго держимся транскрипціи китайскихъ названій племенъ, не замѣняя ихъ общимъ и часто сбивающимъ съ толку именемъ «уйгуры». Постепенный переходъ ихъ въ уйгуровъ становится очевиденъ послѣ разбора всей ихъ исторіи, но въ разныя времена послѣдней они носили разныя названія, которыя мы и удерживаемъ во избѣжаніе недоразумѣній.

Глава I.

Чи-ди 赤狄 и Динъ-линъ 釘靈.

Китайская исторія временъ Бэй-Вэйской 北魏 династіи (386—558) древнѣйшими извѣстными родоначальниками племенъ гао-гюйскихъ 高車 считаетъ *Чи-ди* 赤狄, т. е. красныхъ ди. Что это за племя, и какія данныя сообщаютъ о немъ китайскіе источники? Происхожденіе его послѣдовательно возводится къ самымъ сѣдымъ временамъ китайской древности, къ періоду доисторическому, куда еще не имѣетъ почти права и основаній проникать историческая критика за отсутствіемъ подъ ногами твердой почвы. За данными, передаваемыми китайскими писателями относительно тѣхъ давнихъ временъ, можно признать скорѣе значеніе попытки человѣческаго ума уяснить себѣ всѣ являвшіеся этнографическіе вопросы, въ нихъ можно видѣть скорѣе пытливое стремленіе проникнуть въ глубь вѣковъ и найти тамъ причину настоящаго, чѣмъ положительные отвѣты на вопросы. Лишенныя правильнаго метода, такія объясненія китайскихъ писателей не достигаютъ, конечно, своей цѣли въ научномъ смыслѣ и представляютъ собою, какъ о[illegible]хранились до насъ, смѣсь дѣйствительнаго и фантастическаго, правдоподобнаго и невѣроятнаго. Фактъ существованія выродцевъ въ степяхъ Средней Азіи сталъ извѣстенъ китайцамъ съ самыхъ раннихъ временъ. Постоянно возникавшія столкновенія на границахъ познакомили между собою сосѣдей и естественнымъ образомъ возбудили у осѣдлыхъ жителей вопросъ

о происхожденіи ихъ сосѣдей. Отвѣтъ на него долженъ былъ создаться на почвѣ той же китайской жизни, и виновниками существованія инородцевъ явились тѣ же праотцы, что и Китая. Вотъ какъ объясняетъ древнѣйшую исторію инородцевъ *Чи-ди* сочиненіе *Шань-хай-цзинъ* 山海經 съ своими комментаторами.

«Въ огромной пустынѣ на сѣверо-западъ отъ Китая, тянущейся безбрежною равниной, той самой, которая служитъ мѣстомъ заката солнца и луны, находится гора *Жунъ-фу-шань* 融父山. Въ нее впадаетъ рѣка *Шунь-шуй* 順水. Другіе говорятъ, что гора называется такъ же, какъ и рѣка, — *Шунь-шань*, и что рѣка не входитъ въ нее, а вытекаетъ изъ нея. Такъ вотъ въ этихъ-то мѣстахъ (опредѣлить которыя точно очень трудно) живутъ люди, называемые *Цюань-жунами* 犬戎, т. е. собаки-жуны. Происхожденіе ихъ объясняется слѣдующимъ образомъ. Императоръ *Хуанъ-ди* 黃帝 (2697-2597 до Р. Х.) произвелъ *Мяо-луна* 苗龍, *Мяо-лунъ* произвелъ *Жунъ-у* 融吾, *Жунъ-у* произвелъ *Бяо-мина* 弄明, *Бяо-минъ* произвелъ *Бай-цюачя* 白犬, т. е. бѣлую собаку [1]). Собакъ было двое: самецъ и самка, и они-то произвели на свѣтъ *Цюань-жуновъ*, т. е. собакъ-жуновъ. Они питались мясомъ и были красными четвероногими 赤獸».

Что означаетъ вся эта цитата, разъяснить очень трудно, но здѣсь, очевидно, кроется первоначальный смыслъ имени *Чи-ди*, красные ди, потому что китайскіе ученые сопоставляютъ эту

---

1) Ученый *И-синъ* 誼行, комментировавшій книгу *Шань-хай-цзинъ*, замѣчаетъ, что имя *Бяо-минъ* пишется различно. Въ поясненіяхъ Ханьской имперіи, въ главѣ о Хуннахъ (*Хань-шу Сюнъ-ну-чжуань*) встрѣчается *Бяо-минъ* 弄明; въ *Чжэнъ-и* 正義, комментаріяхъ къ главѣ о Чжоускомъ удѣлѣ въ трудѣ *Сы-ма-цяня* (*Ши-цзи-чжоу-бэнь-цзи*) значится *Бинъ-минъ* 幷明, и «бинъ» иногда искажается въ *бяо* 卞. Послѣднее сочиненіе измѣняетъ весь строй фразы о происхожденіи *Цюань-жуновъ*: *Хуанъ-ди*, пишетъ оно, произвелъ *Мяо*, *Мяо* произвелъ *Луна*, *Лунъ* произвелъ *Жуна*, *Жунъ* произвелъ *У*, *У* произвелъ *Бинъ-мина*, *Бинъ-минъ* произвелъ *Бо*, *Бо* произвелъ *Цюаня*, т. е. собаку; ихъ было двѣ, и отъ нихъ-то произошли *Цюань-жуны*.

фразу съ цитатою въ *Шо-вэнь* 說文, древнѣйшемъ лексиконѣ китайскомъ, гдѣ слово *Чи-ди* 赤狄 объясняется такъ:

Чи-ди суть древнѣйшіе потомки собакъ, отсюда и іероглифъ ди 狄 имѣетъ ключъ, означающій собаку [1]).

Во всѣхъ этихъ сказаніяхъ разграниченіе историческаго элемента отъ легендарнаго представляется весьма затруднительнымъ. Видно однако, что населеніе сѣверныхъ пустынь интересовало жителей Срединнаго государства, и что послѣдніе пытались даже установить родъ этнографической связи между различными племенами сѣвера. Однако сопоставленіе *Цюань-жунов* и *Чи-ди* встрѣчаетъ себѣ значительныя затрудненія и вызываетъ недоумѣнія; въ эпоху историческую, по сообщенію китайскихъ лѣтописей, эти два народа занимали совершенно различныя территоріи и не приходили уже въ соприкосновеніе между собою. Сохранилось ли у китайцевъ въ упомянутомъ разсказѣ преданіе о первоначальномъ единствѣ этихъ инородцевъ, или онъ представляетъ собою плодъ досужей фантазіи, — рѣшить нельзя, но невозможно также совершенно не видѣть лежащей въ основаніи его нѣкоторой доли историческаго элемента.

Что касается инородцевъ *Ди* 狄, то въ позднѣйшую эпоху *Чунь-цю* 春秋 (722-480 до Р. Х.) они составляютъ уже величину положительную и могутъ быть предметомъ изученія. *Сыма-цянь* и *Ду-ю*, изъ которыхъ послѣдній основывается, вѣроятно, на *Ши-цзи* 史記, помѣщаютъ нѣкоторыя изъ этихъ племенъ на западъ отъ *Хуанъ-хэ*, но, какъ показываетъ свидѣтельство Конфуція и *Цзо-чжуани*, они всѣ отыскиваются на востокъ отъ рѣки и тянутся по сѣверной границѣ различныхъ государствъ до нынѣшняго *Шанъ-дуна*. Во времена *Хуанъ-гуна* (711-694), мы читаемъ только о ди, 伯 или 狄, но позднѣе являются два большія подраздѣленія ихъ: *Чи-ди* 赤狄 и *Бай-ди* 白狄. *Чи-ди* не упоминаются уже послѣ третьяго года *Чэнъ-гуна* (588), и уничтоженіе различныхъ племенъ ихъ записано въ исторіи; *Бай-ди* же

1) *Шанъ-хай-цзинъ*. Цз. 17. л. 3. Срав. *Гу-цзинъ-ту-шу-цзи-чэнъ. Бянь-и-дянь Сюнъ-ну-бу-хуй-као-и.* Цз. 123 л. 1. *Си-жунъ-бу-као-и.* л. 1.

тянутся черезъ весь періодъ *Чунь-цю*, и одно изъ ихъ племенъ продолжается даже до періода *Чжань-го* 戰國 (480—250), когда его князь принялъ титулъ короля и соперничалъ съ другими за обладаніе Чжоускими 周 землями. Изъ *Ци-ди* извѣстно, кажется, шесть племенъ:

1) *Дунъ-шань-гао-ло-ши* 東山皋落氏, мѣстопребываніемъ котораго служили нынѣшніе уѣзды *Юань-цюй-сянь* и *Цзянъ-сянь*, въ округѣ *Цзянъ-чжоу*, въ пров. *Шань-си*.

2) *Цзянъ-цзю-жу* 蔥谷如, мѣстонахожденіе котораго неизвѣстно.

3) *Лу-ши* 路氏, который оставилъ свое имя въ округѣ *Лу-чэнъ*, въ департ. *Лу-ань-фу*, въ провинціи *Шань-си*.

4) *Цзя-ши* 甲氏 занималъ нынѣшній округъ *Цзи-цзэ-сянь* въ департ. *Гуанъ-пинъ-фу* въ пров. *Чжи-ли*.

5) Лю-сюй 留吁 въ нынѣшнемъ округѣ *Тунь-лю-сянь*, департ. *Лу-ань-фу* въ *Шань-си*.

6) *До-чэнь* 鐸辰 гдѣ-то въ томъ же департаментѣ.

Представимъ краткій очеркъ данныхъ объ инородцахъ *Ди* и потомъ *Ци-ди*, содержащихся въ *Чунь-цю* и въ *Цзо-чжуани*, чтобы лучше понять мѣста ихъ поселеній.

Инородцы Ди появляются впервые въ 32 году *Чжуань-гуна* (662 г.) нападающими на маленькое государство Синъ[1]) 邢, которое, кажется, не было способно бороться съ ними. *Цисцы* 齊 пришли на помощь удѣлу Синъ, но въ первый годъ *Си-гуна* (659 г.) они перенесли свой главный городъ въ то положеніе, гдѣ они могли быть болѣе на дорогѣ Ди, и войска удѣловъ *Ци*, *Сунъ* 宋 и *Цао* 曹 были введены въ новую столицу *Нь-бэй* 聶北 въ нынѣшнемъ департ. *Дунъ-чанъ-фу* въ *Шань-дунъ*. Около этого же времени Ди напали на болѣе значительный удѣлъ *Вэй* 魏 и нанесли ему сильное пораженіе. Во 2-й годъ *Минь-гуна* (660) они овладѣли его столицей, жители которой убѣжали за *Хуанъ-хэ*.

---

1) Въ уѣздѣ *Синъ-тай-сянь*, деп. *Шунь-дэ-фу*, пров. *Чжи-ли*.

Такимъ образомъ Ди вели свои дѣла съ успѣхомъ противъ удѣловъ *Синъ* и *Вэй*, когда пришли въ соприкосновеніе съ государствомъ, имѣвшимъ со временемъ уничтожить ихъ независимость. Во 2-й годъ *Минь-гуна* князь удѣла *Цзинь* 晉 послалъ своего старшаго сына противъ ихъ клана *Гао-ло-ши*. Позднѣе послѣдовала другая экспедиція, во время которой въ 7-й годъ *Си-гуна* генералъ этого удѣла нанесъ пораженіе одной части Ди. Однако отъ этого успѣха побѣдителямъ не было выгоды. Когда нужно было воспользоваться побѣдой, то Цзиньскій военачальникъ объявилъ, что онъ желалъ только напугать инородцевъ, а вовсе не поднимать противъ себя всѣ ихъ племена. Вслѣдствіе этого въ слѣдующемъ году Ди мстятъ за набѣгъ Цзиньцевъ тѣмъ же. Въ 10-й годъ *Си-гуна* Ди проникли уже въ Чжоускія владѣнія и уничтожили удѣлъ *Вэнь* 温 въ южной части пров. *Шань-си* 山西, правитель котораго убѣжалъ въ *Вэй* 衛.

Съ этого времени въ разные года мы видимъ удѣлы *Вэй*, *Чжэнь* 鄭 и *Цзинь* терпящими отъ инородческихъ набѣговъ. Въ 18-й годъ *Си-гуна* (642) въ удѣлѣ Ци произошли замѣшательства вслѣдствіе смерти князя, и Ди пришли на помощь сторонникамъ его младшихъ сыновей. Два года спустя Ди заключили клятвенный договоръ въ столицѣ удѣла Синъ.

Въ 24-мъ году (636) они напали на удѣлъ Чжэнь, князь котораго былъ въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ изъ-за распри съ своимъ братомъ и, въ силу этого, принялъ предложенную Ди помощь. Онъ женился на дочери одного изъ ихъ начальниковъ и сдѣлалъ ее княгинею; она впрочемъ, по словамъ лѣтописи, скоро оказалась недостойною такой чести.

Въ 31 годъ *Си-гуна* (629) мы находимъ Ди снова въ борьбѣ съ удѣломъ Вэй, который вынужденъ былъ перемѣнить столицу. Годъ спустя онъ однако оказался въ состояніи отплатить инородцамъ за нападеніе вторженіемъ въ ихъ поселенія, при чемъ былъ заключенъ договоръ, и Ди оставили въ покоѣ удѣлъ Вэй до 13-го года *Вэнь-гуна* (614). Между тѣмъ они продолжали свои нападенія на Цисцевъ и приходили для вторженій въ удѣлы Лу и Сунъ,

несмотря на пораженіе, которое они получили отъ Цзиньцевъ въ послѣдній годъ *Си-гуна*. Удѣлъ Лу также нанесъ пораженіе отрядамъ инородцевъ Ди въ 12-й годъ правленія *Вэнь-гуна* (613). Во времена *Сюань-гуна* и позднѣе мы не находимъ уже въ исторіи общаго упоминанія объ инородцахъ Ди, а читаемъ имена *Чи-ди* 赤伯, т. е. красныхъ *Ди*, и *Бай-ди* 白狄, бѣлыхъ ди. Изъ нѣкоторыхъ намековъ, встрѣчающихся въ *Цзо-чжуани* можно понять, что въ это время уже возникло соперничество среди самихъ инородцевъ. *Чи-ди* пытались утвердить свое главенство надъ племенами, котораго *Бай-ди* не хотѣли признать, и они остались поэтому безъ поддержки въ борьбѣ съ удѣломъ *Цзинь*, съ которымъ они никоимъ образомъ не могли равняться силами. Большое инородческое государство объединило въ это время свои разбросанныя силы, и это произвело краткую, болѣе замѣтную эпоху изъ временъ существованія *Чи-ди*. Въ 4-й и 7-й годы *Сюань-гуна* они вторглись въ удѣлъ *Цзинь* и встрѣтили очень мало сопротивленія. *Цзиньцы* съ намѣреніемъ отступили предъ ними, чтобы завлечь ихъ дальше. Но въ 15-ый годъ *Сюань-гуна*, въ 6-й лунѣ въ день черноватаго зайца Цзиньское войско уничтожило кланъ *Лу-ши* 路氏, принадлежавшій къ инородцамъ *Чи-ди*, и увело съ собою ихъ правителя Лускаго *Цзы-инъ-эръ* 子嬰兒, а въ слѣдующемъ году весною въ первой лунѣ другая армія подобнымъ же образомъ расправилась съ родами *Цзя* 甲 и *Лю-сюй* 留吁. Въ 3-мъ году *Чэнь-гуна* осенью Цзиньскій военачальникъ *Цэ-кэ* 谷克 вмѣстѣ съ Вэйскимъ полководцемъ *Сунь-лянъ-фу* 孫良夫 повоевали *Цзянъ-цзю-жу* 蔣咎如, одинъ изъ родовъ *Чи-ди*, съ которымъ они поступили, вѣроятно, такъ же, какъ и раньше съ другими кланами, т. е. подвергли ихъ уничтоженію или подчинили своей власти. По крайней мѣрѣ дальше мы не имѣемъ упоминанія о *Чи-ди*, такъ что ихъ самостоятельное существованіе нужно считать оконченнымъ. Всюду, гдѣ позднѣе встрѣчается имя ди, рѣчь идетъ о бѣлыхъ ди (*Бай-ди*).

Итакъ, судя по этому очерку исторіи *Чи-ди*, это племя занимало горныя мѣста провинцій Чжи-ли и Шань-си. Возбуждаетъ

интересъ и требуетъ значительной доли вниманія, можетъ быть, весьма важный вопросъ о различіи самыхъ китайскихъ источниковъ въ опредѣленіи территоріи, занимаемой племенами ди. *Сы-мацянь* хотя ставитъ *Чи-ди* въ соприкосновеніе съ тѣми же удѣлами, что и *Чунь-цю*, но во всякомъ случаѣ расширяетъ ихъ земли на западъ до нынѣшней провинціи *Шэнь-си*. A priori, какъ мы уже сказали, преимущество лежитъ на сторонѣ *Чунь-цю*, какъ древнѣйшаго источника, но какія данныя были у *Сы-мацяня* дѣлать свои заключенія, неизвѣстно. Вопросъ объ источникахъ, которые послужили для составленія *Ши-цзи*, слишкомъ сложенъ и труденъ. О. Іакинѳъ пользовался сочиненіемъ *Сы-мацяня*, но данныя его крайне разбросаны и не уяснены. Такъ на стр. 248 у него сказано[1]), что *Чи-ди* въ періодъ весны и осени (т. е. *Чунь-цю*) занимали земли въ губ. *Сань-си* (т. е. Шань-си) въ области *Лу ань-фу*», а выше (стр. 6) — что цзиньскій князь *Вэнь-гунъ* встрѣтилъ ихъ въ *Шэнь-си*, что происходило также въ періодъ *Чунь-цю* (636 г. до Р. Х.). Не знаемъ также, на какихъ основаніяхъ О. Іакинѳъ утверждаетъ, что въ періодъ *Чжань-го* (съ 480 года) «*Чи-ди* занимали въ губ. *Шань-си* и *Гань-су* земли и области *Цинъ-янъ-фу* и округа *Суй-дэ-чжоу* (стр. 247). Это показаніе, если оно вѣрно, даетъ возможность предполагать, что *Чи-ди* постепенно передвигались къ западу, можетъ быть, будучи оттѣсняемы китайцами, и уходили въ степную полосу, гдѣ позднѣе мы находимъ *Гао-гюйскія* племена. Но это не больше какъ догадка, подверженіе которой крайне желательно.

Какого племени были *Чи-ди?* О. Іакинѳъ называетъ ихъ монголами[2]), В. В. Радловъ причисляетъ къ тюркскимъ племенамъ; можетъ быть, кто-либо найдетъ возможнымъ считать ихъ и тунгусами. Все зависитъ отъ общаго взгляда на древнюю этнографію Средней Азіи. Самыя же данныя исторіи *Чи-ди* не содержатъ въ себѣ никакихъ основаній для такого или иного заключенія. Всего болѣе вѣроятною представляется намъ теорія о тюрк-

1) Собраніе свѣд. о народахъ, т. I, стр. 248.
2) Ibid., т. 1., стр. 248.

скомъ происхожденіи *Чи-ди*; родство ихъ съ Хунну и общія соображенія о преобладаніи тюркскаго элемента на восточно-азіатскомъ нагорьи въ древности много говорятъ въ ея пользу.

Показанія *Шань-хай-цзинъ* даютъ возможность понять, что у китайцевъ представленіе о сѣверныхъ инородцахъ всегда связывалось съ тѣмъ неопредѣленнымъ степнымъ пространствомъ (*да-хуанъ* 大荒), которое пскони вѣковъ являлось для населенія Китая вмѣстилищемъ всего чудеснаго. И разъ народная фантазія отнесла туда какихъ-то звѣроподобныхъ потомковъ *Хуанъ-ди*, она уже не могла остановиться и должна была идти по тому же пути дальше, пока дѣйствительное знаніе не разсѣяло этихъ химеръ. Второю стадіею въ развитіи этнографическаго знакомства китайцевъ съ племенами *гао-гюйскими*, позднѣе получившими имя *хуй-хэскихъ*, составляютъ ихъ свѣдѣнія о *Динъ-линахъ*, предкахъ уйгуровъ и потомкахъ *Чи-ди* по *Бэй-Вэйской* исторіи [1]). Доселѣ это имя оставалось во тьмѣ и не подвергалось вовсе изслѣдованіямъ, однако болѣе обстоятельное знакомство съ нимъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на постепенное развитіе китайской этнографіи. Древнѣйшія свѣдѣнія о нихъ встрѣчаются въ той же древней книгѣ *Шань-хай-цзинъ* 山海經. Она отводитъ *Динъ-линамъ* (у П. С. Понова назв. 丁零, т. е. 釘靈) территорію на знаменитомъ сѣверномъ морѣ 明北海之內.

«Тамъ, пишетъ авторъ, есть государство *Динъ-линъ*. У жителей къ низу отъ колѣнъ на ногахъ растетъ шерсть и вмѣсто ступней лошадиныя копыта. Они бѣгаютъ прекрасно.» Комментарій къ этимъ даннымъ поясняетъ, что *Динъ-лины* на ходу сами себя подгоняютъ и на своихъ копытахъ пробѣгаютъ въ день до 300 ли [2]).

Таковы древнѣйшія свѣдѣнія, циркулирующія доселѣ въ невѣжественныхъ народныхъ массахъ Китая. Если мы въ параллель съ этимъ вспомнимъ геродотовыхъ антропофаговъ, меланхленовъ и

---

1) *Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чэнъ*. *Бянь-и-дянъ* цз. 126. *Хуй-хэ-бу-хуй-као-эр.*, л. 1.
2) *Шань-хай-цзинъ*. Глава *Хай-нэй-цзинъ*.

жителей Гиперборейскаго моря, то станетъ ясно, что и европейцы платили дань своему времени и создавали себѣ образы чужеземцевъ не лучшіе, чѣмъ изображеніе *Динъ-лина*. Но нельзя думать, что эти свѣдѣнія остались и до послѣдняго времени въ Китаѣ единственными. Открытіе западныхъ и сѣверныхъ странъ во времена *Ханьской* династіи не осталось безъ вліянія на развитіе этнографическихъ свѣдѣній китайцевъ, и потому въ *Сань-го-чжи* 三國志, т. е. исторіи періода трехъ государствъ, мы встрѣчаемъ объ этихъ инородцахъ *Динъ-линъ* 丁令 уже данныя иного характера. Въ отдѣлѣ объ инородцахъ *Мань* и *И* 蠻夷傳主 сообщается, что государство *Динъ-линъ* 丁令國 лежитъ на сѣверъ отъ *Канъ-гюй* и имѣетъ отборнаго войска 60.000 человѣкъ. Жители занимаются скотоводствомъ, а изъ земли ихъ вывозятъ шкурки мышей, а также шкурки животныхъ *бай-гунь-цзы и цинъ-гунь-цзы* [1]).

Отъ страны ихъ до ставки хуннускаго *шань-юя* на рѣкѣ *Ань-си-шуй* 安習水 считается 7.000 ли; на югъ, до шести государствъ *Чэ-ши* 車師六國 — 5.000 ли; на юго-западъ до кангюйскихъ границъ 3000 ли, на западъ до ставки кангюйскаго вана 8000 ли. Нѣкоторые считаютъ этихъ *динъ-линовъ* хуннускими сѣверными динъ-линами. Однако это ошибочно. Сѣверные *Динъ-лины* живутъ къ западу отъ *у-суней*, они похожи на этихъ, но другого происхожденія. На сѣверъ отъ Хунну находятся еще государства:

1) *Хунь-юй* 渾窳國
2) *Цюй-шэ* 屈射國
3) *Динъ-линъ* 丁令國
4) *Гэ-гунь* 隔昆國
5) *Синь-ли* 新黎國

---

[1]) 白昆子 и 青昆子. Что это за породы, мнѣ неизвѣстно, но не нужно забывать, что добыча шкурокъ тарбагановъ или полевыхъ мышей доселѣ играетъ не послѣднюю роль въ экономической жизни населенія монгольской степи.

На югъ отъ славнаго сѣвернаго моря 明北海 живетъ еще третье поколѣніе *Динъ-линовъ*, различное съ обитающими на западъ отъ у-суней. У-суньскіе старики разсказываютъ, что у послѣднихъ, сѣверныхъ *Динъ-линовъ* существуетъ *Ма-синъ-го* 馬脛國, т. е. царство людей съ конскими ногами. Обитатели его имѣютъ голоса, похожіе на крикъ дикихъ гусей. Отъ колѣнъ къ верху у нихъ тѣло человѣческое, а къ низу растетъ лошадиная шерсть и лошадиныя копыта; они не ѣздятъ верхомъ, а бѣгаютъ со скоростью лошади. Очень храбры и сильно сражаются.

По *Сань-цай-ту* 三才圖, *Динъ-лины* живутъ на морѣ. До *Инъ-тянь-фу* 應天府 изъ ихъ земли лошадь бѣжитъ 2 года [1]).

Въ этой выдержкѣ изъ *Сань-го-чжи* мы уже различаемъ наглядно сказочный элементъ отъ дѣйствительности. Показанія *Шань-хай-цзина* цѣликомъ вносятся сюда, но сознаніе самихъ писателей не мирится съ неправдоподобными фактами, и чудеснымъ обитателямъ отводится еще болѣе далекая, совершенно непзвѣстная территорія сѣвера, куда не проникала еще нога китайца. Такой фактъ повторяется въ исторіи всѣхъ народовъ и временъ, когда по мѣрѣ развитія географическихъ знаній мѣста дѣйствій полу-миѳическихъ личностей въ позднѣйшихъ сказаніяхъ отодвигаются все дальше и дальше въ невѣдомыя страны. Такъ было у Грековъ, перенесшихъ арену подвиговъ своихъ героевъ съ нашего Кавказа на Индійскій, гдѣ легенда нашла даже пещеру, въ которой Геркулесъ пастигъ Прометея; такъ было съ крѣпостями Александра Македонскаго: ихъ вначалѣ указывали въ горахъ Паропа́миза, потомъ вслѣдствіе знакомства съ послѣдними перенесли на Уралъ и Алтай и наконецъ окончили усвоеніемъ ему постройки великой китайской стѣны. Такъ было съ легендою о царѣ-пресвитерѣ Іоаннѣ, царство котораго отодвигали постепенно изъ передней Азіи до страны Тэндухъ, а

1) *Гу-цзинь-ту-шу. Бянь-и-дянь*, цз. 139. *Бэй-фанъ-вэй-сянь-чжу-го-бу-као-и.* № 15. Сравнить *Тай-пинъ-хуай-юй-цзи*, цз. 185, л. 14.

когда не нашли и здѣсь, то перебросили въ невѣдомыя страны южнаго Египта. То же повторяется и въ китайской исторіи на разсматриваемомъ примѣрѣ. *Сань-го-чжи* уже знаетъ о какомъ то государствѣ *Динъ-линовъ*, можетъ такъ или иначе опредѣлить даже его географическое положеніе, знаетъ о естественныхъ произведеніяхъ ихъ страны, о численности жителей и войска и уже не соглашается съ фактомъ существованія лошадиныхъ копытъ у людей извѣстныхъ ему странъ. Такихъ субъектовъ и ему приходится загонять въ страны гиперборейскія.

Однако какія же фактическія данныя заключаются въ *Сань-го-чжи* по вопросу о *Динъ-линахъ?* Остается совершенно непонятнымъ, какая можетъ быть связь между *Чи-ди* и *Динъ-линами?* Для территоріальной связи нѣтъ ни тѣни основаній, для племенной—тоже. Но исторія Троецарствія положительнымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что въ его періодъ китайцы уже знаютъ о народахъ, находящихся на сѣверѣ степи, и пытаются уже внести разграниченіе даже между одноименными племенами и народами. Одни *Динъ-лины* живутъ на сѣверъ отъ *Канъ-гюй*, государства съ неопредѣленною территоріей, занимавшаго степи на западъ и востокъ отъ Аральскаго моря; другіе обитаютъ западнѣе у-суней. Если отъ страны послѣднихъ до *Канъ-гюй* на востокъ 5000 ли[1]), а поселенія *Динъ-линовъ* еще западнѣе у-суней, то понятно, что они должны были жить въ степяхъ Средней Азіи, на позднѣйшихъ кочевьяхъ гао-гюйскихъ и хуй-хэскихъ племенъ. Но точно опредѣлить положеніе ихъ стойбищъ все-таки невозможно. Пріуроченіе къ нимъ уйгурскихъ племенъ имѣетъ за собою уже несравненно больше основаній, сравнительно съ *Чи-ди*; даже самое имя *Динъ-линъ* звучитъ въ позднѣйшемъ *Ди-ли* 狄歷[2]).

Что касается до усвоенія *Динъ-линамъ* чисто лошадиныхъ свойствъ, то нужно знать, что взглядъ на инородцевъ, какъ на существа низшія человѣка—общераспространенъ въ Китаѣ доселѣ. «Древніе китайцы», пишетъ С. М. Георгіевскій, «употре-

1) *Гу-цзинь-ту-шу. Бянь-и-дянь.* цз. 58. *Усунь бу,* л. 1.

2) *Гу-цзинь-ту-шу, цзюэнь, хуй-хэ-бу-као-и.* л. 1. Іакинфъ. Ib., стр. 248.

бляли для названія многихъ инородческихъ племенъ собственнаго Китая такіе іероглифы, въ составъ которыхъ входятъ іероглифы, значащіе либо «собака» 犬, либо «шакалъ» 豸, либо «длинныя перья птицъ» 羽 и «крылья птицъ» 隹, либо «червь» 巴, либо «свернувшаяся кольцами змѣя» 虫. Въ чемъ бы ни заключалась причина такого іероглифическаго обозначенія (въ тотемизмѣ ли, въ религіозныхъ ли культахъ инородцевъ, въ формѣ ли одежды послѣднихъ, въ характерѣ ли фауны занимаемыхъ ими территорій, въ пренебрежительномъ ли отношеніи побѣдителей-китайцевъ къ племенамъ, побѣждаемымъ и стоявшимъ на низкой ступени цивилизаціи), во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться, что взглядъ древняго китайскаго народа на инородцевъ, какъ на животныхъ, облеченныхъ въ человѣческія формы, явился однимъ изъ основаній (ихъ, конечно, много) вѣры въ возможность для звѣрей, птицъ и пресмыкающихся усваивать себѣ и фигуру и манеры человѣка»[1]). — Крайне удивила насъ одна фраза въ томъ же трудѣ С. М. Георгіевскаго: «О нѣкоемъ *Динъ-линъ-вэй* 丁令威 разсказываютъ, что онъ превратился въ журавля, а потомъ черезъ 1000 лѣтъ опять принялъ видъ человѣка»[2]). Что это значитъ, и чѣмъ можно объяснить тожество именъ *Динъ-линъ*, не знаемъ. Неизвѣстно также, откуда E. H. Parker заимствуетъ свѣдѣніе, что *Динъ-лины* во времена *Сянъ-бійцевъ* сражались на сторонѣ китайцевъ[3]).

Глава II.

Гао-гюй 高車.

Древнѣйшія свѣдѣнія о гао-гюйскихъ 高車 поколѣніяхъ мы находимъ въ исторіи династіи *Бэй-Вэй*. Они были потомками

1) С.-М. Георгіевскій. Миѳическія воззрѣнія и миѳы китайцевъ. Спб. 1892. стр. 59.

2) Ibidem, стр. 56.

3) A Thousand years of the Tartars.

Чи-ди, говорится тамъ; вначалѣ назывались *Ди-ли* 狄歷 (у Паркера Tchirek или Terek) въ сѣверныхъ странахъ считались за *Чи-лэ* 敕勒, а весь Китай именуетъ ихъ гао-гюйскими Динъ-линами. Родственные хуннамъ по женской линіи, гао-гюйцы возводили родословную нѣкоторыхъ ихъ своихъ фамилій къ хуннускому дому, считая древнѣйшими родами, происходившими отъ внука по дочери изъ дома Хунну:

1) *Ди* 狄
2) *Юань-хэ* 袁紇
3) *Ху-люй* 斛律
4) *Цзѣ-би* 解批
5) *Ху-гу* 護骨
6) *И-ци-цзинь* 異奇斤[1]).

Изъ гао-гюйскаго же рода 族 лѣтописи передаютъ намъ еще имена двѣнадцати фамилій 姓, какъ прозвищъ родоначальниковъ, отъ которыхъ съ теченіемъ времени произошли отдѣльные кланы.

Вотъ ихъ имена:

1) *Ли-фу-ли* 泣伏利
2) *Ту-лу* 吐盧
3) *И-чжань* 乙旃
4) *Да-лянь* 大連
5) *Ку-хэ* 窟賀
6) *Да-бо-гань* 達簿干
7) *А-лунь* 阿崙
8) *Мо-юнь* 莫允
9) *Сы-фынь* 俟分
10) *Фу-фу-ло* 副伏羅
11) *Ци-юань* 乞袁
12) *Ю-шу-нэй* 右叔沸

Каково собственно было взаимоотношеніе между этими родами или кланами и ранѣе перечисленными, мы не знаемъ. И тѣ и другіе по-китайски носятъ названіе 氏 *ши* — родъ, фамилія,

---

1) *Гу-цзинь-ту-шу* II, 8. *из.* 125. — *Хуй-хэ-бу-хуй-као-и л.* 1.

акъ совокупность потомковъ, происходящихъ отъ одного общаго родоначальника [1]). Но безспорно, что первыя шесть названій представляютъ собою имена племенъ, изъ которыхъ *Юань-хэ* 袁紇 играетъ и позднѣе, въ теченіе всей исторіи уйгуровъ, первенствующую роль [2]).

Первоначальнаго мѣстожительства всѣхъ этихъ племенъ, родовъ или поколѣній Вэйская исторія не указываетъ, но сообщаетъ, что въ позднѣйшія уже времена они переселились на сѣверъ степи и заняли мѣста въ нѣсколькихъ стахъ ли на сѣверо-западъ отъ *Лу-хунь-хай* 鹿渾海 [3]). Отсюда можно понять, что раньше они жили гдѣ-то около *Лу-хунь-хай*, т. е. на границѣ провинціи *Шань-си*. Какое переселеніе разумѣется здѣсь, мы не знаемъ, но не тутъ ли разгадка различныхъ территорій *Чи-ди* и *Дин-линовъ*, изъ которыхъ первые жили на югѣ, вторые на сѣверѣ степи? Какъ бы то ни было, но необходимо помнить, что китайскія лѣтописи считаютъ сѣверныя племена выходцами съюга, и что связь между южанами и сѣверянами степи являлась необходимымъ и естественнымъ слѣдствіемъ ихъ ранней совмѣстной жизни. Показаніе же *Ду-ши-фанъ-юй-цзи-яо* имѣетъ за собою значеніе первостепенной важности, какъ указаніе опредѣленнаго пункта, гдѣ жилъ главный аймакъ *Юань-хэ*.

По переселеніи на сѣверъ степи роды гао-гюйцевъ разсѣлись здѣсь и, постепенно усилившись, входили въ частыя столк-

---

1) *Гу-цзинь-ту-шу* л. 3. Іак. 251.

2) Неизвѣстно чѣмъ объясняемый пропускъ этого перечня племенъ въ переводѣ О. Іакинов сдѣлалъ невозможнымъ для позднѣйшихъ изслѣдователей не синологовъ отмѣтить единство уйгурскихъ племенъ, являющихся составными частями различныхъ по названію государствъ въ разныя времена, но это единство, какъ увидимъ, безспорно можно прослѣдить по китайскимъ лѣтописямъ.

3) Ib. л. 2. О мѣстности *Лу-хунь-хай* въ сочиненіи *Ду-ши-фанъ-юй-цзи-яо* мы находимъ слѣдующія извѣстія: «На сѣверѣ степи находится долина *Лу-хунь-гу*. По *Бэй-ши*, она составляетъ долину моря *Лу-хунь-хай* и искони служила мѣстожительствомъ гао-гюйскому аймаку *Юань-хэ*, находясь на сѣверо-западъ отъ города *Пинъ-чэнъ* 本高車袁紇部所居直平城西北 (въ 5 ли къ востоку отъ *Да-тунъ-фу*; см. Іак., Зап. о Монг., т. II, стр. 78). Къ востоку отсюда лежала рѣка *Хо-ло-шуй*.

новенія съ своими сосѣдями. Съ одной стороны они нападали на всесильныхъ тогда *Жу-жаней*, которымъ удалось покорить изъ нихъ поколѣніе Фу-фу-ло [1]), съ другой грабили земли Срединной имперіи, къ чему политическія обстоятельства Китая представляли тогда много благопріятствующихъ условій.

Конецъ четвертаго и начало пятаго вѣковъ въ исторіи сѣвернаго Китая характеризуется полнымъ преобладаніемъ инородцевъ надъ Срединною имперіей. Туземная китайская династія *Цзинь* 晉, ослабленная постоянною борьбою съ безпрестанно возникающими на сѣверѣ новыми и новыми инородческими владѣтельными домами, переноситъ наконецъ свою столицу въ *Цзянь-ѣ* 建業 (Нанкинъ) и уступаетъ сѣверную часть своихъ земель дому Тоба, который въ 386 г. принимаетъ названіе *Вэй* 魏. Быстро усилившись при первомъ императорѣ *Дао-у-ди* 道武帝 (386—409), новая династія основала свою столицу въ городѣ *Дай* 伐 (*Да-тунъ-фу*) и распространила свою власть на всю восточную и южную Монголію, войдя въ сосѣдство съ домомъ Жу-жаней, владычествовавшимъ надъ землями къ сѣверу отъ степи. Скоро начались столкновенія между двумя могущественными сосѣдями, и въ исторіи этой борьбы мы впервые встрѣчаемся съ племенъ гао-гюйцевъ. Были ли въ началѣ правленія *Дао-у-ди* гао-гюйскія племена самостоятельными или же они признавали главенство дома Жу-жаней, мы достовѣрно не знаемъ, но склонны думать, что вѣрнѣе — первое. Тобаскій *Тай-цзу* борется съ ними нѣсколькими годами раньше, нежели Жу-жаньскій *Шэ-лунь*, откуда уже можно видѣть, что племена гао-гюйскія были врагами и того и другого. Необходимо, конечно, принимать при этомъ во вниманіе многочисленность и разнообразіе гао-гюйскихъ племенъ, изъ которыхъ одни могли быть подчинены Жу-жанямъ, другіе — оставаться самостоятельными. Во всякомъ случаѣ уже въ 4-й годъ правленія *Дао-у-ди* (390 г.) мы видимъ его въ походѣ противъ гао-гюйцевъ. Онъ напалъ на

1) *Гу-цзинъ* . . Іѣ. л. 3. Іак., стр. 251.

нихъ и нанесъ имъ пораженіе въ 1-й весенней лунѣ[1]). Этимъ походъ не окончился. Въ слѣдующемъ же году (391) въ 3-й весенней лунѣ императоръ *Дао-у-ди* отправился на западъ отъ р. *Жо-ло-шуй*, добрался до стоянки гао-гюйцевъ у *Лу-хунь-хай*, напалъ на аймакъ *Юань-хэ* и нанесъ ему сильное пораженіе. Отряды легкой китайской конницы не остановились на этомъ, но ушли за кочевниками на 100 слишкомъ ли въ глубь степи и нанесли новое пораженіе гао-гюйцамъ. Здѣсь было захвачено много плѣнныхъ и 200000 слишкомъ головъ скота: лошадей, овецъ и коровъ. Въ 10-й лунѣ того же года, зимою, императорскія войска напали на гао-гюйскій аймакъ *Доу-чэнь* 豆陳 и нанесли ему сильное пораженіе у горы *Лань-шань* 狼山[2]).

Мы не знаемъ, былъ ли этотъ походъ предпринятъ спеціально противъ гао-гюйцевъ или противъ жу-жаней, ибо въ томъ же 391 году видимъ Вэйскій домъ въ успѣшной борьбѣ съ послѣдними[3]). Вѣрнѣе думать, что война велась съ кочевниками вообще. Императорскія войска били послѣднихъ, не разбирая племенъ и родовъ, и заходили съ этою цѣлью въ глубь степи настолько, насколько позволяли имъ силы, запасы провіанта и другія условія. Но возможно, что Вэйскій домъ хотѣлъ дѣйствительно сломить могущество жу-жаней и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы вмѣшиваться въ ихъ дѣла[4]). Про гао-гюйскія племена можно сказать, что имъ доставалось при этой борьбѣ въ чужомъ пиру похмелье. Ихъ били Вэйцы по пути въ жу-жаньскія кочевья, ихъ же притѣсняли и жу-жане, спасаясь отъ преслѣдованія императорскихъ войскъ. Такъ въ 9-й годъ правленія *Дао-у-ди* (394 г.) жу-жаньскій *Шэлунь*, спасаясь отъ преслѣдованія вэйскаго полководца *Хо-ту*, удалился за песчаную степь на сѣверъ, напалъ на гао-гюйцевъ и далеко прошелъ въ ихъ земли. Симъ образомъ покоривъ всѣ гао-гюйскіе аймаки, онъ сдѣлался силь-

---

1) *Гу-цзинь* . . . 16. л. 1.
2) Тѣ. л. 1.
3) Іак. Собр. св. о нар., т. 1, стр. 206.
4) См. Іак., стр. 207—209.

нымъ и страшнымъ и поселился при рѣкѣ *Жо-ло*[1]), т. е. на мѣстѣ прежнихъ гао-гюйскихъ кочевьевъ.

Исторія Тобаскаго дома слишкомъ слабо разработана, чтобы можно было выяснить обстоятельно причины такихъ или иныхъ отношеній его съ сосѣдями. Источники сообщаютъ намъ только факты, умалчивая объ ихъ причинной связи.

Восемь лѣтъ спустя послѣ пораженія гао-гюйцевъ у *Лань-шань* мы видимъ *Дао-у-ди* опять въ походѣ противъ того же народа. На этотъ разъ экспедиція велась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Императоръ видимо хотѣлъ окончательно разсчитаться съ кочевниками въ ихъ стойбищахъ и собралъ для этой цѣли огромныя силы. Во 2-й годъ правленія *Тянь-синъ* (399) въ 1-й весенней лунѣ подъ знаками цикл. 庚午 *Дао-у-ди* двинулъ на гао-гюйцевъ три арміи различными дорогами. Одна часть войска подъ предводительствомъ *да-цзянъ-цзюня Чанъ-шань-ванъ-цзуня* изъ трехъ корпусовъ направилась по восточной дорогѣ къ *Чанъ-чуань* 長川; другая, имѣя во главѣ *чжэнь-бэй-цзянъ-цзюня Гао-лянъ-ванъ-іо-чжэнь*, изъ семи корпусовъ слѣдовала по западной дорогѣ по направленію къ *Ню-чуань* 牛川. Императоръ же, предводительствуя лично третьею арміей, направился по средней дорогѣ. Всѣ три арміи по заранѣе намѣченному плану соединились во второй лунѣ 1-го числа въ мѣстности на сѣверо-востокъ отъ *Цзяо-жань-шуй* 駮髯水 и нанесли 30 гао-гюйскимъ аймакамъ страшное пораженіе. Было захвачено въ плѣнъ 70.000 человѣкъ, 300.000 лошадей и больше 1.400.000 головъ коровъ и барановъ. Въ то же самое время четвертая императорская армія подъ предводительствомъ *бяо-цидa-цзянъ-цзюня Вэй-ванъ-и* изъ 30.000 легкой конницы прошла на сѣверо-западъ въ глубь степи на 1000 ли, напала на семь гао-гюйскихъ аймаковъ и разсѣяла ихъ окончательно. Трофеямъ и здѣсь не было числа: больше 20.000 человѣкъ плѣнныхъ, 50.000 головъ лошадей и 200.000 барановъ достались въ руки

1) Ibid. т. I, стр. 208.

побѣдителямъ. Устрашенные такими грозными побѣдами, гао-гюйцы въ числѣ 200.000 сдались на волю побѣдителей и приняли ихъ подданство. Императорскія войска направились къ горамъ *Ню-шань* 牛山 и *Бо-шань* 薄山, на югъ отъ мѣстности *Ню-чуань* 牛川 и здѣсь устроили празднества въ ознаменованіе одержанныхъ побѣдъ. Была вырѣзана на камнѣ надпись, свидѣтельствующая о совершившихся славныхъ событіяхъ, и розданы награды всѣмъ отличившимся чинамъ, каждому по заслугамъ. Здѣсь же была устроена парадная охота съ облавами. Плѣнные гао-гюйцы окружили площадь въ 700 слишкомъ ли и захватили всѣхъ звѣрей, оказавшихся въ срединѣ.

Въ этой же лунѣ подъ знаками 庚戌 *чжэнъ-лу-цзянъ-цзюнь Юй-іо* 庾岳 разбилъ *Чжанъ-чжао* 張超 при *Бо-хай* 勃海. *Чжанъ-чжао* убѣжалъ въ степи и былъ убитъ тамъ своими сообщниками. Послѣ этого императоръ двинулся съ своими войсками и плѣнными къ своей столицѣ 平城 *Пинъ-чэнъ*, а всѣхъ плѣнныхъ гао-гюйцевъ привели въ *Лу-юань* [1]).

Рядъ такихъ блестящихъ побѣдъ надъ кочевниками не могъ пройти безслѣдно. Степняки почувствовали силу новой династіи и немедленно поспѣшили воспользоваться всѣми выгодами союза съ нею. Начинается рядъ посольствъ ихъ ко двору съ подарками. Тобасцы принимаютъ ихъ, раздаютъ ихъ вельможамъ свои титулы и такимъ образомъ насаждаютъ, хотя номинально только, свое управленіе у гао-гюйцевъ. Въ 3-й годъ правленія *Тянь-синъ* въ 11 лунѣ (400) гао-гюйцы въ числѣ 900 слишкомъ душъ

---

1) 鹿苑 — мѣстность оленьяго императорскаго парка, отъ котораго на югъ находился *Тай-инь* 臺陰, на сѣверъ *Чанъ-чэнъ* 長城; съ востока его охватывала мѣстность *Бай-дзи* 白發, ему подвѣдомственная, на западъ шли горы. Это было обычное мѣсто парадныхъ императорскихъ охотъ и облавъ. Вэйская исторія описываетъ этотъ паркъ довольно подробно. Онъ шириною и въ окружности въ нѣсколько ли. Здѣсь вырыты каналы и шлюзы, текутъ рѣчки и ручьи. Вода бѣжитъ по тремъ каналамъ вокругъ дворца, проходя также и внутрь его. Во дворцѣ строится родникъ *Хунъ-лянъ-чи*. Въ третьей лунѣ императоръ лично пріѣзжалъ сюда изъ своей сѣверной резиденціи *Дай* 伐. (*Гу-цзинъ-ту-шу* Іь. л. 2).

переселились изъ степи на земли Собственнаго Китая и отправили посольство для представленія дани ко двору подъ предводительствомъ *чжи-ли-гэ-мо-фу Чи-ли-цзянь* 敕力建. Приняты они были ласково. Начальникъ ихъ получилъ титулъ *янъ-вэй-цзянъ-цзюня* въ вѣдомствѣ *Сы-ма-цань-цзюнь* 司馬參軍, а переселившимся кочевникамъ роздано въ награду 20.000 мѣръ хлѣба [1]). Первый опытъ удался, а за нимъ послѣдовали и другіе. На слѣдующій же годъ въ 1-й лунѣ (401 г.) гао-гюйцы подъ предводительствомъ *цзы-би-мо-фу Фань-доу-цзянь* 幡豆建 опять пришли для принятія подданства въ числѣ 30 аймаковъ, и такъ же точно начальнику ихъ данъ былъ титулъ *вэй-юань-цзянъ-цзюнь* вѣдомства *Сы-ма-цань-цзюнь*, а простыхъ подданныхъ наградили платьемъ и наполнили ихъ житницы хлѣбомъ на годъ [2]).

На ряду съ этимъ Вэйскій домъ не оставлялъ безъ вниманія и положенія дѣлъ на сѣверѣ степи, гдѣ жу-жаньскій *Шэ-лунь* подчинилъ себѣ гао-гюйскія поколѣнія и устанавливалъ для нихъ законы. Агентомъ Тобаскаго дома противъ жу-жаней явился нѣкій глава аймака по имени *Бэй-хоу-ли* 倍侯利. Скорбя о порабощенности своихъ земляковъ и соотечественниковъ, онъ задумалъ свергнуть иго Шэ-луня и началъ распространять съ этой цѣлью среди нихъ слѣдующія мысли: «Шэ-лунь свѣжими войсками очень бѣденъ, лошадей у него также мало. Въ виду этого можно воспользоваться обстоятельствами, отрѣзать его отъ коренныхъ его жу-жаньскихъ владѣній, и за симъ напасть и на него и на его земли». Планъ былъ смѣлый, но гао-гюйцы отнеслись къ нему съ пренебреженіемъ. Они жили, по словамъ историка, не думая о будущемъ, разойдясь съ женами по своимъ домамъ и спали непробуднымъ сномъ, не вставая. Шэ-лунь воспользовался безпечностью гао-гюйцевъ. Онъ собралъ своихъ разсѣявшихся 1000 человѣкъ и однажды утромъ совершенно неожиданно напалъ на гао-гюйцевъ и пропзвелъ среди нихъ

1) *Гу-цзинь* Ib. л. 2.
2) Ib. л. 2.

страшное избіеніе. Успѣли спастись бѣгствомъ лишь 12—13 человѣкъ и въ томъ числѣ Бэй-хоу-ли. Послѣдній воспользовался враждою Вэйскаго дома съ жу-жаньцами и обратился за помощью въ Срединныя земли. Тамъ онъ былъ принятъ очень дружелюбно, и императоръ далъ ему званіе *мэнъ-ду-гуна* 孟都公. Въ лицѣ этого гао-гюйца мы видимъ первый примѣръ того, насколько императорскій дворъ интересовался привлеченіемъ на свою сторону кочевниковъ и поощрялъ ихъ труды на пользу Китая. Лѣтописецъ читаетъ цѣлый панегирикъ по его адресу. *Бэй-хоу-ли*, пишетъ онъ, былъ умный, храбрый и правдивый человѣкъ. Съ оружіемъ въ рукахъ онъ врывался въ ряды непріятелей и производилъ въ нихъ страшныя опустошенія; своими достоинствами онъ рѣзко выдѣлялся изъ всѣхъ людей сѣверныхъ странъ. О немъ мальчики съ плачемъ говорили: «Ну, пришелъ самъ *Бэй-хоу-ли*» (значитъ, будетъ расправа), а женщины, складывая импровизаціи и пѣсни, распѣвали: «Хотимъ себѣ хорошаго мужа, какъ *Бэй-хоу-ли*». Всѣ поступали согласно его волѣ, а онъ самъ прекрасно зналъ 50 родовъ гаданій на растеніяхъ и на стебляхъ вонючей пуповки, умѣлъ различать добро и зло и посему построилъ себѣ прочное счастье. Онъ былъ щедро награжденъ богатствами, а его младшему брату *Хэ-танъ* 昌堂 повелѣно было служить при дворѣ. По смерти *Бэй-хоу-ли* императоръ скорбѣлъ о немъ, устроилъ ему погребеніе на государственный счетъ, и въ похвальномъ посмертномъ титулѣ онъ былъ названъ *Чжунъ-чжуанъ-ванъ* 忠壯王, т. е. вѣрный и сильный князь[1]).

Подобная характеристика одного изъ гао-гюйскихъ старшинъ показываетъ намъ, что во времена Вэйской династіи гао-гюйцы были хорошо извѣстны при дворѣ, принимались на службу, и ихъ умѣли цѣнить тамъ, какъ людей нужныхъ въ борьбѣ съ другими враждебными тобасцамъ кочевниками. Но отсюда было бы ошибкою заключать объ общихъ мирныхъ отношеніяхъ Вэйцевъ съ гао-гюйскими племенами. Въ слѣдую-

1) Іb. л. 8.

щихъ же строкахъ за панегирикомъ *Бэй-лоу-ли* лѣтописи передаютъ намъ, что въ 6-й годъ правленія *Тянь-синь* (403) зимою въ 10-й лунѣ было предписано *цзянь-цзюню Ii-вэй* 伊謂 съ 20000 коннымъ войскомъ отправиться на сѣверъ и напасть на гао-гюйцевъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ дѣйствительно напалъ на племена *Юань-хэ* 袁紇 и *У-нинь* 烏頻 и нанесъ имъ сильное пораженіе[1]).

Вообще царствованіе Тобаскаго *Тай-цзу* характеризуется упроченіемъ власти его династіи въ сѣверныхъ странахъ. Всѣ инородческіе аймаки были подчинены и получили управителей отъ Вэйскаго дома. Только гао-гюйцы, несмотря на всѣ усилія императора, не подчинялись ему и за это получили отъ историка названіе народа «грубаго и взбалмошнаго». Они не желали присылать постоянныхъ посольствъ съ данью и продолжали жить самостоятельно[2]).

Правленіе *Тай-цзуна Минъ-юань-ди* 明元帝 (409—424) полно внутреннихъ неурядицъ и волненій. Правительству не было времени обращать вниманія на сѣверныя границы, а потому и извѣстій объ инородцахъ за это время сохранилось мало, имѣющіяся же — всѣ говорятъ о жу-жаняхъ, не упоминая о гао-гюйцахъ. Въ послѣдній годъ своего царствованія императоръ укрѣпилъ сѣверную границу своихъ владѣній валомъ въ 2000 ли длиною, который тянулся отъ города *Чи-чэна* 赤城 до *У-юаня* 吾原 на *Инь-шань*[3]). Съ восшествіемъ на престолъ преемника *Минъ-юань-ди*, *Тай-у-ди* 太武帝, иначе называемаго *Ши-цзу*, военныя дѣйствія вэйцевъ противъ сѣверныхъ кочевниковъ возобновились. Послѣ нѣсколькихъ походовъ *Тай-у-ди* на жу-жаней, во время которыхъ гао-гюйцы, пользуясь удобствами своего положенія, помогали вэйцамъ и убивали людей жу-жаньскаго предводителя *Да-таня* 大檀[4]), при чемъ до 300.000 изъ нихъ поко-

---

1) Ib.
2) Ib.
3) Fries. Abriss der Geschichte China's, стр. 147.
4) Iax., стр. 214.

рилось, мы видимъ ничѣмъ не объяснимый походъ *Тай-у-ди* на гао-гюйцевъ. Вся вообще война съ сѣверными кочевниками была вызвана въ данномъ случаѣ стратегическими соображеніями. Императору донесли, что сосѣдній съ нимъ домъ *Сунъ* обнародовалъ о своемъ намѣреніи напасть на *Хэ-нань*. *Тай-у-ди* видѣлъ, что если прежде похода на югъ не уничтожить жу-жаней, то надобно будетъ принять непріятеля съ лица и съ тыла, и въ виду этого предпринялъ походъ на Да-таня. Гао-гюйцы косвенно помогали ему, нападая въ свою очередь на Да-таня, но тѣмъ не менѣе, возвратившись на югъ степи изъ похода на жу-жаней, императоръ открываетъ новый походъ на гао-гюйцевъ. Въ 430 году [1]), услышавъ, что гао-гюйскіе восточные аймаки, находившіеся въ *И-ни-по* 已尼陂 собрались и ушли за 1000 слишкомъ ли отъ правительственныхъ войскъ, *Тай-у ди* предписалъ *цзо-пу-шэ* 左僕射 *Ань-юаню* 安原 наказать ихъ. Президентъ палаты финансовъ *(сы-шу) Чанъ-сунь-хань* 長孫翰 и *шанъ-шу Линъ-лю-цзы* 令劉潔 отговаривали его отъ этого, но императоръ не послушался и отправилъ *Ань-юаня* съ другими вновь подчинить возмутившихся гао-гюйцевъ, давъ имъ всего 10.000 конницы. Едва императорская армія дошла до *И-ни-по*, какъ гао-гюйцы, увидѣвъ ея силу, тотчасъ же въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ изъявили покорность. У нихъ взято было больше 100.000 головъ лошадей, быковъ и барановъ, а затѣмъ покоренные переселились на югъ степи. Здѣсь они кочевали, разыскивая удобныя пастбища, и сильно размножались. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ они ознакомились мало-помалу съ китайскою культурой, узнали употребленіе риса и ежегодно начали представлять дань Вэйскому дому. Завязались скоро

---

1) *Вэй-шу Тай-у-ди бэнъ-цзи* относитъ этотъ походъ къ 424 году, но и въ *жу-жань бэнъ-цзи* и въ *гао-гюй бэнъ-цзи* онъ помѣченъ 430 годомъ, что и вѣрно. Если мы отнесемъ походъ на гао-гюйцевъ къ 424 г., т. е. къ первому году правленія *Тай-у-ди*, то не останется времени для первыхъ его походовъ на жу-жаней. Можетъ быть, ошибка *Тай-у-ди бэнъ-цзи* произошла отъ того, что и въ раннихъ походахъ на жу-жаней и въ данной экспедиціи на гао-гюйцевъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ одинъ и тотъ же *Чанъ-сунь-хань*?

и торговыя сношенія, и лѣтописи отмѣчаютъ фактъ дешеваго вывоза изъ гао-гюйскихъ земель лошадей, быковъ, барановъ, войлоковъ и кожъ[1]).

Мирныя отношенія съ сѣверными кочевниками позволили *Тай-у-ди* перенести театръ военныхъ дѣйствій на югъ, къ предѣламъ Сунскаго государства, въ войнѣ съ которымъ и проходитъ конецъ его царствованія. Миръ съ сѣверомъ, видимо, былъ очень проченъ, потому что кочевники не пользуются даже затрудненіями императора на югѣ и оставляютъ его владѣнія въ покоѣ. При преемникѣ *Тай-у-ди*, *Вэнь-чэнь-ди* 文成帝, дружелюбныя отношенія Тобаскаго дома къ гао-гюйцамъ еще болѣе упрочились. Записанъ въ исторіи фактъ самаго тѣснаго участія императора въ народной жизни гао-гюйцевъ, оплачиваемый со стороны послѣднихъ полными симпатіями къ Вэйскому дому. Въ годы правленія *Тай-ань* (455 — 460) пять гао-гюйскихъ аймаковъ собрались для жертвоприношенія небу въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ. Они прибыли на лошадяхъ и, убивъ жертвенныхъ животныхъ, устроили игры: кружились, гуляли, пѣли пѣсни и веселились сильно. Лѣтопись замѣчаетъ, что этотъ обычай у нихъ ведется отъ предковъ, и всѣ другія торжественныя собранія никогда не могутъ превзойти это по великолѣпію. Императоръ лично на своей колесницѣ прибылъ на собраніе, и не было никого здѣсь, не радовавшагося и не веселившагося[2]).

При преемникѣ *Вэнь-чэнь-ди*, *Сянь-вэнь-ди* 獻文帝 (466 — 471) и въ первые годы правленія *Сяо-вэнь-ди* 孝文帝 (471 — 500) отношенія Тобаскаго дома къ сѣверу играли весьма незначительную роль. Центръ тяжести китайской исторіи падаетъ въ это время на распри сѣверной династіи съ Сунскимъ и Цискимъ домами, завладѣвшими южной частью Китая. Въ степяхъ же мы видимъ въ это время свои междоусобія между жу-жанями и гао-гюйцами. Причиною ихъ отчасти служила

1) Пѣ., л. 3.
2) Пѣ.

вражда жу-жаней къ Вэйскому дому, которую не раздѣляли, повидимому, гао-гюйцы, поддерживавшіе мирныя сношенія съ Китаемъ. Можетъ быть, здѣсь дѣйствовало давнее желаніе гао-гюйцевъ освободиться отъ зависимости жу-жаней, ибо во главѣ недовольныхъ мы видимъ предводителя рода Фу-фу-ло, издавна подвластнаго жу-жанямъ. Во времена *Сяо-вэнь-ди* среди жужаней возникли междоусобицы, и управлявшій ими раньше родъ распался. Во главѣ ихъ стоялъ въ это время *Доу-лунь* 豆崙. Гао-гюйцами управлялъ въ это время *А-фу-чжи-ло* 阿伏至羅 со своимъ двоюроднымъ братомъ *Цюнь-ци* 窮奇, и число ихъ подданныхъ простиралось до 100.000 юртъ. Въ 11-й годъ правленія *Тай-хэ Доу-лунь* задумалъ напасть на границы Вэйскаго государства. *А-фу-чжи-ло* не согласился, но *Доу-лунь* одинъ предпринялъ походъ противъ Срединной имперіи. Тогда *А-фу-чжи-ло*, можетъ быть, для того, чтобы показать свою несолидарность съ *Доу-лунемъ* и тѣмъ снискать благоволеніе Вэйскаго дома, а, можетъ быть, пользуясь отсутствіемъ жу-жаньскихъ войскъ и руководимый единственно желаніемъ самостоятельности, поднялъ своихъ гао-гюйцевъ и перекочевалъ съ ними на западъ степи, отложившись отъ *Доу-луня*. По прибытіи на сѣверо-западъ отъ прежняго аймака[1]), онъ объявилъ себя независимымъ. Вельможи дали ему названіе *Хоу-лоу-фу-лэ* 侯婁鬮勒, что на языкѣ дома Вэй значитъ «Сынъ великаго неба»; *Цюнь-ци* же получилъ имя *Хоу-бэй* 侯倍, что на языкѣ дома Вэй значитъ «наслѣдный государь». Два правителя эти жили между собою въ большомъ согласіи; они раздѣлили между собою аймакъ, и *А-фу-чжи-ло* жилъ на сѣверѣ, а *Цюнь-ци* на югѣ[2]). Понятное дѣло, что жу-жани не могли помириться добровольно

---

1) Фразу 前部 мы переводимъ «прежній аймакъ», а не «передній аймакъ», какъ у Іакинѳа, стр. 252. Мы думаемъ, что здѣсь означается мѣстоположеніе новаго кочевья, сравнительно съ прежнимъ. Редакцію «передній аймакъ» нельзя принять, потому что раньше ни передняго ни задняго аймаковъ мы не встрѣчали.

2) *Гу-цзинь*.... Іb., *л.* 3.

съ подобнымъ самоуправствомъ своихъ подданныхъ, и *Доу-лунь* вмѣстѣ съ своимъ дядемъ *На-гай* 那蓋 отправились въ погоню за бѣглецами двумя дорогами. *Доу-лунь* пошелъ по сѣверную сторону горъ *Цзюнь-цзи-шань* 浚稽山 на западъ, а *На-гай* удалился отъ горъ *Цзинь-шань* 金山. *А-фу-чжи-ло* разбилъ *Доу-луня*, и послѣдній ушелъ на востокъ, гдѣ былъ скоро убитъ. Такимъ образомъ *А-фу-чжи-ло* удержалъ свою самостоятельность. *На-гай* же, хотя и одерживалъ верхъ въ битвахъ надъ гао-гюйцами, но скоро занялся вопросомъ о верховномъ главенствѣ надъ жу-жанями и оставилъ гао-гюйцевъ въ покоѣ[1]).

Что это за переселеніе инородческихъ ордъ, и какое его вліяніе на дальнѣйшую исторію ихъ? Объ орды, безъ сомнѣнія, двинулись изъ юго-восточной части степи, но, вѣроятно, въ разныя мѣста. *А-фу-чжи-ло*, по нашему мнѣнію, ушелъ къ Байкальскому бассейну, въ плодородныя равнины Толы, Орхона и Селенги, а *Цюнь-ци* на западъ нагорья, къ Восточному Туркестану, при чемъ гдѣ-то около Алтая (*Цзинь-шань*) ему пришлось выдержать рядъ битвъ съ *На-гаемъ*. Начиная съ этого переселенія исторія гао-гюйскихъ племенъ связывается съ географіею западной части степи такъ же, какъ и восточной, какъ это было раньше. Съ первыхъ же страницъ теперь замелькаютъ передъ нами имена городовъ, поселковъ, горъ и рѣкъ *Тянь-шань-нань-лу* и *Тянь-шань-бэй-лу*, и намъ остается только различать исторію пришельцевъ отъ исторіи мѣстныхъ жителей. Въ этомъ переселеніи намъ видится главный узелъ, связывающій исторію гао-гюйскихъ племенъ съ Восточнымъ Туркестаномъ. Широкаго развитія связь эта достигаетъ однако гораздо позднѣе; теперь же китайскія лѣтописи въ своихъ отрывочныхъ данныхъ, не упуская изъ вида и аймака *А-фу-чжи-ло* и племенъ западныхъ, не даютъ цѣлостнаго понятія ни о томъ ни о другомъ. Но, повторяемъ, съ этого момента начинается именно та охватывающая все среднеазіатское нагорье исторія гао-гюйцевъ, которая

1) Іь. цз. 128 *Жу-жань-бу-као* л. 10. Іакинѳъ 221.

приводитъ ихъ въ столкновеніе съ самыми различными племенами востока, запада, юга и сѣвера степи и характеризуетъ существованіе этого народа, какъ состоящее изъ самыхъ разнообразныхъ сплетеній и столкновеній. Она возбуждаетъ массу этнографическихъ вопросовъ о родствѣ племенъ, но всѣ они остаются пока безъ отвѣта.

Какъ самостоятельный правитель, *А-фу-чжи-ло* употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы привлечь на свою сторону симпатіи Вэйскаго двора и имѣть въ китайскихъ государяхъ союзниковъ противъ жу-жаней. Въ 14-й годъ правленія *Тай-хэ* (490 г.) *А-фу-чжи-ло* отправилъ въ столицу *Шанъ-ху-юэ-чжэ* для представленія въ дань двухъ стрѣлъ и поручилъ ему донести слѣдующее: «Жу-жани — злонамѣренные вассалы Сына неба; я отсовѣтывалъ ихъ князю нападать на Срединную имперію, но онъ не послушалъ меня, потому я отложившись пришелъ сюда и самъ объявилъ себя владѣтелемъ. Я долженъ въ удовольствіе Сыну неба оружіемъ уничтожить жу-жаней». Подобное донесеніе звучитъ совершенно инымъ тономъ, нежели прежнія. Видимо, побѣда надъ *Доу-лунемъ* дала силы гао-гюйцамъ, и они уже помышляютъ не объ оборонѣ только отъ жу-жаней, не о защитѣ отъ нихъ просятъ Вэйскій дворъ, какъ бывало прежде, а сами подумываютъ объ отмщеніи прежнихъ обидъ, сами желаютъ напасть на своихъ прежнихъ повелителей. Но тобасцы вовсе не были расположены потворствовать гао-гюйцамъ. Имъ одинаково вредно было возстановлять противъ себя гао-гюйцевъ или жу-жаней, а потому они и не даютъ санкціи задуманному походу. *Сянь-вэнь-ди* не повѣрилъ словамъ *А-фу-чжи-ло* и отправилъ посланника *Юй-ти* 于提 въ орду посмотрѣть положеніе дѣлъ. Неизвѣстно, какіе были результаты миссіи *Юй-ти*, но при возвращеніи его *А-фу-чжи-ло* и *Цюнъ-ци* отправили съ нимъ ко двору своего посланника Бо-гая съ данью, состоявшею изъ мѣстныхъ произведеній. Въ отвѣтъ на это посольство Вэйцы командировали новое. Указано было отправить съ *Юй-ти* къ гао-гюйцамъ *юанъ-вай-санъ-ци-ши-ланъ Кэ-цзу-хунъ*, *Чанъ-шэнъ-фу* и снабдить каждаго

однимъ вышитымъ одѣяломъ на подкладкѣ и сотнею кусковъ разныхъ шелковыхъ матерій [1]).

Такимъ образомъ вопросъ о походѣ на жу-жаней былъ отклоненъ. Завязались вмѣсто него мирныя сношенія, и открылся рядъ посольствъ, не имѣвшихъ, конечно, никакихъ результатовъ.

Во всякомъ случаѣ этотъ обмѣнъ посольствъ характеризуетъ собою періодъ добрыхъ отношеній между Вэйскимъ дворомъ и гао-гюйцами, и потому страннымъ диссонансомъ звучитъ встрѣчающійся въ лѣтописяхъ разсказъ о столкновеніи тобасцевъ съ гао-гюйцами, происходившемъ въ то же самое время. Разсказъ этотъ и страненъ и интересенъ. Страненъ потому, что онъ противорѣчитъ общему ходу дѣлъ даннаго времени, а интересенъ тѣмъ, что въ немъ являются совершенно новыя лица.

Къ сожалѣнію, нужно констатировать одинъ фактъ. При подробномъ разсказѣ, въ разныхъ мѣстахъ исторіи разбросанномъ, мы нигдѣ не находимъ точнаго опредѣленія мѣста дѣйствія, а потому и не можемъ опредѣлить, о какихъ именно гао-гюйцахъ идетъ здѣсь рѣчь. Ясно одно, что это не о гао-гюйцахъ изъ отряда *А-фу-чжи-ло*.

Въ годы правленія *Тай-хэ* (477 — 500) императоръ *Сяовэнь-ди* предпринялъ походъ на югъ. Вѣроятно, это была экспедиція противъ усилившагося дома *Ци*, на которую онъ пригласилъ съ собою и гао-гюйцевъ. Послѣдніе не хотѣли идти съ китайцами на югъ и отказались отъ изъявленія подданническихъ чувствъ. Во главѣ ихъ сталъ нѣкто *Хэ-шу-чжэ* 紇樹者, онъ объявилъ себя государемъ и вмѣстѣ съ подчинившимися ему гао-гюйцами поднялъ на сѣверѣ возстаніе и откочевалъ.

Цзинь-линскій [2]) *ду-ду* 金陵都督 *Юй-вэнь-фу* 宇文

---

1) Ib., Iак., стр. 252.

2) Въ сочиненіи *Цзэнъ-ю-сѣ-ту-ши-цюнъ-линь* 增幼學故事瓊林 цз. 1., л. 7. мы сдѣлали слѣдующую справку о мѣстности *Цзинь-линь* 金陵. Это древнее названіе Нанкина 南京. Въ древности *Цзинь-линь*

福 преслѣдовалъ его съ цѣлью наказать за непокорность, нагналъ, нанесъ большое пораженіе и возвратился назадъ[1]).

Тогда высочайшимъ указомъ *нинъ-бэй-цзянъ-цзюнь Цзянъ-янъ-ванъ-цзи* 江陽王繼 былъ назначенъ *ду-ду* и командированъ на сѣверъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ въ странѣ. Новый главноначальствующій повелъ совершенно иначе дѣла съ кочевниками. Оставивъ въ сторонѣ армію, онъ устроилъ надзоръ за поведеніемъ гао-гюйцевъ. Нѣсколько времени спустя, ознакомившись съ ихъ образомъ жизни, онъ сдѣлалъ донесеніе объ нихъ ко двору слѣдующаго характера: «Гао-гюйцы», писалъ онъ, «глупые поселенцы въ данныхъ мѣстахъ, не знающіе ни силы ни величія законовъ; они легкомысленно относятся къ условіямъ общественной жизни, не исполняютъ казенныхъ повинностей и бродятъ, то убѣгая, то возвращаясь назадъ и обдумывая свои злыя и жестокія предпріятія». Вмѣстѣ съ такою характеристикой гао-гюйцевъ *Цзянъ-янъ-ванъ-цзи* изложилъ свои взгляды и на политику, которой нужно придерживаться съ кочевниками. «Если ихъ преслѣдовать и избивать, употребляя мѣры строгости, то нужно опасаться, что вслѣдъ затѣмъ немедленно произойдетъ новое возмущеніе. Нужно командировать для умиротворенія ихъ такого посла, который, не отталкивая ихъ симпатій, умиротворилъ бы ихъ; пусть онъ казнитъ одного человѣка, если окажется надобность, а остальнымъ внушаетъ въ то же время, чтобы они оставались спокойными. Если окажутся среди преж-

---

имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи 14 департаментовъ 府, 17 округовъ 州 и 96 уѣздовъ 縣. Первый изъ департаментовъ носилъ названіе *Цзянъ-нинъ-фу* 江寧府, иначе *Цзянь-канъ* 建康. По показанію главы *юй-гунъ* 禹貢 въ *Шу-цзинѣ*, онъ составлялъ территорію *Янъ-чжоу* 揚州. Во времена удѣла *Чу* 楚 при *Вэй-ванѣ* 威王 эта мѣстность составляла лучшія земли князя. Здѣсь добывали золото, а потому она и получила названіе *Цзинь-линъ*, т. е. страна золотыхъ холмовъ. Позднѣе во времена удѣла *У* 吳 сюда перенесли столицу и назвали ее *Цзянь-е* 建業. — Указанный источникъ представляетъ собою одну изъ самыхъ популярныхъ китайскихъ географій, которую изучаютъ въ школахъ дѣти средняго возраста.

1) *Гу-цзинь*... Ib., л. 4.

ихъ мятежниковъ раскаявшіеся и желающіе подчиниться нашимъ повинностямъ, то таковыхъ нужно немедленно отправлять къ войскамъ съ приказомъ слѣдовать неразлучно за нашей арміей, а возмутившихся при первой возможности переселять на новыя мѣста и тамъ постепенно приводить ихъ къ покорности». Возможность подобной политики divide et impera, засвидѣтельствованная лицомъ, близко знакомымъ съ условіями жизни гао-гюйцевъ, должна была быть встрѣчена за Стѣною съ радостью. Китайское правительство никогда не бросалось въ рискованныя экспедиціи въ степяхъ и предпринимало ихъ только въ случаѣ крайней нужды. Мѣры, проектированныя *Цзянъ-янъ-ванъ-цзи*, обѣщали прежде всего экономію въ расходахъ, а затѣмъ — миръ. Этихъ двухъ основаній было достаточно для полнаго ихъ принятія въ высшихъ сферахъ. И, дѣйствительно, императоръ одобрилъ планы *ду-ду*, а обсуждавшіе ихъ чиновники (*чу-вэй-ши-чэнь*) представили такую оцѣнку дѣятельности ихъ автора: «*Цзянъ-янъ-ванъ-цзи*», сказали они, «идетъ вѣрною стопою; онъ дѣйствительно правдивый и умный человѣкъ».

Получивъ такую санкцію своихъ мѣропріятій, *Цзянъ-янъ-ванъ-цзи* не замедлилъ приложить ихъ къ дѣлу. Онъ отправилъ человѣка къ *Хэ-шу-чжэ* благодарить послѣдняго за труды. *Хэ-шу-чжэ* вошелъ было уже въ жу-жаньскія земли, чтобы искать тамъ убѣжища, но, увидя подобные пріемы, раскаялся и вмѣстѣ со всѣми своими подданными принялъ подданство Китая. Въ это же время императоръ *Сяо-вэнь-ди* лично отправился въ *ѣ* 業 (владѣніе, лежавшее въ сѣверной Хэ-нани), и это событіе тоже почему-то повліяло на гао-гюйцевъ, и они поспѣшили засвидѣтельствовать вновь изъявленіе своей покорности. Тогда весь сѣверъ уже былъ очищенъ отъ повстанцевъ, и власть Вэйскаго дома утверждена повсюду. Мятежные же гао-гюйцы еще разъ подтвердили свою вѣрность Китаю и просили отпустить имъ прежнюю вину. Императоръ *Гао-цзу* съ радостью далъ имъ указъ, въ которомъ внялъ ихъ просьбамъ[1]).

1) Іь., л. 4.

Что это за гао-гюйцы, гдѣ они жили, когда именно произошли упомянутыя событія, и какая дальнѣйшая судьба этихъ поколѣній, подданныхъ *Хэ-шу-чжэ*, — все это остается неизвѣстнымъ.

Назначеніе нанкинскаго губернатора главнокомандующимъ арміи, дѣйствовавшей противъ нихъ, вмѣстѣ съ непонятнымъ вліяніемъ на перемѣну ихъ политики переселенія императора въ *Хэ-нань* даетъ возможность отводить орды *Хэ-шу-чжэ* довольно далеко на югъ за Великую стѣну, въ Собственный Китай. Но какъ они туда попали, непонятно. Очевидно, это былъ какой то особый отъ поколѣнія Фу-фу-лоскаго *А-фу-чжи-ло* отрядъ; иначе, какъ бы былъ у нихъ новый предводитель, какой-то *Хэ-шу-чжэ*, если *А-фу-чжи-ло* самъ еще жилъ и дѣйствовалъ въ это время? Не принадлежали ли онѣ къ поколѣнію, подвластному *Цюнъ-ци?* Для этого тоже нѣтъ данныхъ.

Дальше лѣтописи вновь переносятъ насъ къ извѣстнымъ уже гао-гюйскимъ родамъ.

Въ 1-й годъ правленія *Юнъ-пинъ* императора *Сюань-у-ди* 宣武帝 въ 7 лунѣ (507 г.) гао-гюйцы прислали посольство ко двору съ данью. Вслѣдъ за симъ начинаются раздоры и безпорядки среди самихъ гао-гюйцевъ. Выступаютъ новыя поколѣнія. Исторія гао-гюйцевъ все тѣснѣе и тѣснѣе связывается съ исторіею западныхъ инородцевъ, населявшихъ земли притяньшаньскія. Довольно сильный западный народецъ *Ѣ-да* 嚈噠[1]) напалъ на южный кланъ пришельцевъ гао-гюйцевъ и, убивъ ихъ предводителя *Цюнъ-ци*, захватилъ въ плѣнъ его сыновей и внуковъ, какъ-то *Ми-во-ту* 彌俄突 и другихъ. Народъ, подвластный

1) См. Іакинов, т. 2, ч. III, стр. 177. Въ первомъ томѣ, стр. 253, о. Іакинов переводитъ названіе этого народа *И-дань*, каковое ему усвоено было уже при династіяхъ *Суй* и *Танъ*, гораздо позднѣе. Такое преждевременное измѣненіе имени, разъ въ текстѣ стоятъ іероглифы *Ѣ-да*, безъ всякой оговорки со стороны о. Іакинова, неосторожно. Начинающаго изучать исторію среднеазіатскихъ народовъ оно ставитъ въ тупикъ и лишаетъ возможности разыскать отдѣлъ объ этомъ народѣ, называемомъ всюду въ китайскихъ источникахъ *Ѣ-да* 嚈噠. См. *Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чэнъ. Бянь-и-дянь.* Цз. 67.

прежде *Цюнъ-ци*, разсѣялся: иные поддались дому *Вэй*, другіе жу-жанямъ. Тогда императорскій дворъ предписалъ отправить полководца *Мэнъ-вэй* 孟威 принять покорившихся и поселить ихъ при крѣпости *Гао-пинъ-чжэнъ* 高平鎮[1]).

Въ удѣлѣ *А-фу-чжи-ло* также происходили неурядицы. Старшій сынъ его *Чжэнъ* 蒸 вмѣстѣ съ одною изъ второстепенныхъ женъ *А-фу-чжи-ло* задумалъ произвести возмущеніе противъ правителя-отца. *А-фу-чжи-ло* во время узналъ о заговорѣ и казнилъ сына со всѣми его сообщниками[2]).

Такимъ образомъ онъ удержался правителемъ, но скоро его смѣнилъ на тронѣ *Ба-ли-янь* 跋利延, хотя мы и не знаемъ, какимъ образомъ: умеръ ли *А-фу-чжи-ло* или былъ онъ свергнутъ? Новый правитель не долго оставался на своемъ мѣстѣ. Годъ спустя тотъ же народецъ *ѣ-да* рѣшилъ воспользоваться имѣвшимися въ его рукахъ претендентами на гао-гюйскій престолъ и объявилъ войну гао-гюйцамъ, желая поставить надъ ними *Ми-во-ту*. *Ба-ли-янь* былъ убитъ, и *Ми-во-ту* занялъ его мѣсто. Сдѣлавшись государемъ, *Ми-во-ту* отправилъ посланника ко двору съ данью; потомъ еще отправилъ въ даръ плитку золота, плитку серебра, два посоха золотыхъ, семь лошадей и десять верблюдовъ. Въ отвѣтъ на это посольство Вэйскій дворъ командировалъ *Му-юнъ-таня* 慕容坦 отвезти къ Ми-во-ту 60 кусковъ разныхъ шелковыхъ тканей. *Сюань-ву-ди* въ указѣ сказалъ: «Занявъ страну за отдаленными песками, ты вполнѣ обнаружилъ преданность. Видя твое усердіе къ престолу, симъ объявляю тебѣ царское мое благоволеніе. *Жу-жань*, *ѣ-да* и *ту-гу-хунъ* 吐谷渾[3]) имѣли сообщеніе между собою только по дорогѣ черезъ *гао-чанъ* 高昌, единственную точку ихъ соединенія. Нынѣ *гао-чанъ* покорился, и отправленъ посланникъ для принятія его въ

---

1) Городъ въ ныи. *Гань-су*, въ департаментѣ *Пинъ-лянъ-фу*. См. Iак., т. II, прил. стр. 19.

2) *Гу-цзинь-ту-шу*. Ib., л. 4.

3) *Ту-гу-хунъ* описываются въ китайской исторіи какъ принадлежащіе къ тибетскому племени 西羌種. China Review. 1886 — 87. T. XV, p. 187.

наше вѣдѣніе. Проходъ жу-жанямъ пресѣченъ, и непріязненныя дѣйствія не могутъ быть производимы. Разсѣянныя небольшія толпы иногда дѣлаютъ нападенія и задерживаютъ царскихъ гонцовъ. Это преступленіе внѣ прощенія[1]).

Интересно сопоставленіе этого документа съ одновременно посланными граматами къ жу-жанямъ. Вэйскій дворъ, чувствуя свою силу и слабость жу-жаней, говоритъ съ ними совсѣмъ инымъ тономъ. Онъ требуетъ безусловно подчиненныхъ, вассальныхъ отношеній и держится очень гордо предъ всѣми заискиваніями и посольствами жу-жаней. Кончается же дѣло тѣмъ, что онъ отправляетъ ихъ государя *Фу-ту* 伏圖 на западъ повоевать гао-гюйцевъ[2]). Такимъ образомъ выясняется все вѣроломство политики Вэйскаго двора. Они натравливали на жу-жаней гао-гюйцевъ, высказывая якобы послѣднимъ полное свое благоволеніе, и въ то же время продавали жу-жанямъ свое покровительство цѣною похода на гао-гюйцевъ. Впрочемъ, какъ выясняется въ ихъ дальнѣйшей исторіи, у нихъ вовсе не было опредѣленнаго плана дѣйствій. Пользуясь враждою кочевниковъ, китайцы принимали помощь и подданство и жу-жаней и гао-гюйцевъ безъ различія, руководясь единственно желаніемъ разбить и обезсилить ихъ обоихъ. Въ данномъ столкновеніи счастье склонилось сначала на сторону жу-жаней. Ма-во-ту далъ битву пришедшему *Фу-ту* на сѣверной сторонѣ озера *Пу-лэй-хай* 蒲類海 и разбитый бѣжалъ болѣе 300 ли на западъ. Но дальше обстоятельства осложняются, и въ продолжающихся междоусобіяхъ начинаетъ принимать участіе большая часть населенія нынѣшней *Тянь-шань-бэй-лу*. Масса самостоятельныхъ маленькихъ владѣній имѣла тогда свои особые счеты съ Вэйскимъ домомъ и между собою и не сочла возможнымъ остаться безучастною къ происходившему на ихъ глазахъ состязанію двухъ сильнѣйшихъ кочевыхъ государствъ. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ свѣдѣній выяснить всю картину жизни страны въ данный періодъ мы не можемъ. *Фу-ту* вначалѣ,

1) *Гу-цзинь*..... 1b. *л.* 4; Іак. стр. 253.
2) Іакинов, стр. 222.

видимо, былъ сторонникомъ Вэйскаго дома и послѣ побѣды, одержанной надъ *Ми-во-ту*, онъ расположился въ *И-у* 伊吾 на сѣверныхъ высотахъ, т. е. гдѣ-то въ сѣверной части Хамійскаго оазиса. Въ это самое время гао-чанскій 高昌 правитель *Цюй-цзя* 麴嘉 докладомъ просилъ Вэйскій дворъ переселить его въ предѣлы Китая. Императоръ *Сюань-у-ди* отправилъ уже знакомаго намъ полководца *Мэнъ-вэй* принять его и привести въ *И-у*, гдѣ было отведено имъ мѣсто для поселенія. Жу-жани, увидя войска полководца *Мэнъ-вэй*, пришли въ страхъ и отступили. Этотъ поступокъ представляется страннымъ: войска *Фу-ту* бѣгутъ отъ своихъ же союзниковъ-китайцевъ. Вѣроятно, здѣсь имѣло большое значеніе вмѣшательство Гао-чана, но роль правителя этого маленькаго государства доселѣ остается невыясненною. Какъ бы то ни было, но *Ми-во-ту*, получивъ извѣстіе, что жу-жани въ ужасѣ бѣгутъ, догналъ ихъ и совершенно разбилъ. *Фу-ту* былъ схваченъ и убитъ на сѣверной сторонѣ озера *Пулэй-хай*; волосы у него были отрѣзаны и выданы *Мэнъ-вэй*. Засимъ *Ми-во-ту* отправилъ ко двору съ посланникомъ пять превосходныхъ лошадей, золото, серебро, соболей и разныя мѣстныя произведенія. Это было въ третій годъ правленія *Юнъ-пинъ*, зимою въ 10-й лунѣ (510 г.). Въ отвѣтъ на посольство указано было отправить князя *Юй-лянъ* 于亮 и въ соотвѣтствіе пожаловать ему полный наборъ музыкальныхъ орудій, 80 музыкантовъ, 10 кусковъ шунцовыхъ и 60 кусковъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ тканей. *Ми-во-ту* отправилъ ко двору посланника съ данью изъ мѣстныхъ произведеній[1]).

Такимъ образомъ получилась самая неожиданная развязка изъ всей предпринятой Вэйскимъ домомъ политики. Разобраться въ этихъ фактахъ не легко. Если Вэйцы командировали *Фу-ту* напасть на гао-гюйцевъ, то почему же при приближеніи китайскаго войска съ *Мэнъ-вэй* во главѣ жу-жани бросились бѣжать и дали такимъ образомъ полную возможность гао-гюйцамъ на-

1) Пѣ. л. 4; Іак., стр. 253 — 254.

нести себѣ пораженіе? Почему вслѣдъ за тѣмъ они такъ покровительствуютъ гао-гюйцамъ? Они, видимо, играли въ данномъ случаѣ двойную игру, и она удалась имъ совершенно. Какъ бы то ни было, послѣдствіемъ пораженія, нанесеннаго жу-жанямъ, было усиленіе гао-гюйцевъ. Имъ подчиняется упомянутый гаочанскій правитель *Цюй-цзя*, и они получаютъ возможность распоряжаться даже массами туземцевъ, переселяя, напримѣръ, жителей изъ западнаго *Чэ-ши* въ Харашаръ[1]).

При императорѣ *Сяо-минъ-ди* 孝明帝 (516—528), въ первый годъ правленія *Шэнь-гуй*, лѣтомъ въ 4-й лунѣ гао-гюйцы прислали посла ко двору для представленія дани[2]). Вѣроятно, они пытались прочнѣе заручиться расположеніемъ императорскаго двора, потому что враждебныя дѣйствія гао-гюйцевъ и жу-жаней не прекратились на вышесказанномъ. Преемникомъ убитаго *Фу-ту* явился у жу-жаней сынъ его *Чоу-ну* 醜奴, человѣкъ «рослый, крѣпкій и искусный въ войнѣ». Онъ не замедлилъ отомстить за смерть отца, и въ началѣ царствованія императора *Сяо-минъ-ди* напалъ на гао-гюйцевъ. *Ми-во-ту* далъ ему сраженіе, но проигралъ его и попался въ плѣнъ. *Чоу-ну* привязалъ его обѣими ногами къ спинѣ клячи и убилъ тряскою, покрылъ головной черепъ его лакомъ и употреблялъ вмѣсто сосуда для питья[3]).

Народъ Ми-во-туева аймака ушелъ тогда къ *ѣ-да* и поставилъ надъ собою правителемъ младшаго брата убитаго *И-фу* 伊匐. Въ 3-й годъ правленія *Чжэнъ-гуанъ* онъ нанесъ сильное пораженіе жу-жанямъ и отправилъ ко двору посланника съ поздравительнымъ листомъ. Въ отвѣтъ на это былъ командированъ оттуда нѣкто *Гу-цзѣ*, и *И-фу* дали слѣдующіе титулы: *чжэнъ-*

---

1) Іакинов, ч. III, стр. 152.

2) *Гу-цзинь-жу-шу*, л. 5.

3) Этотъ обычай — общій у кочевниковъ. То же сдѣлалъ съ русскимъ княземъ Святославомъ печенѣжскій князь. Въ китайскомъ языкѣ существуетъ спеціальный терминъ 彈骨 *дань-гу* — клятва древнихъ варваровъ (*дунъ-ху* 東胡), при которой они пили вино изъ человѣческаго черепа. Пал. I, 108.

си-цзянъ-цзюнь, *си-хай-цзюнь*, *кай-го-гунъ*, *гао-гюй-ванъ*. *И-фу* снова разбилъ жу-жаней, и жу-жаньскій государь *По-ло-мынь* 婆羅門 бѣжалъ въ *Лянъ-чжоу*. О *Чоу-ну* мы знаемъ, что онъ былъ разбитъ раньше какимъ-то *А-фу-чжи-ло* въ 520 г. и потомъ убитъ матерью[1]).

Въ правленіе *Чжэнъ-гуанъ* (522 г.) *И-фу* отправилъ ко двору посланника съ данью и при семъ случаѣ просилъ дать ему колясочку, покрытую киноварнымъ лакомъ, шлею съ двойнымъ покрываломъ и тюфякомъ, одинъ зонтъ и одинъ вѣеръ, темныхъ парасолей съ искривленнымъ древкомъ, пять вѣеровъ подъ краснымъ лакомъ, литавру и трубу или рогъ. Все это было указано дать. *И-фу* велъ войну съ жу-жанями и возвратился разбитый. Этимъ воспользовался младшій его братъ *Юэ-цзюй* 越居, который убилъ *И-фу* и самъ вступилъ на престолъ[2]). Въ правленіе *Тянь-пинъ* при императорѣ *Сяо-цзинъ-ди* (534—537) гао-гюйскій *Юэ-цзюй* опять былъ разбитъ жу-жанями, а сынъ *И-фу*, по имени *Би-ши* 比適, убилъ Юэ-цзюя и самъ вступилъ на престолъ. Въ 3-й годъ правленія *Синъ-хэ* (540 г.) *Би-ши* былъ разбитъ жу-жанями. *Цюй-бинь* 去賓, сынъ Юэ-цзюя, бѣжалъ отъ жу-жаней къ восточному дому *Вэй*. *Ци-сянь-у* 齊獻武, желая привлечь отдаленныхъ иностранцевъ, представилъ государю, чтобы облечь Цюй-бина въ достоинство гао-гюйскаго государя и дать ему титулы. Въ томъ же году *А-чжи-ло* 阿至羅, правитель государства *Фу-фу-ло*, и сынъ Юэ-цзюя *Цюй-бинь* пришли для выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ и были сдѣланы гао-гюйскими ванами. Но *Цюй-бинь* вскорѣ заболѣлъ и умеръ[3]).

На этомъ оканчиваются показанія китайской исторіи о гао-гюй. Отрывочность данныхъ оказалась и въ концѣ, которымъ

---

1) Іакинов, ч. III, 154. Интересно это имя *А-фу-чжи-ло*. Но фу-фу-лоскій ли это основатель сѣвернаго гао-гюйскаго улуса? Мы ничего не знаемъ ни о его смерти, ни о его сверженіи, хотя преемниковъ его уже видѣли.

2) *Гу-цзинъ-ту-шу*, л. 5. Іак. 255.

3) Ib., л. 5.

является не какое-либо измѣненіе въ судьбахъ народа, не переворотъ въ его жизни, а просто смерть какого-то незначительнаго князька, подобныхъ которому существовали сотни, живя и умирая безслѣдно.

Окидывая общимъ взглядомъ всѣ данныя о гао-гюйцахъ, относящіяся ко временамъ сѣверной Вэйской династіи, мы должны указать на ихъ крайнюю неопредѣленность. Едва самъ успѣвшій упрочиться на престолѣ, Тобаскій домъ не могъ удѣлять много вниманія изученію своихъ сѣверныхъ сосѣдей. Этому много способствовало географическое положеніе кочевьевъ гао-гюйскихъ племенъ. До передвиженія на западъ при *А-фу-чжи-ло* они жили въ восточной части *Гоби*, перекочевывая то къ Селенгѣ и Орхону, то на югъ къ провинціи *Гань-су*. Все это пространство — чистая степь, которая не давала возможности китайцамъ ближе ознакомиться съ гао-гюйцами; послѣдніе убѣгали при приближеніи китайцевъ и не вступали съ ними въ иныя сношенія, кромѣ присылки посольствъ. Со времени перехода въ западную часть степи, къ Восточному Туркестану, гао-гюйцы вступаютъ постепенно въ тѣсныя сношенія съ мѣстными жителями и мало-по-малу сливаются съ ними.

Были ли пришедшіе гао-гюйцы одноплеменны или родственны туземцамъ? Да. Про нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ племенъ сама же Вэйская исторія говоритъ, что они общаго происхожденія, напримѣръ, про *ѣ-да*. Но еще больше за то же говоритъ та пріязнь, съ которою встрѣтили мѣстные жители гао-гюйцевъ. *И-у*, *гао-чанъ*, *ѣ-да* и другія племена и мѣстности входятъ съ ними въ сношенія, подчиняются имъ крайне легко, вступаютъ съ ними въ союзъ для борьбы съ жу-жанями и совершенно не питаютъ къ нимъ враждебныхъ чувствъ, какъ къ чужеземнымъ завоевателямъ. Однако нельзя не отмѣтить одного возраженія противъ высказаннаго положенія. Китайская лѣтопись говоритъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, *ѣ-да* были отраслью гао-гюйскаго племени 亦曰高車之別種, и въ то же время сообщаетъ, что языкъ

ихъ совершенно отличенъ отъ языковъ и жу-жаней и гао-гюйцевъ и всѣхъ сѣверныхъ варваровъ[1]).

Какъ это можетъ быть? Какого же племени могутъ быть эти *т-да*, если они не говорятъ на языкѣ средне-азіатцевъ? Если бы мы даже стали на точку зрѣнія отца Іакиноа и согласились признать всѣхъ гао-гюйцевъ монгольскими племенами, то и тогда не вышли бы изъ затрудненія. Оказалось бы, что *т-да* не принадлежатъ ни къ монгольскому ни къ тюркскому племени. Отношенія Вэйскаго дома къ гао-гюйцамъ въ данный періодъ состояли въ сущности въ связи и знакомствѣ съ личностями правителей кочевниковъ. До народа китайскому правительству не было дѣла, посему и свѣдѣній объ немъ исторія сохранила очень мало. Но нельзя не повторить отмѣченнаго уже факта, что въ это время впервые перечисляются гао-гюйскія племена и для нѣкоторыхъ изъ нихъ указывается мѣстожительство. Это должно служить исходнымъ пунктомъ въ изслѣдованіяхъ о племенахъ, разсѣянныхъ по огромному пространству нагорья, указывая связь древнѣйшей исторіи народцевъ съ послѣдующей.

Глава III.

Тѣ-лэ 鐵勒.

Въ періодъ Суйской династіи 隋 (589—618) мы находимъ свѣдѣнія о тѣхъ же гао-гюйцахъ подъ названіемъ *тѣ-лэ* 鐵勒. Уже въ періодъ Вэйскаго дома мы видѣли, что на сѣверѣ гао-гюйцевъ называли *чи-лэ* 敕勒, во времена же Суйской династіи это названіе измѣнилось въ *тѣ-лэ*[2]). *Тѣ-лэ* были

---

1) *Гу-цзинь-ту-шу. Бянь-и-дянь*, цз. 67. *Ё-да-бу-хуй-као*, л. 1. 其語與蠕蠕高車諸胡不同. О. Іакиноъ іероглифы 諸胡 «всѣ сѣверные варвары» произвольно переводитъ словомъ «тюрки». Основаній, какъ всегда, онъ не выясняетъ. (Свѣд. о народ., т. II, ч. III, стр. 178).

2) E. H. Parker читаетъ его Cherek или Terek и пишетъ: «Предками терековъ были гао-гюйцы, и отсюда вполнѣ ясно, что уйгуры первоначально были небольшими племенами Terek». См. A thousand years of the Tartars. Далѣе онъ считаетъ слово terek (*тѣ-лэ*) простымъ измѣненіемъ слова *динъ-линъ*.

потомками *сюнъ-ну*, и родовъ ихъ было очень много. *Суй-шу* 隋書 отводитъ огромную территорію для тѣ-лэскихъ племенъ, называя послѣднихъ по именамъ и указывая въ общихъ чертахъ районы ихъ кочевьевъ. Тѣ-лэскія племена живутъ непрерывною цѣпью къ востоку отъ западнаго моря, *Си-хай* 西海, т. е. Каспія, по горнымъ ущельямъ и уходятъ далеко въ восточную часть нагорья Средней Азіи. Извѣстны слѣдующія ихъ племена:

На сѣверъ отъ рѣки *Ду-ло-хэ* 獨洛河, т. е. отъ рѣки Толы, живутъ аймаки:

1) *Пу-гу* 僕骨
2) *Тунъ-ло* 同羅
3) *Вэй-хэ* 韋紇, или, по Doolittle, 韋訖
4) *Ба-ѣ-гу* 拔也古
5) *Фу-ло* 覆羅 (вѣроятно, *Фу-фу-ло* Вэйской исторіи).

Существовали также названія:

1) *Сы-цзинь* 俟斤
2) *Мэнъ-чэнь* 蒙陳
3) *Ту-жу-хэ* 吐如紇[1])
4) *Сы-цзи* 斯結
5) *Хунь* 渾
6) *Ху-сѣ* 斛薤 и другія.

Всѣ эти роды могутъ выставить отборнаго войска 20.000 человѣкъ.

На западъ отъ *И-у* (*Хами*) 伊吾, къ сѣверу отъ *Янь-ци* 焉耆 (Харашаръ), обокъ съ *Бай-шань* 白山 (звено Тянь-шаня въ 120 ли отъ Хами на сѣверъ, покрытое вѣчными снѣгами) живутъ:

---

1) Doolittle въ A vocabulary and handbook of the Chinese language, Vol. II, p. 205 дѣлаетъ попытку чтенія названій тѣ-лэскихъ племенъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ — ошибочно. Эти два племени онъ называетъ *Мэнъ-чэнь-ту* 蒙陳吐 и *Ту-хэ-хунь* 如紇渾, но въ послѣднемъ названіи несомнѣнная погрѣшность, такъ какъ *Хунь* 渾 былъ отдѣльнымъ племенемъ.

1) *Ци-би* 契弊
2) *Ло-чжи* 落職
3) *И-чжи* 乙陧
4) *Су-по* 蘇婆
5) *На-хэ* 那曷
6) *У-ху* 烏護
7) *Ъ-чжи-юй* 也陧於
8) *Ни-ху* 尼護 и другія.

Они выставляютъ отборнаго войска 20.000 человѣкъ.

На юго-западъ отъ Алтая 金山 живутъ:

1) *Сь-янь-то* 薛延陀
2) *Чжи-лэ* 陧勒
3) *Эръ-ши-пань* 兒十盤
4) *Да-ци* 達契 (по Doolittle, *Юань-ци*) и другія;

они могутъ доставить болѣе 10.000 отборнаго войска.

На сѣверъ отъ государства *Кань-го* (Согдіана) 康國, обокъ съ рѣкою *А-дэ-шуй* 阿得水 (по Doolittle, *А-тэль*, или Волга) живутъ:

1) *Хэ-чжи-хэ* 訶陧曷 (у Doolittle *Хэ-чжи* 訶陧)
2) *Цзь-бо* 截撥 (у Doolittle *Хэ-цзь* 曷截)
3) *Ху-би* 忽比 (у Doolittle *Бо-ху* 撥忽)
4) *Цянь-цзюй* 千具 (у Doolittle *Ду-юй-цзюй* 咄于具)
5) *Хай-хэ* 海曷
6) *Би-си* 比悉 (у Doolittle *Бэй-си* 北悉)
7) *Хэ-янь-су* 何養蘇 (у Doolittle *А-цзо-су* 阿嵯蘇)
8) *Ба-ль-вэй* 拔也未
9) *Кэ-да* 渴達 и другія; они имѣютъ около 30.000 отборнаго войска.

На востокъ и западъ отъ озера *И-хай* 嶷海 живутъ:

1) *Су-лу-цзь* 蘇路羯
2) *Сань-со-янь* 三索咽 (это племя Doolittle раздѣляетъ на два: *Сань-со* и *Янь*)

3) *Мь-цу* 蔑促

4) *Лунъ-ху* 隆忽 (у Doolittle 咄忽) и другія.

Всѣхъ родовъ тѣ-лэскихъ насчитывается болѣе 8000.

На востокъ отъ *Фу-линь* 拂菻 живутъ:

1) *Сы-цюй* 思屈

2) *А-лань* 阿蘭

3) *Бэй-чанъ* 北振

4) *Цзю-ли-фу* 九離伏

5) *Вэнь-хунь* 嗢昏

По числу они приближаются къ 20.000 человѣкъ.

На югъ отъ *Бэй-хай* 北海 (у Doolittle — Байкалъ) живутъ *Ду-бо* 都波 и другіе.

Всѣ перечисленные роды и аймаки жили самостоятельно, до извѣстной степени обособленною жизнью, но, по свидѣтельству хроники, самымъ главнымъ, сильнымъ или родовитымъ они признавали *тъ-лэ* (雖姓氏各別總謂爲鐵勒). Нельзя не отмѣтить тутъ особенности китайской лѣтописи. Въ послѣднихъ строкахъ оно усвояетъ названіе *тъ-лэ* отдѣльному аймаку или роду, названіе же тѣ-лэскихъ прилагаетъ ко множеству племенъ, разбросанныхъ на огромной территоріи отъ Каспія до Маньчжуріи; но въ то время какъ для этихъ мелкихъ племенъ указываются опредѣленныя части территоріи, ими заселяемыя, дается даже понятіе объ ихъ численности, о главномъ изъ нихъ — *тъ-лэ* не говорится ни слова. Гдѣ собственно было ядро ихъ поселеній, сколько было этихъ *тъ-лэ*, почему остальнымъ аймакамъ усвояется названіе тѣ-лэскихъ, — на всѣ эти вопросы хроника не даетъ отвѣта. Неужели же авторъ хроники считалъ излишнимъ разъяснять вопросъ о самихъ *тъ-лэ*, считая его общеизвѣстнымъ? Китайскій текстъ не позволяетъ намъ считать его именемъ собирательнымъ, но именемъ собственнымъ одного племени его признать также нельзя за неимѣніемъ данныхъ.

Всѣ тѣ-лэскія племена жили въ кочевомъ быту, мѣняя мѣста своихъ поселеній, смотря по достатку травы и воды. Они отлично умѣли ѣздить верхомъ и стрѣлять изъ лука. Какъ у всѣхъ ко-

чевниковъ, характеръ у нихъ былъ хищническій и мстительный, почему они не упускали никогда случаевъ поразбойничать и пограбить [1]). Это было, конечно, общее мнѣніе автора хроники и китайцевъ о среднеазіатскихъ кочевникахъ; въ дѣйствительности же племена, населявшія мѣста у Тянь-шаня, всегда въ значительной степени разнились строемъ отъ обитателей дальняго востока, и даже сама лѣтопись оттѣняетъ этотъ фактъ, хотя и въ слабой степени. «Близкіе къ западной сторонѣ люди очень любятъ заниматься посадкою деревьевъ и разведеніемъ разнаго рода растеній. У нихъ масса барановъ и рогатаго скота, но мало лошадей». Такія черты характеризуютъ до извѣстной степени наклонность населенія къ осѣдлости, что мы дѣйствительно и видимъ съ древнѣйшихъ временъ у жителей Восточнаго Туркестана и *Тянь-шань-бэй-лу* 天山北路.

Въ періодъ Суйской династіи въ Средней Азіи первое мѣсто по силѣ и могуществу занималъ Ту-цзюэскій или Ту-кюэскій 突厥 домъ Дулга. Главное ядро его жило у Алтайскихъ горъ, но энергичные и даровитые ханы походами распространили свою власть на окрестныхъ кочевниковъ и, подчинивъ себѣ почти всѣ племена нагорья восточной Азіи, постоянно дѣлали набѣги на земли Суйскаго дома. Ту-кюэ были больше знакомы китайскимъ хронографамъ, и этимъ объясняется, почему исторія упоминаетъ о тѣ-лэсцахъ большею частью въ связи съ ту-кюэсцами, почему между ними проводятся сравненія и параллели, почему китайскій писатель смотритъ на тѣ-лэсцевъ, такъ сказать, сквозь призму *ту-цзюэ*. «Нравы тѣ-лэсцевъ вообще одинаковы съ ту-кюэскими. Только женятся у нихъ уже взрослые мужчины и тотчасъ послѣ свадьбы живутъ въ домѣ родителей жены, ожидая, пока родится и вскормится грудью первый ребенокъ. Только тогда молодая чета возвращается въ свой домъ. Умершихъ они зарываютъ въ землю. Вотъ и вся разница» [2]).

---

1) *Суй-шу*, цз. 84, л. 19.

2) *Суй-шу*, Ibidem.

Трудно было Китаю въ періодъ послѣднихъ сѣверныхъ династій (*Бэй-ци* 北齊 550—577; *Бэй-чжоу* 北周 557—581 и *Суй* 隋 589—618) вести опредѣленныя и правильныя сношенія съ кочевниками, которыя дали бы богатый матеріалъ историкамъ. Императоры династій *Ци* и *Чжоу*, достигнувъ трона, нисколько не думали объ управленіи народомъ или упроченіи своей власти разумными мѣрами. Они враждовали, интриговали, избивали дѣйствительныхъ и мнимыхъ соперниковъ и узурпаторовъ, предавались безшабашной гульбѣ и разврату, истощали непомѣрными требованіями, налогами и притѣсненіями народъ и въ лицѣ Чжоускаго *Сюань-ди* 宣帝 (578—580) дошли въ въ этомъ отношеніи до апогея. Китайскіе историки съ ужасомъ отзываются объ этомъ государѣ, сумасшедшемъ, одержимомъ маніею величія. Онъ передалъ правленіе своему малолѣтнему сыну, а самъ объявилъ себя богомъ (*Шанъ-ди* 上帝) и утѣшался воздаваемыми ему куреніями и поклоненіями, утопая въ развратѣ. Смѣнившая названные два дома Суйская династія, хотя и объединила въ своихъ рукахъ весь Китай, но не дала ему успокоенія. Оба государя ея *Вэнь-ди* 文帝 (589—605) и *Янъ-ди* 煬帝 (605—618) отличались воинственными наклонностями, и ихъ походы на сосѣдей стоили невѣроятныхъ средствъ казнѣ. Особенно отличался въ этомъ отношеніи *Янъ-ди*. Его походы на Корею обратились въ какую-то манію, напоминающую собою средне-вѣковое воинственное движеніе германскихъ императоровъ на Италію въ Европѣ; они истощили правительственные финансы и сдѣлали ихъ урегулированіе почти невозможнымъ. Огромныхъ денегъ казнѣ стоили также придворныя женщины, которыми утѣшался императоръ. Его partie de plaisir по нарочно выстроенному каналу изъ *Хуанъ-хэ* въ *Янъ-цзы-цзянъ* въ сопровожденіи 4000 дѣвицъ и 80.000 свиты представляетъ собою едва ли не величайшую оргію въ свѣтѣ. Какъ ничтожны кажутся въ сравненіи съ нею 300 наложницъ Соломоновыхъ, оргіи Валтасара, пиры Александра Великаго послѣ похода въ Индію, разгулъ Антонія и Клеопатры въ Александріи, развратъ римскихъ импе-

раторовъ, 800 женъ нашего князя Владиміра, забавы Іоанна Грознаго съ опричниками, оргіи Іоанна Лейденскаго и потѣшныя игры и попойки Петра Великаго — словомъ, всѣ тѣ факты европейской исторіи, которые трактуются, какъ величайшіе примѣры необузданности и свободы страстей! Впрочемъ нужно отдать справедливость *Янъ-ди*. Его хватало на все. Придворный развратъ шелъ на ряду съ заботами о внѣшнемъ благоустройствѣ и безопасности имперіи, и если послѣднія не поглощали всего императора, то все же среди нихъ можно отмѣтить много разумныхъ мѣръ, достойныхъ всякаго одобренія. Однако китайскіе историки не любятъ Суйской династіи и сравниваютъ ее съ ненавистнымъ имъ правленіемъ Цинь-скимъ 秦 (254—206 до Р. Х.), хотя и съ нѣкоторой уступкой. Царствованіе *Вэнь-ди*, пишутъ они, конечно, нельзя сравнивать съ *Цинь-ши-хуанъ-ди*, «преступникомъ противъ 10.000 поколѣній»; оно лучше послѣдняго, но дальше мы видимъ полную аналогію въ обоихъ династіяхъ. Зло и пороки въ характерѣ *Янъ-ди* были гораздо сильнѣе, чѣмъ у преемника сожигателя ученыхъ — *Ху-хая* 胡亥 или *Эръ-ши-хуанъ-ди* 二十皇帝. Полная пассивность, подчиненность министрамъ и кратковременное царствованіе послѣднихъ императоровъ цинь-скаго Цзы-ина 子嬰 и суйскаго *Гунъ-ди* 恭帝 совершенно совпадаютъ. Наконецъ и паденіе обоихъ династій произошло одинаково. Тамъ *Чэнь-шэ-ванъ* 陳涉王, здѣсь *Ли-ми* 李密 подняли возмущеніе, и народъ, недовольный правленіемъ императоровъ, съ одинаковой охотою откликнулся на протестъ и свергъ своихъ недостойныхъ правителей, смѣнивъ ихъ новыми, идеально-высокими. Тамъ началась Ханьская, здѣсь — блестящая Танская династія.

Даже при недостаткѣ положительныхъ данныхъ легко понять отсюда, что подобный отзывъ современниковъ о династіи покупается цѣной массы народныхъ страданій подъ бременемъ налоговъ, деспотизма и произвола правящихъ классовъ. Неурядицы и раздоры наполняли Китай въ данный періодъ, и они заняли все вниманіе историковъ. До внѣшнихъ событій по-

слѣднимъ не было дѣла, и вотъ почему въ исторіи сѣверныхъ династій мы находимъ такъ мало свѣдѣній о кочевыхъ инородцахъ. Не нужно забывать при этомъ, что сами инородцы мало имѣли возможности напоминать о себѣ Китаю и безпокоить его своими набѣгами. Однимъ изъ золъ, разъѣдавшихъ Срединную имперію въ это время, былъ именно милитаризмъ, дававшій государству внѣшнюю силу и истощавшій его внутри. Кочевники боятся Китая въ этотъ періодъ и ведутъ себя крайне осторожно. Потому-то лѣтописи династій *Бэй-ци* 北齊 (550—577) и *Бэй-чжоу* 北周 (557—581) не упоминаютъ о гао-гюйскихъ или тѣлэскихъ племенахъ вовсе, да и собственно историческія свѣдѣнія, сообщаемыя Суйскою исторіею о *тѣ-лэ*, ничтожны. Тѣ-лэскія поколѣнія, хотя и жили отдѣльно, но не имѣли своего государя, а подвластны были восточному и западному домамъ Тукюэскимъ. Ханы послѣднихъ постоянно ходили на нихъ войною и употребляли всѣ мѣры къ тому, чтобы исправить и привести въ порядокъ сѣверныя пустоши, заселенныя тѣ-лэсцами[1]).

Наиболѣе ранніе свѣдѣнія объ отношеніяхъ къ *ту-цзюэ* восходятъ еще ко времени перваго усиленія Дулгаскаго дома. При императорѣ *Вэнь-ди* въ 12-й годъ правленія *Да-тунъ* 大同 (536) тѣ-лэсцы пошли войною на жу-жаней. Ту-цзюэскій ханъ *Ту-мынъ* 土門 напалъ на нихъ на перерѣзъ и, разбивъ ихъ, покорилъ весь аймакъ, простиравшійся до 50.000 кибитокъ[2]). — Какія были послѣдствія этого событія, мы не знаемъ. Только изъ времени, на 70 почти лѣтъ позднѣйшаго, лѣтопись передаетъ намъ нѣсколько фактовъ изъ жизни *тѣ-лэ*.

Въ послѣдній годъ правленія *Кай-хуанъ* 開皇, при императорѣ *Вэнь-ди*[3]) (600 г.) Цзиньскій ванъ *Гуанъ* 晉王廣 отправился въ походъ на сѣверъ съ цѣлью овладѣть народомъ. Онъ нанесъ большое пораженіе ту-цзюэскому *Бу-цзя* хану 步

1) *Суй-шу*, цз. 84, л. 19.

2) Іакинов, стр. 266.

3) *Гу-цзинь-шу-шу*, л. 6. *Тѣ-лэ-бэй-чжуань* называетъ этого вана *Хуй* 諱.

迦可汗, и *тъ-лэ* послѣ того раздѣлились и разсѣялись[1]). При слѣдующемъ Суйскомъ императорѣ *Янъ-ди* ту-кюэскій *Чу-ло-ханъ* 處羅可汗 напалъ на *Тъ-лэ*. Всѣ аймаки онъ обложилъ данью, взимая съ нихъ мѣстныя произведенія. При этомъ, подозрѣвая *сь-янь-то* и опасаясь съ ихъ стороны измѣны, онъ собралъ ихъ старшинъ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ и всѣхъ ихъ предалъ смерти. Противъ Чу-ло-хана немедленно же вспыхнуло возстаніе, а вслѣдъ за тѣмъ сдѣлались самостоятельными *Сы-ли-фа*, *Сы-цзинь*, *Ци-би*, *Гэ-лэнъ*. Послѣдній принялъ названіе *И-у-чжэнь-мо-хэ-хана* 易勿鎮莫何可汗. Онъ жилъ у горы *Тань-хань-шань* 貪汗山.

Кромѣ того, самостоятельнымъ сдѣлался сѣ-янь-тоскій *сы-цзинь Цзы-ь-чжи* 俟斤字也咥 и сталъ малымъ ханомъ 小可汗. Чу-ло-ханъ былъ разбитъ Мо-кэ-ханомъ 莫何可汗; съ этого времени значеніе Мо-кэ-хана начало возрастать. Онъ сталъ несравненно сильнѣе всѣхъ правителей, привлекъ къ себѣ расположеніе всѣхъ подданныхъ и сдѣлался страшнымъ для сосѣднихъ государствъ. *И-у*, *Гао-чанъ* 高昌, *Янь-ци* 焉耆 и другія государства подчинились ему[2]).

Въ 3-й годъ правленія *Да-ь* 大業 (608) *тъ-лэ* отправили посла съ данью въ видѣ мѣстныхъ произведеній, и съ тѣхъ поръ эти приношенія не прекращались[3]).

Вотъ и всѣ свѣдѣнія, которыя сообщаетъ намъ Суйская исторія о *тъ-лэ*. Но несмотря на свою краткость и неполноту, они весьма цѣнны для разрѣшенія вопроса объ этнографической связи уйгуровъ съ древнѣйшими народами Средней Азіи. Непонятно, какъ могъ о. Іакинѳъ въ своемъ «Собраніи свѣдѣній...» опустить эту страничку изъ *Суй-шу*. Его свѣдѣнія о гао-гюйцахъ изъ періода Вэйской династіи и о *хуй-хэ* или *хуй-ху* временъ Танскихъ стоятъ совершенно особнякомъ другъ отъ друга. Изъ намековъ и поясненій Танской исторіи мы едва-едва можемъ

---

1) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ib., л. 6.
2) Ib.; *Суй-шу*, цз. 84, л. 20.
3) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ib.; *Суй-шу*, Ib.

понять, что между этими племенами была какая-то связь, между тѣмъ изъ точнаго свода Вэйской, Суйской и Танской исторіи открывается съ очевидною ясностью, что это часто одни и тѣ же племена, являющіяся въ китайской исторіи подъ различными общими именами, но сохраняющія за собою свои частныя собственныя имена, которыя остаются въ разныя времена одними и тѣми же. Пропущенный у о. Іакиноа перечень фамилій 氏 гао-гюйцевъ изъ Вэйской исторіи ставитъ въ числѣ ихъ родъ *Юань-хэ* 袁紇, какъ главный, самый сильный. Суйская исторія въ числѣ тѣ-лэскихъ родовъ называетъ *Вэй-хэ* 韋紇 а Танская исторія прямо говоритъ, что родъ *Юань-хэ* при Суйской династіи называется *Вэй-хэ*. Изъ послѣдовательнаго анализа данныхъ всѣхъ трехъ хроникъ видна вмѣстѣ съ тѣмъ постепенность обогащенія китайской исторіи болѣе и болѣе точными свѣдѣніями относительно племенъ Средней Азіи. Данныя о гао-гюйцахъ въ Вэйской исторіи крайне общи. Они касаются инородцевъ настолько лишь, насколько послѣдніе приходили въ столкновеніе съ Вэйскимъ дворомъ. Если описываются походы тобаскихъ полководцевъ въ глубь степи, то опять же только въ интересахъ китайскаго тщеславія. Жизнь туземцевъ почти не замѣчается и не захватывается авторомъ. *Суй-шу* на нѣсколькихъ страничкахъ уходитъ далеко впередъ отъ своей предшественницы. Ея свѣдѣнія о *тѣ-лэ* посвящаются главнымъ образомъ указанію состава, территоріи и численности племенъ тѣ-лэскихъ, т. е. выясненію ихъ внутренней жизни безъ отношенія къ Срединной Имперіи. Здѣсь мы видимъ корень или общій фонъ, къ которому уже очень легко было пріурочить всѣ подробности, собранныя исторіографами Китая во времена послѣдующей Танской династіи. И приступая къ разбору этихъ послѣднихъ, мы уже имѣемъ подъ ногами почву. Намъ знакомо большинство названій племенъ и родовъ и мѣста ихъ поселеній, посему не труднымъ становится отмѣтить какъ появленіе въ хроникѣ новыхъ племенъ или исчезновеніе старыхъ, такъ и ихъ перекочевки и переселенія. Само собою разумѣется, что полное тожество племенъ тѣ-лэ-

скихъ съ племенами *хуй-хэ* или *хуй-ху* станетъ несомнѣннымъ для каждаго, если мы увидимъ въ Танскій періодъ тѣ же самыя племена подъ общимъ названіемъ *хуй-хэ*, которыя мы при Суйской династіи называли тѣ-лэсцами.

Глава IV.

Хуй-хэ 回紇.

Племена, принадлежавшія къ древнему гао-гюйскому роду, въ періодъ Танской династіи (唐 618—907) становятся гораздо болѣе знакомыми китайцамъ, а потому и исторія ихъ находитъ себѣ гораздо болѣе опредѣленное мѣсто въ лѣтописяхъ Срединной имперіи. Въ *Тан-шу* мы встрѣчаемъ всѣ тѣ же имена племенъ, которыя въ Суйской исторіи отнесены къ роду *тѣ-лэ*, но съ гораздо болѣе точнымъ указаніемъ ихъ мѣстожительства, численности и отношеній къ другимъ племенамъ. Уже изъ краткаго указанія *Суй-шу* и изъ обобщенія всѣхъ родовъ въ общемъ имени тѣ-лэскихъ было видно, что китайская исторія считаетъ ихъ всѣ родичами другъ другу, несмотря на то, что кочевья ихъ раскинулись на огромномъ пространствѣ всей Средней Азіи. Въ періодъ династіи Танъ та же мысль о родствѣ проводится гораздо яснѣе, и исторія всѣхъ племенъ до того переплетается между собою, что разсматривать ее возможно только какъ общую исторію всѣхъ племенъ, а не каждаго порознь. Всѣ они извѣстны были въ этотъ періодъ подъ общимъ именемъ племенъ *хуй-хэ* 回紇, и поколѣній ихъ насчитывалось 15. Они разсѣялись по великой песчаной степи, и каждое поколѣніе порознь занимало слѣдующія ея части:

1. Самую западную часть средне-азіатскаго нагорья занимало племя *ци-би* 契苾 или *ци-би-юй* 契苾羽 (у В. В. Радлова = Кибій, стр. 90). Оно кочевало отъ Харашара на сѣверо-западъ, по рѣкѣ *Инъ-со-чуань*, отъ *до-лань-гэ* на югъ. На сѣверъ отъ Тянь-шаня помѣщаетъ это племя и Суйская исторія вмѣстѣ со многими другими племенами, о которыхъ Танская исторія не

упоминаетъ вовсе. Это племя стоитъ какъ-то особнякомъ отъ всѣхъ другихъ, занимавшихъ гораздо болѣе восточныя области, и опредѣлить точно его кочевья представляется весьма важнымъ. Какъ замѣтилъ еще о. Іакинфъ[1]), прибавленное выраженіе «отъ *до-лань-гэ* на югъ» наводитъ сомнѣніе въ западномъ мѣстопребываніи *ци-би;* въ послѣднемъ случаѣ его придется помѣстить гдѣ-то въ нынѣшней юго-восточной Монголіи, что окажется въ полномъ противорѣчіи съ мѣстопребываніемъ *ци-би* во времена Суйской династіи. Правда, если-бы можно было доказать, что *ци-би* жили на востокъ, то всѣ хуй-хэскія племена централизовались бы въ Танскія времена въ восточной части степи съ главнымъ средоточіемъ въ долинахъ верхней Селенги, Орхона и Толы, но тогда показанія Танской исторіи разошлись бы съ *Суй-шу*, по которой и весь Восточный Туркестанъ отведенъ въ удѣлъ тѣ-лэскимъ племенамъ; безъ опредѣленныхъ же данныхъ мы не имѣемъ права измѣнять показанія Суйской исторіи, которая совершенно точно помѣщаетъ *ци-би* обокъ съ *Бай-шань* 白山, отрогомъ Тянь-шаня. Такимъ образомъ племя *ци-би* въ Танскій періодъ является для насъ связующимъ звеномъ восточныхъ тѣ-лэскихъ или хуй-хэскихъ племенъ съ западными, которыхъ болѣе подробный перечень мы видѣли въ *Суй-шу*.

2. *Сы-янь-то* 薛延陀[2]) (у В. В. Радлова = Сояонгъ или Сэ-йен-то) въ періодъ Суйской исторіи кочевало на западъ отъ Алтайскихъ горъ; здѣсь же мы видимъ его и при Танской династіи.

3. *Хунь* 渾 кочевало южнѣе всѣхъ поколѣній, по предположенію о. Іакинфа, по р. Онгійнъ-голу[3]). Оно упоминается въ числѣ тѣ-лэскихъ племенъ..

Центральное положеніе среди всѣхъ племенъ занимали:

4. *Тунъ-ло* 同羅 отъ *сы-янь-то* на сѣверъ, отъ *до-лань-гэ* на востокъ, т. е. оно кочевало на междурѣчьи отъ Орхона до Толы, и

---

1) Стр. 436.
2) Іак., стр. 426—427.
3) Стр. 435.

5. *Юань-хэ* 袁紇, иначе называемое *у-ху* 烏護 и *у-хэ* 烏紇, извѣстно подъ первымъ именемъ еще со временъ Вэйской династіи; въ періодъ Суйской династіи оно называлось *Вэй-хэ* 韋紇 и жило на сѣверъ отъ Толы. Въ данный періодъ *Юань-хэ* жили на сѣверъ отъ *сь-янь-то* по р. Селенгѣ, представляя собою одно изъ сильныхъ племенъ.

На сѣверъ отъ *юань-хэ*, у береговъ Косогола, называемаго въ *Суй-шу* Сѣвернымъ моремъ 北海, а въ *Танъ-шу* Малымъ моремъ 小海, жило поколѣніе

6. *Ду-бо* 都波 (у В. В. Радлова = Туба). Еще сѣвернѣе, у сѣверныхъ береговъ Байкала жило поколѣніе

7. *Гу-ли-ганъ* 骨利幹, самое сѣверное изъ хуй-хэскихъ поколѣній.

На восточномъ берегу Байкала, по р. Чикою и къ Аргуни поселилось племя

8. *Ху-сь* 斛薛 и родичи его

9. *У-ло-хунь*.

Такъ размѣщаетъ о. Іакинѳъ. Однако, если подъ *Хань-хай* разумѣть не Байкалъ, а восточную *Гоби*, то всѣ эти племена отодвигаются значительно южнѣе, и ихъ поселенія пріурочиваются также къ бассейнамъ Толы, Орхона и Селенги, немного сѣвернѣе поколѣній *Тунъ-ло* и *Юань-хэ*.

На востокъ отъ *сь-янь-то* кочевали

10. *До-лань-гэ* 多覽葛 (у В. В. Радлова = Теленгутъ); на юго-востокъ отъ нихъ —

11. *Ну-гу* 僕骨 (у В. В. Радлова = Бугу); къ границамъ Маньчжуріи доходили

12. *Ба-ль-гу* 拔野古; здѣсь же гдѣ-то кочевали

13. *А-дь* 阿跌, а нынѣшнюю Монголію занимали

14. *Бай-си* 白霫.

15. *Гэ-ло-лу* 葛羅祿 кочевало въ Тарбагатаѣ и по верховьямъ Иртыша,

16. *Ба-си-ми* 拔悉密 на западъ отъ *гэ-ло-лу*[1]).

1) *Ду-ши-фанъ-юй-цзи-ло*. Цз. 45. *Шанъ-си*. 7 л. 6.

Еще во время Суйской династіи, въ годы правленія *Да-нъ* гао-гюйскія племена *юань-хэ*, *ну-гу*, *тунъ-ло* и *ба-нъ-гу* составили между собою коалицію, отложились отъ Дулгаскаго дома, и родъ *Юань-хэ* принялъ названіе *Хуй-хэ* 回紇. Что это за слово, какъ нужно понимать его, откуда оно явилось и что значитъ? Въ обзорѣ литературы по вопросу объ уйгурахъ мы видѣли, что всѣ изслѣдователи видятъ въ немъ китайскую искаженную транскрипцію тюркскаго слова уйгуръ, но видѣли также, что эта гипотеза встрѣчаетъ довольно основательныя возраженія. Здѣсь мы считаемъ необходимымъ изложить иное объясненіе названія «*хуй-хэ*». Оно не наше, а принадлежитъ проф. В. П. Васильеву и высказано имъ въ устной бесѣдѣ. Но такъ какъ оно не опубликовано имъ во всеобщее свѣдѣніе, то мы и беремъ на себя смѣлость вывести на свѣтъ Божій одну изъ тѣхъ догадокъ, которыми полна огромная эрудиція нашего синолога. «*Хуй-хэ*», говоритъ В. П., конечно, есть «уйгуръ», но совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ обыкновенно. Это не звуковой, фонетическій переходъ турецкаго слова на китайскую почву, не транскрипція иностраннаго слова китайцами, а простой переводъ его на китайскій языкъ. Раннідъ Эддинъ производитъ слово «уйгуръ» отъ глагола «уймакъ» соединяться, и глаголъ *хуй-хэ* въ китайскомъ языкѣ также значитъ «соединяться». Конечно, іероглифы, нынѣ употребляемые для выраженія названія *хуй-хэ* 回紇, не значатъ ничего подобнаго; но я увѣренъ, что вначалѣ они писались 會合 *хуй-хэ*. Такимъ образомъ *хуй-хэ* и уйгуръ такъ же, какъ и монгольское слово ойратъ [illegible], значатъ «союзникъ». Эта догадка переноситъ насъ на совершенно иную почву, сравнительно съ разобраннымъ ранѣе мнѣніемъ В. В. Радлова. Нѣтъ никакихъ данныхъ, дѣйствительно, для рѣчи о фонетическомъ переходѣ названія uigur въ *хуй-хэ*, потому что онъ совершенно не соотвѣтствуетъ духу китайскаго языка; нѣтъ также никакихъ основаній для утвержденія, что существовала въ древнія времена форма chui-gur, и что она была извѣстна китайцамъ. Но догадка В. П. Васильева, хотя мы и считаемъ ее также только гипоте-

зой, имѣетъ за собою извѣстную долю вѣроятности. Уясненіе формальной, внѣшней стороны дѣла здѣсь не встрѣчаетъ особаго затрудненія. Еще и нынѣ въ народномъ китайскомъ языкѣ существуетъ глаголъ *хуй-хэ* 會合 соединяться, собираться (Палладій. Кит.-русс. словарь, т. II, стр. 155). Перемѣна перваго іероглифа 會 «сеймъ» на 回 «магометанинъ» могла произойти уже позднѣе, когда турецкія племена приняли мусульманство. Гораздо труднѣе выяснить самую сущность дѣла въ ея исторической постановкѣ, но и здѣсь, вдумываясь въ предложенную В. П. Васильевымъ догадку, мы встрѣтимъ для нея нѣкоторую благопріятную почву. Намъ приходится разбираться въ китайскомъ текстѣ, какъ всегда, довольно неопредѣленномъ и представляющемъ возможность нѣсколькихъ толкованій, но крайней мѣрѣ съ перваго раза. Танская исторія пишетъ: 韋紇乃幷僕骨。同羅。拔野古。仆固。自爲俟斤。稱回紇.

По переводу Visdelou: «Les Ouei-he se liguèrent avec les Pou-kou, les Thoum et les Pa-ye-kou et se revoltèrent de concert; et s'étant créé un prince, sous le titre de Ki-kin, ils prirent le nom de Hoei-he ou Hoei-ho» (p. 129). Здѣсь нельзя точно понять, кто именно назвался *хуй-хэ*? Одно ли племя *юань-хэ* или это племя въ союзѣ съ другими? Или иначе, называлось ли только *юань-хэ* новымъ именемъ, или подъ *хуй-хэ* разумѣлся союзъ племенъ, коалиція противъ общаго врага, ту-кюэсцевъ? Если принять послѣднее, то текстъ *Тан-шу* дастъ подтвержденіе мнѣнію В. П. Васильева. Однако такъ понимать это мѣсто не позволяетъ дальнѣйшій текстъ. Имени *юань-хэ*, какъ племени, позднѣе уже нигдѣ не встрѣчается, и вмѣсто него всюду ставится *хуй-хэ*, тогда какъ всѣ остальныя племена *ну-гу*, *тунъ-ло* и *ба-ѣ-гу* сохраняютъ свои названія по прежнему. Въ виду этого необходимо принять переводъ Іакинфа: «*Юань-хэ*, соединившись съ *ну-гу*, *тунъ-ло* и *ба-ѣ-гу*, отложился, объявилъ себя сыпнемъ и назвалъ себя *хуй-хэ* (стр. 373). Но въ организаціи того же самаго государства мы встрѣчаемъ еще другой фактъ союза. Что такое девять домовъ или фамилій 姓 юань-хэскихъ,

которые стояли во главѣ Хуй-хэскаго дома и старшимъ изъ которыхъ былъ *Іо-ло-гэ*? Что они составляли ядро государства, это безспорно. Позднѣе мы увидимъ, что узурпаторамъ, желавшимъ свергнуть хановъ изъ дома *Іо-ло-гэ*, именно приходилось имѣть дѣло съ девятью *ху*, родами, управлявшими всѣми дѣлами въ ордѣ. Не относится ли къ этому обстоятельству названіе *хуй-хэ* «союзъ, коалиція»?

Какъ бы то ни было, но при догадкѣ В. П. Васильева становится понятною и произошедшая позднѣе знаменитая просьба кочевниковъ о перемѣнѣ названія *хуй-хэ* на *хуй-ху*, т. е. іероглифа *хэ* 合 на *ху* 鶻. Принять объясненіе этого факта, приведенное въ китайской лѣтописи[1]), довольно трудно. Не безразлично ли для кочевника, какими знаками напишетъ китайскій историкъ его имя? Но если даже и не безразлично, то подобное требованіе могло бы быть еще понятно, если бы въ іероглифѣ *хэ* 合 или 紇 заключалось что-либо обидное или оскорбительное, какъ напр. въ словѣ *цюань-жуны* 犬戎 — *собаки-жуны*, но ничего подобнаго въ данномъ случаѣ не имѣется. Намъ представляется возможною слѣдующая догадка. Китайцы, войдя въ близкія сношенія съ союзомъ турецкихъ племенъ при Танской династіи, усвоили имъ названіе *хуй-хэ* 會合 «союзники». Но турки не могли понять этого названія. Именуя сами себя «уйгуръ», они слышали только полное несоотвѣтствіе конечнаго звука съ ихъ именемъ. Съ первымъ звукомъ *хуй*, вмѣсто *уй*, еще можно было мириться, принимая во вниманіе тѣ искаженія, которыя вносятъ китайцы въ собственныя имена иностранцевъ, но второй требовалъ радикальнаго измѣненія. Объ этомъ-то, вѣроятно, и просилъ *хуй-хэскій* ханъ при Танскомъ дворѣ. Выборъ іероглифа *ху* 鶻 «кречетъ» могъ быть произведенъ по совѣту китайцевъ, которые въ большинствѣ случаевъ въ собственныхъ именахъ употребляютъ іероглифы, или рѣдко встрѣчающіеся или имѣющіе лестный для называемаго смыслъ. Если бы турки понимали смыслъ словъ *хуй-*

---

1) *Гу-цзинь-ту-шу* Пѣ. л. 14.

хэ 會合, знали бы, что это не больше, какъ переводъ слова «уйгуръ», то и они могли бы удовольствоваться этимъ названіемъ, но имъ хотѣлось, видимо, болѣе точной транскрипціи слова «уйгуръ», чему не удовлетворяли звуки «*хуй-хэ*».

Подъ предводительствомъ даровитаго хана Пу-са соединившіяся подъ именемъ *хуй-хэ* племена продолжали борьбу съ тукюэсцами, но звѣзда ихъ дома еще не горѣла въ это время ярко [1]). Главенство надъ всѣми племенами находилось въ рукахъ племени *сѣ-янь-то*. Его правитель *И-нань* 夷男, вначалѣ покорный Дулгаскому *Сѣ-ли* хану 頡利, потомъ отложился отъ него, вступилъ въ тѣсныя сношенія съ единоплеменниками и пріобрѣлъ съ ихъ помощью самостоятельность и главенство надъ окружающею страною. Въ то же самое время *И-нань* завязалъ самостоятельныя сношенія съ Танскимъ дворомъ. Его младшій братъ *Тунъ-тэ-лэ* 統特勒 [2]) отправился для представленія ко двору. Императоръ принялъ его очень ласково, но далъ понять, что послабленій новымъ вассаламъ онъ дѣлать не будетъ. Онъ наградилъ посла оружіемъ и драгоцѣнностями и въ числѣ подарковъ пожаловалъ ему плеть, сказавши: «Если мой подданный совершаетъ большія преступленія, то я наказываю его плетью» [3]). Однако и такое начало сношеній для успѣвающагося кочевника было хорошимъ. *И-нань* занялъ, по уничтоженіи *Сѣ-ли* хана, земли по р. Толѣ и распространилъ свою власть отъ Маньчжуріи до Алтая и отъ Ордоса до Байкала. У него было въ это время до 200.000 войска, и управленіе столь большею территоріею представлялось уже затруднительнымъ. Онъ раздѣлилъ свой аймакъ на два: южный и сѣверный и поручилъ правленіе двумъ

---

1) Iак. 374.

2) Почему *Тэ-лэ* 特勒? Нѣтъ ли здѣсь такой же ошибки, какъ въ знаменитомъ нынѣ ту-кюэскомъ памятникѣ *Кюй-тэгиня* 闕特勒, найденномъ въ Хара Балгасунѣ? Это имя раньше читали *Кюй-тэлэ*, но теперь, по показанію и объясненію *Мэкъ-гу-ю-му-цзи*, цз. 7, л. 2, читаютъ *тэ-гинь*, исправляя іероглифъ 勒 *лэ* на 勤 *гинь*, *гинь*. Тэ-гинь или сы-гинь означаетъ титулъ князя, правителя. Виделу читаетъ *Tour-the-le*, op. cit., p. 159.

3) *Гу-цзинь-ту-шу*. Іь. л. 1.

сыновьямъ: Да-ду-шэ 大度設 и Ту-ли-ши 突利失. Императоръ утвердилъ ихъ въ званіи младшихъ хановъ [1]).

Указанная мѣра не имѣла, конечно, важныхъ послѣдствій для укрѣпленія мирныхъ отношеній Танскаго двора съ *сь-янь-то*. Въ 15-й годъ *Чжэнь-гуань сь-янь-то* вновь начали разбойничать на границахъ Китая и на этотъ разъ вызвали противъ себя особенныя мѣры и цѣлую экспедицію Танскихъ войскъ въ свои земли. Дѣло началось здѣсь изъ-за покровительства Танскаго двора своему любимцу Дулгаскому хану *Ли-сы-мо* въ ущербъ власти *сь-янь-то* надъ территоріею степи [2]). *И-нань* съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на поселеніе *Сы-мо* въ Ордосѣ и за *Хуанъ-хэ* и началъ обнаруживать свое нерасположеніе прежде всего разграбленіемъ Танскихъ границъ, а потомъ и замыслами противъ новопоселенныхъ ту-кюэсцевъ [3]). При первыхъ вѣстяхъ о нападеніи *сь-янь-то* въ 11-й лунѣ 641-го года военный министръ *(бинъ-бу-шанъ-шу) Ли-ши-цзи* 李世勣 былъ сдѣланъ *Шо-чжоускимъ* 朔州 *Дао-синъ-цзюнь-цзунъ-гуанемъ*; *ю-вэй-да-цзянъ-цзюнь Ли-да-лянъ* 李大亮 назначенъ *Линъ-чжоускимъ* 靈州 *дао-синъ-цзюнь-цзунъ-гуанемъ*, и на тотъ же послѣдній постъ назначенъ вторымъ замѣстителемъ *Лянъ-чжоускій* 涼州 *ду-ду Ли-си-юй* 李襲譽. Всѣмъ имъ былъ вмѣнено въ обязанность вести борьбу съ нападавшими *сь-янь-то*. При извѣстіи о приготовленіяхъ *И-нанъ* къ походу и о движеніи *Да-ду-шэ* на дулгасцевъ, *Сы-мо* испугался и убѣжалъ въ *Шо-чжоу* подъ защиту китайскихъ войскъ. Такимъ образомъ *сь-янь-то* вызвали панику по всей сѣверной границѣ. Тогда указано было *Инъ-чжоускому* главноуправляющему *Чжанъ-цзяню* 張儉 [4]), командиру

---

1) 428. *Гу-цзинъ-ту-шу* Ib. л. 2. По *Ганъ-му* это произошло въ 638 г., а по *Гу-цзинъ-ту-шу* въ 633 г. Въ *Синь-танъ-шу* значится 7-й годъ *Чжэнь-гуань* (т. е. 633), а у Іакиноа, по *Цзю-танъ-шу*, года нѣтъ.

2) См. подробности у Іак., стр. 313—315.

3) Іак. 428; *Гу-цзинъ* Ib. л. 2.

4) О. Іакиноъ ошибочно пишетъ *Чжанъ-лянь*, вѣроятно, смѣшавъ іероглифъ 儉 съ другими одинаковыми по фонетической группѣ, но имѣющими ключи различные.

войскъ, состоявшихъ изъ *си-си* 奚霫 [1]) и киданей, передвинуть свои отряды къ востоку. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ пограничные правители приготовились къ военнымъ дѣйствіямъ и привели въ порядокъ имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи силы. У *Ли-ши-цзи* было тогда 60.000 войска при 3.000 конницы; онъ обосновалъ лагерь въ *Шо-чжоу*. *Ли-да-лянъ* съ 40.000 войска при 5.000 конницы сосредоточился въ *Линъ-чжоу*. У *У-чжоускаго* 武州 и *Цинъ-чжоускаго* 慶州 *дао-синъ-цзюнъ-цзунъ-гуаня Чжанъ-ши-гуй* 張士貴 всего было 17.000 войска, съ которыми онъ вышелъ въ *Юнь-чжунъ* 雲中. *Ли-си-юй* былъ назначенъ полномочнымъ пограничнымъ коммисаромъ. Всѣмъ этимъ военачальникамъ былъ присланъ слѣдующій указъ отъ императора: «*Сь-янь-то* перешли черезъ степь, и лошади у нихъ устали. Начальствующіе наши пусть поэтому смотрятъ внимательно, будетъ ли польза отъ наступленія или нѣтъ? Если будетъ польза, то пусть они двинутся впередъ противъ *сь-янь-то*, а если нѣтъ, такъ лучше отступить назадъ. Кромѣ того, при настоящемъ положеніи дѣлъ не нужно торопиться захватывать массы плѣнныхъ и нападать на ту-кюэсцевъ *Сы-мо*. Разъ вышли войска въ степь, то не слѣдуетъ уже спѣшить назадъ, а напавши непремѣнно стараться довести враговъ до полнаго пораженія. Главноначальствующіе не должны принимать лично участія въ битвахъ; имъ предоставляется право отступать съ отрядами и нападать снова».

Въ это время *сь-янь-то* прислали къ Танскому двору посла съ просьбою успокоить ту-кюэсцевъ. Очевидно, это была хитрость. У *Сы-мо* совершенно не было силы ни нападать ни противиться сѣ-янь-тоскимъ ордамъ: онъ давно уже держался на югѣ степи только поддержкою танскихъ войскъ и всецѣло поэтому отдавалъ себя и свой народъ въ распоряженіе Китая. И Танскій дворъ оказалъ на этотъ разъ полную поддержку своему сохзнику. Въ отвѣтъ на жалобу *И-наня* императоръ ограничился слѣдующимъ

---

1) *Си-си* 系霫 сѣверо-восточные варвары, обитавшіе въ верховьяхъ *Ляо-цзяня* во времена Танской династіи.

указомъ: «Мой союзъ на сѣверѣ степи сѣ-янь-тосцами разорванъ, а на югѣ ту-кюэсцами ревностно охраняется. Первые грабятъ постоянно наши земли, и за это ихъ нужно наказывать, а не прощать. Сѣ-янь-то съ давнихъ поръ имѣли дѣла со мною, и всегда я видѣлъ отъ нихъ одно противорѣчіе. Получая указы — они не исполняютъ ихъ, а возмущенія у нихъ безпрестанныя. Съ тукюэсцами же у меня миръ, и поэтому я останусь навсегда съ ними въ союзѣ. Почему только они не извѣстили меня о происшедшемъ?» [1]). Послѣ такихъ переговоровъ сѣ-янь-тоскимъ ордамъ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ разсчитывать на свои силы. *Да-ду-шэ* двинулся къ югу и расположился у Великой стѣны, вызвавъ тѣмъ со стороны *Сы-мо* отступленіе на югъ, ближе къ китайскимъ войскамъ. Сюда уже *Да-ду-шэ* не смѣлъ явиться и удовольствовался только тѣмъ, что послалъ людей въ догонку съ бранью отступающимъ. Неизвѣстно, до какой степени простиралась бы дерзость сѣ-янь-то въ ихъ нападеніи на Китай. Ихъ остановилъ *Ли-ши-цзи*, который въ 12-й лунѣ догналъ ихъ у рѣки *Но-чжэнь-шуй* 諾 直 水 и нанесъ *Да-ду-шэ* рѣшительное пораженіе [2]). Спасаясь бѣгствомъ и застигнутые снѣжными бурями, сѣ-янь-тосцы прибѣгали даже къ жертвоприношеніямъ для избавленія себя отъ бѣдствій на пути, но *Ли-ши-цзи* не переставалъ преслѣдовать ихъ. Однако китайское войско въ погонѣ ослабѣло не меньше сѣ-янь-тоскаго, и *Ли-ши-цзи* долженъ былъ уйти въ *Динъ-сянъ* 定 襄.

Тогда, видя общее ослабленіе силъ, Танскій домъ рѣшилъ замѣнить военныя дѣйствія мирными переговорами.

Императоръ отправилъ посла вручить главноуправляющему императорскую печать и разспрашивалъ о томъ, кого изъ подчиненныхъ нужно наградить за труды и какъ выразить соболѣзнованіе пострадавшимъ во время кампаніи. Сѣ-янь-тоскаго посла заставили обождать аудіенціи, и, отпуская его, императоръ сказалъ слѣдующее: «Возвратись и скажи своему хану, что вы сами

1) *Гу-цзинь-ту-шу* Ib. л. 2.

2) Подробности у Іак., стр. 428—429.

возбудили безпорядки на своихъ границахъ, обезсиливъ ту-кюэ-сцевъ, отяготивъ ихъ до смерти поборами и забравъ ихъ старѣйшинъ (*шоу-линовъ* 首領) въ качествѣ заложниковъ. Сдѣлавшись повелителемъ вселенной, не долженъ ли я теперь постараться обнаружить у васъ мятежниковъ? И потомъ, если приносится кому-либо вредъ, то для правильнаго возмездія и водворенія порядка дѣло нужно изслѣдовать внимательно и тщательно, а не поспѣшно»[1]).

Такой примирительный тонъ рѣчи возымѣлъ надлежащее дѣйствіе. Сѣ-янь-то сразу поняли, что направленіе при дворѣ измѣнилось въ ихъ пользу. *И-нань* отправилъ посланника съ извиненіемъ, а потомъ командировалъ своего дядю *Ша-бо-ло* 沙鉢羅 представить 3000 лошадей и при семъ случаѣ просить о бракѣ. Но императоръ въ бракѣ отказалъ. Однако, увѣренный въ прочности своего положенія и отношеній къ Танскому дому, *И-нань* понялъ, что отказъ въ невѣстѣ обусловливается со стороны китайцевъ только малочисленностью присланной сѣ-янь-тосцами дани, и на слѣдующій годъ, т. е. въ 642 г., повторилъ свою попытку[2]). Это вызвало цѣлое совѣщаніе при китайскомъ дворѣ. Императоръ сказалъ, обращаясь къ вельможамъ, слѣдующее: «Сѣ-янь-то грабятъ наши границы. Я, обсуждая положеніе дѣлъ, имѣю предложить два плана: или нужно выбрать чиновниковъ, собрать тысячу сто войска, напасть на враговъ и оставить ихъ на сто лѣтъ безъ потомства (т. е. избить всѣхъ малолѣтнихъ); или же, разрѣшивъ заключеніе браковъ, примѣнять къ кочевникамъ ласковыя мѣры, приказавъ имъ не производить безпорядковъ въ теченіе 30 лѣтъ. Кто изъ васъ находитъ что полезнымъ?» Тогда *Фанъ-юань-линъ* 房元齡 отвѣтилъ: «Въ настоящее время большое возмущеніе и волненіе для насъ крайне вредно, и, начавъ войну, мы никогда ея не окончимъ. Хотя бы мы даже и побѣдили кочевниковъ, но обратный путь изъ тѣхъ странъ для арміи крайне опасенъ, а потому первый планъ никоимъ образомъ не сравнится въ до-

1) *Гу-цзинь-ту-шу* Ib. *л.* 3.
2) Iак. 429.

стопнствѣ съ планомъ о мирѣ и родствѣ». Императоръ одобрилъ эти рѣчи и согласился выдать замужъ царевну *Синь-синъ* 新興 за *И-наня* [1]). Однако этому браку не суждено было осуществиться. Партія войны въ дальнѣйшихъ совѣщаніяхъ одержала верхъ, и изъ-за отказа въ бракѣ на границѣ возникли неурядицы, которыя продолжались почти все время правленія *И-наня* до его смерти и при его преемникѣ *Ба-чжо* 拔灼 или *До-ми-ханѣ* 多彌可汗 [2]).

Ко времени послѣдняго пріурочивается начало упадка власти сѣ-янь-то и возвышенія на его мѣсто племени *юань-хэ* 袁紇, которое усвоило себѣ имя *хуй-хэ* 回紇 и издавна занимало первенствующее мѣсто среди племенъ гао-гюйскихъ или тѣ-лэскихъ. Сѣ-янь-то уже не въ состояніи были противиться нападеніямъ *хуй-хэ*. Къ этимъ мѣстнымъ врагамъ-землякамъ примкнули китайцы, и скоро изъ прежняго повелителя кочевниковъ *сѣ-янь-то* стало обычнымъ незначительнымъ племенемъ, самое имя котораго исчезаетъ изъ лѣтописей Китая [3]).

Еще раньше паденія владычества сѣ-янь-то среди самихъ кочевниковъ распространилось убѣжденіе въ неизбѣжности этого факта. Было что-то въ родѣ предсказанія на этотъ счетъ, какъ о томъ разсказываетъ китайская исторія. Еще раньше, чѣмъ Танскій дворъ рѣшилъ нанести послѣдній, рѣшительный ударъ

---

1) *Гу-цзинь-ту-шу* Ib. л. 3.

2) См. Iак. 429—431. Въ *Синь-танъ-шу* мы находимъ перечень войскъ, выдвинутыхъ для борьбы съ Сѣ-янь-то: «Императоръ указалъ явиться на границу начальнику областей *Цзянъ* 江 и *Ся* 夏 изъ военныхъ поселеній *Дао-цзуна* 道宗, главноуправляющему областями въ *Шо-чжоу* 朔州 и *Дай-чжоу* 伐州 *Сѣ-вань-чо* 薛萬徹 вмѣстѣ съ *цзо-жао-вэй-да-цзянъ-цзюнемъ* Ашина; начальнику военныхъ поселеній изъ округа *Шэнъ-чжоу* 勝州 *цзо-у-вэй-да-цзянъ-цзюню Са-ну* 薩孤 и начальнику военныхъ поселеній *У-жень-туню* 吳仁屯 округа *Линъ-чжоу* 靈州 *Чжи-ни-сы-ли* 執失思力; съ ними должны были соединиться ту-кюэскія войска». У о. Іакинов вмѣсто этого подробнаго указанія, стоитъ общая фраза: «Императоръ указалъ стянуть пограничныя войска».

3) Подробности у Iак. 431—433.

сѣ-янь-то, нѣкто *Гай-ши* 丐食 вмѣстѣ съ своимъ родомъ подошелъ однажды во время кочевья къ какой-то торговой палаткѣ. Жена *Гай-ши* увидѣла въ серединѣ палатки купца и хозяина съ волчьей головой, который не смотрѣлъ на купца. Жена *Гай-ши* сказала объ этомъ родовичамъ, и всѣ они преслѣдовали неизвѣстныхъ до хребта *Юй-ду-цзюнь*, гдѣ увидѣли двухъ человѣкъ и сказали: «Это наши духи» [8]).

Послѣ цѣлаго ряда ударовъ разбитые и уничтоженные сѣянь-то остановились и доживали свой вѣкъ именно у подножья

---

8) *Гу-цзинь-ту-шу* Ib. л. 4. *Синь-тан-шу*, *Сѣ-янь-то-чжуань*. О названномъ хребтѣ въ сочиненіи *Ду-ши-фан-юй-цзи-яо*. Цз. 45. *Шань-си* 7; листъ 8, находятся слѣдующія свѣдѣнія: *Юй-ду-цзюнь-шань* 燕督軍山 находится на сѣверѣ степи, иначе называется *У-дэ-цзянь-шань* 烏德鞬山. Вначалѣ они служили мѣстомъ кочевьевъ для *хуй-хэ*; ихъ также называли 都尉犍山 *Ду-вэй-цзянь-шань*, измѣняя интонацію въ произношеніи. Эта земля отстоитъ отъ *Чанъ-ани* въ 3000 ли съ лишнимъ. На востокъ до Мо-хэ, на западъ до западныхъ Ту-кюэ, на югъ по великой степи, на сѣверъ до *Цзюй-лунь-шуй* 俱倫水 вся она подвластна Китаю. Танскій календарь говоритъ: горы эти лежатъ на западъ отъ главной ставки *Хуй-хэ*, на сѣверо-востокъ отъ *Ганъ-чжоу* 甘州. *Ту-цзюэ*, тотчасъ по прекращеніи владычества Сѣ-янь-то, построили свою ставку на сѣверъ отъ *Ду-вэй-цзянь-шань*, на югъ отъ рѣки *Ду-ло-шуй* 獨邏水. По восточной и западной сторонамъ горъ текутъ рѣки *Вэнь-цунь-хэ* 嗢昆河 и *Ду-ло-хэ*, извиваясь по направленію къ сѣверо-востоку. *Вэнь-цунь* съ южной стороны, а *Ду-ло-хэ* съ сѣверной омываютъ *хуй-хэскую* главную ставку и, пройдя на СВ. 500 ли, сливаются вмѣстѣ. Въ 22 г. *Чжэнь-гуань* (648 г.) *Ли-ши-цзи* 李世勣, наказывая Сѣ-янь-то, дошелъ до *Юй-ду-цзюнь-шань* и вслѣдъ за симъ уничтожилъ Сѣ-янь-то. Въ 1-годъ правленія *Юнъ-хуй* (650) *Гао-цзунь* 高侃 взялъ въ плѣнъ ту-кюэскаго *Чэ-би* у *Цзинь-шаня*. По высочайшему указу при *Юй-ду-цзюнь-шань* было основано управленіе департамента *Лянъ-шань-ду-ду-фу* 狼山都督府. Въ 8-й годъ правленія *Тянь-бао* (742) *хуй-хэ*, утвердившись въ древнихъ ту-кюэскихъ земляхъ, основали главную квартиру при *У-дэ-цзянь-шань*, т. е. при *Ду-вэй-цзянь-шань*; на югъ она отстоитъ отъ границъ Ханьскаго *Гао-цзюэ* 高闕 въ 1700 ли. Въ 3-й годъ *Юань-хэ* 元和 (803 г.) Шанюсскій *Чжу-я-цзинъ-чжунъ*, предводительствуя аймаками изъ *Ганъ-чжоу*, возвратился къ Танскому двору, слѣдуя по *У-дэ-цзянь-шань* къ востоку. *Синь-тан-шу* говоритъ, что на востокъ отъ хуй-хэской главной ставки есть степь, на западѣ она опирается на *У-дэ-цзянь-шань*, на югъ примыкаетъ къ рѣкѣ 嗢昆水 *Вэнь-би-шуй* а рѣка эта есть *Вэнь-цунь-шуй* 嗢昆水.

названныхъ горъ [1]). Однако и въ это время еще находились люди среди китайскихъ же вельможъ, которые считали нужнымъ поставить на видъ правительству его непослѣдовательность въ отношеніяхъ къ *сѣ-янь-то*. Такъ сдѣлалъ вельможа *Чжу-суй-лянъ* 褚遂良. Изъ его біографіи видно, что сѣ-янь-то еще не сразу отказались отъ своихъ притязаній на нѣкоторое значеніе среди своихъ соплеменниковъ и не хотѣли окончательно прерывать своихъ сношеній съ Китаемъ. Въ 16-мъ году правленія *Чжэнь-гуанъ* (642) *Чжу-суй-лянъ* представлялъ явившихся отъ сѣ-янь-то пословъ наслѣднику престола. Сѣ-янь-то просилъ въ это время о бракѣ. Императоръ самъ взялъ присланные ими подарки, но потомъ отказалъ въ просьбѣ. Тогда *Чжу-суй-лянъ* произнесъ цѣлую рѣчь въ обличеніе такой негактичности. «Вѣрность», сказалъ онъ, «составляетъ корень всѣхъ міровыхъ отношеній и опору всѣхъ народовъ. *Вэнь-ванъ* 文王 вѣрилъ *Ку-гу* 枯骨, а *Чжунъ-ни* 中尼 (Конфуцій) ушелъ, когда почувствовалъ недостатокъ въ вѣрности. Сѣ-янь-то въ древности держалъ въ своихъ рукахъ гегемонію надъ племенами (былъ *сы-гинемъ*), тогда императорская армія ходила войною, распространяла спокойствіе на границѣ стени; внушая страхъ непокорнымъ, присоединяла къ себѣ все извнѣ и, оказывая милости, укрѣпляла все внутри. Тогда, обсуждая причины постоянныхъ разбоевъ, нашли невозможнымъ, чтобы сѣ-янь-то жили безъ хановъ, и потому начали ставить имъ правителей надъ ордами съ утвержденіемъ императорской печатью и раздачею знаковъ достоинства: знамени и барабана. Милости отъ императора сыпались на нихъ тогда безграничныя. Они нѣсколько разъ просили при дворѣ о бракѣ, императоръ тотчасъ разрѣшалъ имъ, и управляющій дворомъ тотчасъ предлагалъ устроить у сѣверныхъ дворцовыхъ воротъ пиръ. Нынѣ дворъ самъ производитъ уклоненіе отъ намѣченнаго ранѣе пути. Мало, видно, въ дѣлахъ сожалѣнія къ другимъ и много ошибочнаго. А если такъ, то при недостаткѣ вѣрности въ земляхъ

1) Ган. 492.

инородцевъ неизбѣжно возбудятся подозрѣніе, ненависть и вражда, и невозможно уже будетъ управлять и пользоваться ихъ ордами для военныхъ дѣйствій. Кромѣ того, каменистыя горы и степи въ сѣверныхъ странахъ служатъ прекраснымъ убѣжищемъ, и Срединное государство, сколько ни двигаетъ туда свои арміи, никакъ не можетъ побѣдить ихъ обитателей, жу-жаней ли то, ту-кюэсцевъ или сѣ-янь-тосцевъ. Въ древнихъ книгахъ по аналогичнымъ случаямъ говорится, что должна быть «пустота извнѣ и истина внутри», т. е. должна быть вѣрность въ отношеніяхъ съ инородцами, какъ и въ отношеніи къ Царству цвѣтовъ (Китаю). Но императоръ не заблагоразсудилъ обсудить этого».

Однако такое представленіе не имѣло никакого вліянія на дѣло. Добросовѣстностью политики китайцы никогда не отличались, предпочитая въ древности, какъ и нынѣ, корысть честности. Поэтому ослабѣвшимъ и не внушавшимъ страха сѣ-янь-то нельзя было разсчитывать найти поддержку при дворѣ императора противъ обрушившихся на нихъ нападеній соплеменниковъ[1]).

Заключительная сцена изъ исторіи сѣ-янь-то имѣла мѣсто при Таискомъ дворѣ въ тронной рѣчи императора къ явившимся къ нему съ выраженіемъ поддаиства кочевникамъ.

«Вы пришли ко мнѣ», сказалъ онъ имъ, «какъ мыши, получить норы и, какъ рыбы, пришлыи пріобрѣсти источники, и я далъ вамъ ихъ — глубокія и широкія. У инородцевъ имперіи я никогда не видѣлъ мира; успокоивая ихъ, я не радовался о себѣ, а радовался объ нихъ, только руководясь поговоркой: *цзи-вэй-шоу цанъ-ингъ кэ ши жи цянь-ли*, 驥尾受蒼蠅可使日千里, т. е. и муха, приставъ къ хвосту рысака, проскачетъ въ день тысячу ли. Не могу я умолчать теперь о благодѣяніяхъ къ вамъ нашего родоначальника *Гао-цзу*: онъ награждалъ народъ трехдневнымъ пиромъ, а когда потомъ аймаки произвели возмущеніе, то полководецъ *Чжи-ши-си-ли* 執失思力 наказавъ усмирилъ ихъ. Нынѣ къ годамъ правленія *Юнъ-хуй* сѣ-янь-тоскій

---

1) *Гу-цзинь-ту-шу*. Іь. л. Ср. *Синь-танъ-шу*, *Чжу-суй-лянъ-чжуанъ*.

аймакъ погибъ и разсѣялся, и всѣ возвратились бы къ своимъ прежнимъ повелителямъ. Я же основалъ округъ 嵯弹州 *Ситань-чжоу* и привелъ ихъ къ полному миру»[1]). Такимъ образомъ существованіе сѣ-янь-тоскаго аймака, какъ главы и распорядителя судьбами родственныхъ ему поколѣній, было признано оффиціально, самимъ китайскимъ императоромъ, покоченнымъ. 11 тѣлэскихъ поколѣній, чувствуя себя безъ пристанища, явились къ Тапскому двору и просили установить у нихъ китайское раздѣленіе земель и администрацію наградить китайскими чинами, что и было сдѣлано въ 630 году. Тогда всѣ аймаки получили названія департаментовъ 府 и округовъ 州. Были назначены *ду-ду*, *цы-ши* 刺史, *чжанъ-ши* 長史, *сы-ма* 司馬 и другіе чиновники, распредѣленные по 6 департаментамъ и 7 округамъ.

Аймакъ *Хуй-хэ* превращенъ въ *Ханъ-хай* 瀚海[2]).

До-лань-гэ — въ *Янь-жань* 燕然[3]).

Пу-гу — въ *Цзинь-вэй* 金徽.

Ба-ль-гу — въ *Ю-линъ* 幽陵.

Тунъ-ло — въ *Гуй-линь* 龜林.

Сы-цзэ 思結 — въ *Лу-шань* 廬山.

---

1) *Гу-цзинь-ту-шу* Ib. л. 4. *Синь-танъ-шу*. *Сѣ-янь-то-чжуанъ*.

2) О. Іакинфъ переводитъ «Байкальское губернаторство».

3) *Ду-ши-фанъ-ий-цзи-яо*, цз. 45., л 10, сообщаетъ, что названіе *Янь-жань-фу* заимствовано отъ горы того же имени. О горѣ же *Янь-жань-шанъ* помѣщены слѣдующія данныя. Она лежитъ внѣ степи. Ханьскій *У-ди* въ 94 г. до Р. Х. послалъ *Ли-гуанъ-ли* 李廣利 въ глубь степи сражаться съ *Сюнъ-ну*. Полководецъ дошелъ до *Чжи-цзюй-шуй* 至居水 и возвратился назадъ; дойдя до *Янь-жань-шанъ*, онъ далъ сраженіе и покорилъ *Сюнъ-ну*. При династіи *Хоу-ханъ* въ началѣ правленія императора *Хо-ди Ду-сянь* 賀慧 вышелъ въ сѣверныя страны за границы *Цзи-лу* 雞鹿 до *Чжо-сѣ-шанъ* 涿邪山 и потерпѣлъ полное пораженіе отъ сѣвернаго *Шанъ-юя* при горѣ *Цзи-ло-шанъ* 稽落山; вслѣдъ за симъ онъ отступилъ къ сѣверному инородческому морю 北鞮海, отойдя отъ границъ на 3000 ли; онъ принесъ жертву на горѣ *Янь-жань-шанъ*, вырѣзалъ на памятникѣ надпись о своихъ подвигахъ и возвратился. *Сюнъ-ну-чжуань* пишетъ, что *Янь-жань-шанъ* находится въ Сюнъ-нуской землѣ за мѣстностью *Сѣ-у-ди* 邪鳥地. По *Бэй-ши*, *Янь-жань-шанъ* лежитъ на сѣверъ отъ р. *Ту-юанъ-шуй* 菟園水. Срав. *Гу-цзинь-ту-шу*, *Бянь-и-дянь*, цз. 110, *Бэй-фанъ-чжу-го-цзунъ-бу-хуй-као-эр*. л. 1.

Все это были губернаторства (*ду-ду-фу*). Заснмъ переименованы аймаки:

Хунь въ округъ *Гао-лань-чжоу* 皐蘭州.
Ху-сь въ *Гао-цзюэ-чжоу* 高闕州.
А-дь 阿跌 въ *Цзи-тянь-чжоу* 雞田州.
Ци-би-юй въ *Юй-ци-чжоу* 榆溪州.
Си-цзэ 奚結 въ *Цзи-лу-чжоу* 雞鹿州.
Сы-цзэ 思結 [1]) въ *Гуй-линь-чжоу* 歸林州.
Бай-си въ *Дянь-янь-чжоу* 顚顏州.
Цзэ-гу 結骨 въ *Цзянь-гунь-фу* 堅昆府.
Гу-ли-чань въ *Юань-цзюэ-чжоу* 元闕州 [2]).
Цзюй-ло-бо 俱羅勃 въ *Чжу-лунь-чжоу* 燭龍州 [3]).

Въ это время Танское правительство особенно интересовалось вопросомъ о подчиненіи хуй-хэскихъ племенъ своему вліянію. Высшіе чины совѣщались въ ямыняхъ о мѣрахъ къ заселенію и запашкѣ непроизводительно пропадавшихъ земель на сѣверѣ. Хотѣли просвѣщать инородцевъ ученіемъ и помогать ихъ нравственному самоусовершенствованію. Средства у китайскихъ сановниковъ оставались прежнія: награды титулами и званіями, и они были увѣрены, что народъ, обладая послѣдними, можетъ и будетъ полагаться на Танское правительство, какъ на отца и мать. Въ силу этой увѣренности министры просили у импе-

---

1) Какимъ образомъ одинъ аймакъ былъ преобразованъ и въ губернаторство и въ округъ?

2) У Іакинова, стр. 376 и 440, написано почему-то *Сюань-кюэ*.

3) О. Іакиновъ, приведя это раздѣленіе, смѣется надъ Дегинемъ, отождествившимъ поселенія хуй-хэскихъ племенъ съ государствами *Чэ-ши* и *Гао-чанъ*. Но если нельзя признать вполнѣ вѣрнымъ этотъ взглядъ западныхъ ученыхъ, то все же и для о. Іакинова и для насъ остается загадкою, входили ли земли по *Тянь-шань-бэй-лу*, гдѣ именно и лежали *Чэ-ши* и *Гао-чанъ*, въ область учрежденныхъ округовъ? Вопросъ здѣсь касается опять таки мѣстоположенія племени *Ци-би* или *Ки-би-юй*, т. е. округа *Юй-си-чжоу*. Жило ли оно на югъ отъ *До-лань-гэ* въ восточной части степи, или занимало совершенно противоположную ей область на западѣ у *Тянь-шаня*? Въ послѣднемъ случаѣ Дегинь будетъ правъ, вводя *Гао-чанъ* въ область поселенія хуй-хэскихъ племенъ, хотя его отождествленіе *уи-уйгуровъ* и *токуз-уйгуровъ* съ государствами *Чэ-ши* и не имѣетъ за собою основаній.

ратора для странъ *Хуй-хэ* и *Ту-цзюэ* титуловъ: *Цань-тянь-чжи-цзунь* 參天至尊, т. е. страны «благословенныхъ, какъ небо», присоединяя при этомъ желаніе, чтобы новоосновавные округа управлялись китайскими чиновниками [1]). О томъ, насколько сильно было вмѣшательство китайской администраціи въ инородческія дѣла на самыхъ мѣстахъ кочевьевъ, лѣтописи не даютъ намъ возможности судить, но безспорно то, что въ это время еще не укрѣпившіяся хуй-хэскія племена, или, вѣрнѣе, ихъ правители, находились въ большой зависимости отъ Танскаго двора. При происшедшемъ у нихъ столкновеніи съ ту-кюэскимъ *Чэ-би* ханомъ нѣсколько человѣкъ пострадало отъ китайскаго насилія, и даже такія отдаленныя племена, какъ *Ци-би*, должны были принимать участія въ войнахъ Китая съ его противниками [2]). Правители *Юань-хэскаго* аймака *Ту-ми-ду* 吐迷度, *Но-жунь* 婆閏 и *Би-ли* 比粟 преемственно пользовались видимымъ расположеніемъ Танскаго двора и могли втихомолку усиливаться въ ряду другихъ сосѣднихъ племенъ. Мы видимъ въ это время постоянныя измѣненія названій округовъ, перемѣны ихъ административной зависимости другъ отъ друга и постоянныя смѣны правителей. Не знаемъ, назначались ли китайскіе чиновники управляющими округовъ, или кочевья по прежнему оставались въ зависимости отъ родовыхъ правителей, но лѣтописи почему-то нашли нужнымъ отмѣтить тотъ фактъ, что при переименованіи аймака *Бай-си* въ округъ *Дянь-янь-чжоу* старшина аймака *Ли-хань-чжу* 李含珠 былъ поставленъ главноуправляющимъ новаго округа [3]). Это было въ 660 г., въ правленіе императора *Гао-цзуна*, особенно много обращавшаго вниманія на усиленіе власти Китая надъ инородцами [4]).

Въ правленіе императрицы *У-хоу* 武后 въ степяхъ на сѣверѣ обострилась вражда между дулгаскимъ ханомъ *Мо-чжо* 默啜 и хуй-хэскими племенами. Слѣдствіемъ этого явился въ высшей

1) *Синь-танъ-шу*, цз. 107 л. 2; *Гу-цзинь-ту-шу* Ib. л. 6.
2) *Гу-цзинь-ту-шу* Ib. л. 6; Іакиновъ, стр. 378—379.
3) *Гу-цзинь*.... Ib. л. 7 Іак., стр. 441.
4) *Гу-цзинь*, л. 6; Іак. 380.

степени интересный и важный для насъ фактъ переселенія нѣсколькихъ хуй-хэскихъ племенъ съ сѣвера степи, съ долинъ Селенги, Толы и Орхона, на югъ, въ Заордосъ, и частью въ нынѣшнюю провинцію Гань-су. *Мо-чжо*, сообщаетъ лѣтопись, завоевалъ большія тѣ-лэскія земли. Въ какомъ объемѣ территорій произошло это подчиненіе, мы не знаемъ, но изъ движенія центральныхъ хуй-хэскихъ племенъ на югѣ ясно, что дулгасцы двинулись въ бассейнъ Байкала и вытѣснили оттуда обитателей. *Юань-хэ* вмѣстѣ съ поколѣніями *ки-би*[1]), *си-ть* и *хунь*, не желая подчиняться, перешли черезъ *Ша-мо* и заняли земли противъ *Лянчжоу* и *Гань-чжоу*. Они были приняты здѣсь, видимо, очень дружелюбно, и китайское правительство часто пользовалось ими для пополненія рядовъ своей конницы. По смерти правителя *юаньхэскаго Ду-цзу-чжи*, сына *Би-ли*, былъ поставленъ внукъ послѣдняго *Фу-ди-фу* 伏帝匐 (около 716 г.), при которомъ ряды переселившихся на югъ хуй-хэ пополнились новыми членами изъ поколѣній *Тунъ-ло*, *Сы-ли-фа* 斯利發[2]) и *Бай-си*. Всѣ они, уже по приказанію китайскихъ властей, были размѣщены на сѣверъ отъ корпуса *Да-у-цзюнь* 大武軍[3]).

Племена, переселившіяся на югъ, не остались здѣсь навсегда. Позднѣе мы видимъ ихъ опять на прежнихъ сѣверныхъ кочевьяхъ, но во всякомъ случаѣ ихъ хотя бы и временное водвореніе на югѣ степи утвердило прежнія традиціонныя связи, которыя они имѣли съ обитавшими здѣсь племенами. По преданію, еще древнія гао-гюйскія поколѣнія обитали раньше въ этихъ же мѣстностяхъ, а только позднѣе перекочевали на сѣверъ степи въ долину Селенги. Новое же переселеніе даетъ намъ понять, что югъ степи и въ данный періодъ не былъ чуждъ хуй-хэскимъ племенамъ.

Въ какомъ количествѣ перекочевали бѣглецы, лѣтописи намъ не сообщаютъ, но безспорно, что на прежнихъ мѣстахъ остались

---

1) Это переселеніе говоритъ сильно за то, что аймакъ *Цы-би* или *Ки-би-юй* обиталъ въ восточной части степи и не на западѣ при *Тянь-шанѣ*.

2) Этого поколѣнія мы еще не встрѣчали.

3) *Гу-цзинь-ту-шу* Ib. л. 7; Iак., стр. 380.

ихъ родичи и продолжали тамъ кочевать. И, вѣроятно, послѣдніе не были даже въ зависимости отъ Дулгаскаго дома. Въ возникшихъ распряхъ между жившимъ на югѣ степи хуй-хэскимъ правителемъ *Чэнъ-цзуномъ* 承宗 и китайскимъ намѣстникомъ *Ванъ-цзюнь-чо* 王君㚟 мстителемъ за несчастія перваго является сынъ его *Ху-шу* 護輸, управлявшій военными дѣлами на сѣверѣ степи въ округѣ *Ханъ-хай-фу* 瀚海府, откуда очевидно, во-1-хъ, что связи между сѣверными и южными племенами не прерывались, во-2-хъ, что первыя имѣли своихъ самостоятельныхъ правителей.

При преемникѣ *Ху-шу, Гу-ли Пэй-ло* 骨力裴羅 (742—756 г.)[1]) замѣчается усиленіе хуй-хэскихъ племенъ. Положивъ начало своему управленію на югѣ степи, *Пэй-ло* переноситъ потомъ свою ставку на сѣверъ, въ область между Орхономъ и отрогами Алтая; завязываются сношенія съ Китаемъ, императоръ котораго относится съ большимъ вниманіемъ къ посольству новаго хана; въ войнѣ съ дулгаскимъ домомъ наносится сильное пораженіе послѣднему, и въ результатѣ всего власть хуйхэскаго правителя распространяется отъ Алтая до Маньчжуріи и на югъ до великой Гоби [2]). Въ 744 г. *Пэй-ло* напалъ на *баси-ми*[4]), убилъ ихъ князя, принялъ титулъ *Ку-ду-лу-пи-цзя-цюй-кэ-ханъ*, т. е. *Кутлукъ-бекъ-кюй-каганъ*, и послалъословъ къ китайскому императору, отъ котораго и получилъ титулъ *И-вана* 義王. Свою орду онъ поставилъ между горами *У-дэ-гянь* и рѣкою Орхономъ (въ Каракорумѣ). 9 колѣнъ были подчинены *Пэй-ло*: *Іо-ло-гэ, Ху-ду-гэ, Іо-ву-гэ, Кюй-лоу, Гэ-са*[4]), *Ха-сы-ву, Мо-кэ-си-гы, Ху-выны-со*. Его государство простиралось отъ Байкала (*Ши-вэй*) до Алтайскихъ горъ и на югъ до великой песчаной

---

1) По Паркеру, Kurlik Bira.

2) *Гу-цзинь-ту-шу* Ib. л. 8; Iak., стр. 381—384.

3) E. H. Parker считаетъ, что это была борьба съ племенами Basimir и Karluk, закончившаяся тѣмъ, что Bira (Пэй-ло) принялъ титулъ Kutluk Biga Khakhan.

4) E. H. Parker считаетъ это племя хазарами, переселившимися позднѣе на Волгу.

пустыни. Колѣна *Ну-гу*, *Хунь*, *Ба-ѣ-гу*, *Тунъ-ло*, *Сы-гѣ* и *Ки-би* сохраняли свою самостоятельность. Впослѣдствіи къ нимъ присоединилось еще колѣно *Гэ-ло-лу* (= Карлукъ)[1].

Государство Хуй-хэское заняло теперь первое по могуществу мѣсто на сѣверѣ Китая. Танскій дворъ уже нуждается въ немъ и единственно съ помощью хуй-хэ успѣваетъ уничтожить мятежника *Ань-лу-шаня* 安祿山[2] при преемникахъ *Цзй-ло-хана*, сыновьяхъ его: *Мо-янь-чжо*[3] (756—759), получившемъ титулъ *Гэ-лэ-хань* (= Кучлукъ каганъ, по В. В. Радлову), и *И-ди-гянь* (по Parkery, Idiken) (760—789), имѣвшемъ титулъ *Мэ-юй-кэ-хань*. Рѣдко приходилось кочевникамъ брать за свои услуги столь большое вознагражденіе. Въ качествѣ друзей, помощниковъ и побѣдителей хуй-хэскія войска послѣ смерти *Ань-лунь-шаня* предались страшному грабежу и разбоямъ въ сѣверномъ Китаѣ и особенно въ Танской столицѣ *Ло-янь*. Китайское правительство было безсильно прекратить эти безпорядки оружіемъ и вынуждено было откупаться подарками. Предводители кочевниковъ получили обычные угощенія, титулы и грамоты и увели свои отряды вновь въ степь. Значеніе хуй-хэцевъ при дворѣ въ это время, очевидно, усиливается. Въ слѣдующемъ же 760 году ихъ посланникъ *Гюй-лу-мо-хэ-да-гянь* (= Кучлукъ-Мокэ-Тарханъ, по В. В. Радлову) затѣваетъ споръ при дворѣ по мѣстническимъ вопросамъ, требуя для себя высшаго ранга, сравнительно съ другими кочевниками[4], а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проситъ и выдачи за хана *Мо-янь-чжо* царевны. Оба желанія получили полное удовлетвореніе. Невѣста была отослана въ степи и принята пышно. Въ отвѣтъ и въ благодарность за такое вниманіе *И-ди-гянь* отправилъ въ Китай свое посольство съ извѣстіемъ о покореніи владѣнія *Цзянь-гунь* (Гянгунь) 堅昆[5].

---

1) В. В. Радловъ, Op. cit., p. 91—72; Bretschneider, I, прим. 549.

2) По E. Parker'y, Amroshar.

3) *Гу-цзинь-ту-шу* Ib. л. 8. *Су-цзунъ-бэнь-цзи*; Iак. 384—389.

4) E. Parker пишетъ, что это былъ споръ съ посланникомъ абассидскаго халифа.

5) *Гу-цзинь-ту-шу* Ib. л. 8. Iак. 389—391. Подроб. о *Цзянь-гунь* или *хакасах* см. *Гу-цзинь-ту-шу*, цз. 61 л. 1—3; Iак. стр. 442—449.

Участіе хуй-хэскихъ племенъ въ усмиреніи мятежниковъ въ это время еще не окончилось. Мѣсто убитаго *Ань-лу-шаня* занялъ сынъ его *Ань-цинь-сюй* 安慶緒 и продолжалъ дѣло отца. Но императорское войско, подкрѣпленное отрядами Моянь-чжо, скоро обратило его въ бѣгство.

Противъ *Ань-цинь-сюя* возсталъ тогда одинъ изъ его приближенныхъ *Ши-сы-минъ* 史思明; онъ убилъ своего патрона и объявилъ себя королемъ новаго государства *Янь* 燕. Въ трехъ областяхъ: *Ху-нани*, *Хуай-нани* и *Цзянь-нани* оставалось тогда еще много сторонниковъ *Ань-лу-шаня*, не подчинявшихся Танскому правительству; въ войскѣ послѣдняго царила анархія и и распущенность; дисциплина исчезла совершенно [1]).

Понятна при такомъ положеніи дѣла необходимость для императоровъ держаться за кочевниковъ и дорожить ихъ помощью. Смѣна узурпаторовъ не прекращалась, и едва правительство успѣвало управиться съ однимъ, какъ на его мѣсто возставалъ другой. *Ши-сы-мина* смѣнилъ сынъ его *Ши-чао-и* 史朝義, который былъ разбитъ соединенными императорскими войсками и казненъ въ 762 году [2]).

Однако появленіе хуй-хэскихъ войскъ не было особою радостью для обитателей территоріи Китая, да и сами императоры часто не знали, что имъ дѣлать съ своими союзниками. Такое впечатлѣніе получается отъ краткихъ извѣстій китайскихъ лѣтописей о пребываніи хуй-хэскихъ войскъ въ Китаѣ. Мы читаемъ: «Въ 9-й лунѣ въ 1-й годъ правленія *Бао-инъ хуй-хэскій Дэнъ-ли* 登里 ханъ, предводительствуя своими войсками, пришелъ помочь Китаю разбить мятежниковъ, и было приказано исторіографу (史大夫) *Шанъ-хэнъ-сюань* 尚衡宣 успокоить его» [3]). Что за странность, почему нужно успокоивать союзниковъ, помогающихъ усмирять мятежниковъ? Отвѣтъ на это даетъ біографія одного государственнаго человѣка, очевидца

---

1) Fries, Abriss.... p. 167—168.

2) *Гу-цзинь-ту-шу*; Іакинфъ, 393—396.

3) *Гу-цзинь-ту-шу* Іb. л. 9. Ср. *Цзю-танъ-шу*, *Дай-цзунъ-бэнь-цзи*.

событій, *Ма-суй* 馬遂. Въ правленіе *Бао-динъ* правитель округа *Цзэ-чжоу* 澤州 и области *Лу-ань-фу* 潞安府 *Ли-бао-юй* 李抱玉, исполняя свои обязанности, успокоилъ городъ *Чжао-чэнъ* 趙城, очистивъ его отъ мятежниковъ. Въ это время *хуй-хэ* (союзники Китая), самовольно проходя по данной мѣстности и надѣясь на свои силы, грабили города, области и уѣзды; предоставляемый имъ провіантъ они брали не считая; убивали людей, захватывали драгоцѣнности и всѣ кормовые запасы. Жители не могли даже показываться наружу изъ домовъ. Тогда *Ма-суй* самъ попросилъ разрѣшенія привести въ порядокъ дѣла. Онъ прежде всего подкупилъ хуй-хэскихъ старѣйшинъ, заключивъ съ знаменитымъ начальникомъ условіе, чтобы казнить смертью всякаго, кто будетъ нарушать ихъ приказанія. Этимъ онъ сталъ сразу на прочную почву съ юридической стороны, потому что у кочевниковъ обычное право въ военное время отличается драконовской строгостью. Дальше ему нужно было только установить мѣры наказаній и воспользоваться сторонними благопріятными для его цѣли обстоятельствами. Система его по отношенію къ кочевникамъ была карательная въ высшей степени. Онъ казнилъ важныхъ преступниковъ безъ милости, виновныхъ въ незначительной степени разсылалъ по разнымъ отдаленнымъ пограничнымъ мѣстамъ, лишая ихъ такимъ образомъ возможности продолжать свои злодѣянія, а плѣнные, захваченные при столкновеніяхъ съ шайками грабителей, подвергались безпощадному избіенію. Всѣми этими мѣрами былъ наведенъ такой безграничный ужасъ на кочевниковъ, что они уже не знали, что имъ дѣлать, и всего менѣе осмѣливались предаваться прежнимъ жестокостямъ [1]). Трудно рѣшить, была ли польза Китаю отъ вмѣшательства и помощи кочевниковъ? Правда, они помогли правительству сломить своихъ враговъ, но за то внесли въ предѣлы сѣверныхъ провинцій такіе грабежи и неистовства, которые дѣлали ихъ гораздо вреднѣе мятежниковъ [2]). Но безсильный противъ ихъ ордъ импе-

1) *Гу-цзинь-ту-шу*. Ib. л. 9—10; *Синь-танъ-шу, Ма-суй-чжуанъ*.
2) Iак., 398—399.

раторъ *Дай-цзунъ* могъ усмирять ихъ только раздачами титуловъ [1]) и другими наградами, что, конечно, еще болѣе раздражало аппетитъ кочевниковъ. Скоро однако произошло обстоятельство, совершенно неожиданно превратившее хуй-хэскія племена изъ союзниковъ во враговъ Китая. Несправедливое отношеніе императора къ одному изъ знаменитыхъ боевыхъ генераловъ, уже ранѣе прославившемуся въ борьбѣ съ мятежниками, *Пу-гу-хуай-энь* 僕固懷恩 (по Parker'y Bukku), вывело послѣдняго изъ терпѣнія. Онъ подалъ прошеніе императору, гдѣ обвинилъ себя въ шести преступленіяхъ, назвавъ этимъ именемъ свои услуги государству. Послѣ разбора дѣла *Хуай-энь* долженъ былъ бѣжать къ хуй-хэсцамъ и ту-фанямъ 吐蕃, или тибетцамъ [2]), и возбудилъ ихъ къ походу противъ Китая [3]). Смерть его помѣшала тому, чтобы новое несчастіе разразилось надъ Китаемъ. Полководцу *Го-цзы-и* 郭子儀 [4]) удалось привлечь на свою сторону хуй-хэсцевъ; вмѣстѣ съ ними онъ напалъ на тибетцевъ, нанесъ имъ пораженіе и прогналъ назадъ [5]).

Новыя данныя объ этомъ столкновеніи китайцевъ съ кочевниками самыхъ разнородныхъ племенъ мы черпаемъ изъ жизнеописанія императора *Дай-цзуна* и біографіи главнаго государственнаго дѣятеля во всей этой исторіи — *Го-цзы-и*. Въ 1-й годъ правленія *Юнъ-тай* (765) высочайшимъ указомъ *Го-цзы-и* былъ назначенъ главнокомандующимъ въ области *Хэ-нани*, и ему велѣно было отправиться въ походъ усмирять земли по *Хуанъ-хэ*. Князь аймака *Пу-гу-хуай-энь*, заключивъ союзъ съ *ту-фанями* 吐蕃, *хуй-хэ*, *данъ-ханъ* 党項 [6]), *цянъ* 羌 [7]), *хунь* 渾, *ну-ли* 奴剌 [8])

1) Въ это время *Мо-янь-чжо* получилъ титулъ Дэпъ-ли-хана.

2) Fries, Ib. p. 163, почему-то пишетъ «Turfanen», очевидно, разумѣя подъ ними жителей Турфана, но это совершенно ошибочно.

3) *Гу-цзинь-ту*, 10—11; Іак. 399—401.

4) E. Parker на неизвѣстномъ мнѣ основаніи полагаетъ, что *Го-цзы-и* былъ несторіанинъ.

5) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ib.; Іакиноъ, Собраніе свѣд., 399—402. Онъ-же, Исторія Тибета и Хухунора. Т. I, стр. 211—215.

6) Читается такъ вмѣсто *Дань-сянъ*: племя, которое, повидимому, дало названіе тангутамъ. Палладій, Кит.-русск. слов., т. I, стр. 154.

7) Тангуты.

8) Неизвѣстное намъ племя.

и другими племенами, въ количествѣ 300,000 человѣкъ, начали разграблять земли по рѣкѣ *Цзинъ* 涇 (въ *Ганъ-су*), именно округа *Фынъ-чжоу* 邠州, *Лянь-чжоу* 豳州, *Фынъ-чжоу* 鳳州 и *Сянъ-чжоу* 翔州, вошли въ *Ли-цюань* 醴泉 и привели въ ужасъ даже императорскую столицу. Тогда императоръ предписалъ явиться съ войскомъ *Ли-чжунъ-чэню* 李忠臣 на р. *Вэй* 渭 (въ *Шань-си*), *Ли-гуанъ-цзиню* 李光進 въ *Юнь-янъ-мынь* 雲陽馬璘, *Чи-тинъ-юю* 郝廷玉 въ *Бянь-цяо-лу* 便橋路. По прежде сдѣланнымъ представленіямъ, указано было *Ли-жи-юю* 李日越 собрать войска въ мѣстности *Чжоу-чэнь* 盩厔 (въ *Шэнь-си*); *Ли-бао-юй* 李抱玉 въ *Фынъ-чжоу* 鳳州 и *Сянъ-чжоу* 翔州; *Чжоу-чжи-гуану* 周智光 въ *Тунъ-чжоу* 同州, а *Ду-мяню* 杜冕 въ *Фанъ-чжоу* 坊州. Императоръ лично принялъ начальство надъ войсками въ облавныхъ мѣстностяхъ. Поспѣшно вызвали также *Го-цзы-и* и вручили ему начальство надъ войскомъ въ *Цзинъ-янъ* 涇陽 въ количествѣ 10,000 человѣкъ. Всѣ войска, дойдя до *Лу-цзи-вэй* 鹿騎圍, соединились и встрѣтились съ ордами кочевниковъ; и *Го-цзы-и*, окруженный свитою въ 2000 конныхъ латниковъ, направился въ самую средину непріятельскаго войска для переговоровъ. *Хуй-хэ*, увидя его, изумленные, спрашивали: «Это кто?» Имъ отвѣчали: «*цунъ Го-цзы-и*». Они испугавшись спросили: «Развѣ гунъ еще живъ? *Хуай-энь* сказалъ, что императоръ оставилъ управленіе вселенной, а *Го-цзы-и* умеръ, и что въ Китаѣ нѣтъ правителя. Потому-то мы и пришли. А теперь оказывается: государь живъ и *Го-цзы-и* живъ, не такъ ли?» Имъ отвѣтили утвердительно. Тогда хуй-хэсцы образумившись сказали: «Стало быть, онъ (т.-е. *Хуай-энь*) обманулъ насъ?» Тогда *Го-цзы-и* произнесъ къ кочевникамъ увѣщаніе: «Прежде», сказалъ онъ, «*хуй-хэ* переходили за 10,000 ли, чтобы наказывать преступниковъ и помочь намъ вернуть въ свои руки обѣ столицы, и я, счастливый, держалъ въ рукахъ оружіе вмѣстѣ съ ними. Теперь же они оставили старое доброе направленіе и помогаютъ мятежникамъ. А я почему бы безразсудно измѣнилъ государю и нару-

шлъ дружескія отношенія къ *хуй-хэ?*» Такою ловкою постановкою вопроса *Го-цзи-и* далъ понять, что правительство согласно на мирные переговоры и вовсе не расположено къ безцѣльнымъ военнымъ дѣйствіямъ. И *хуй-хэ* отлично поняли это, потому что они отвѣчали: «Намъ сказали раньше, что гуна нѣтъ въ живыхъ; это оказывается неправдою. Почему же теперь доводить дѣло до такой постановки (т.-е. до измѣненія хорошихъ отношеній)? Теперь наши взгляды правильны ли, и *Го-цзы-и*, выйдя отъ насъ, будетъ ли говорить направо и налѣво, что не должно довѣрять звѣриному сердцу варваровъ?» *Го-цзы-и* сказалъ: «Кочевники нѣсколько десятковъ разъ поступали подобнымъ образомъ; нынѣ они не противятся, и я объявлю вездѣ объ ихъ искреннихъ намѣреніяхъ; прошу, чтобы 500 всадниковъ слѣдовали за мною». Не слышавшіе его призыва закричали: «Пришелъ нашъ почтенный гунъ, кочевники всѣ полностію готовы и ждутъ тебя!» Тогда *Го-цзы-и* въ сопровожденіи нѣсколькихъ десятковъ всадниковъ, снявъ латы, вышелъ на показъ всѣмъ. Главный старшина инородческій сказалъ ему: «Солидарность между князьями, постоянная и неизмѣнная, — дѣло очень трудное. Почему бы намъ не забыть этого случая невѣрности долгу и не возобновить прежнихъ хорошихъ отношеній? Что касается до хуй-хэцевъ, то они уже оставили его». При этихъ словахъ войско сошло съ лошадей, поклонилось и сказало *Го-цзи-и:* «Дѣйствительно, ты нашъ отецъ!» *Го-цзи-и* тотчасъ приказалъ подать вина и шелковыхъ матерій для радостной клятвы по случаю возстановленія прежнихъ добрыхъ отношеній. Потомъ онъ сказалъ: «*Ту-фани* первоначально были въ родственныхъ отношеніяхъ къ намъ, какъ племянники къ дядьямъ, и не выказывали неблагодарности; нынѣ же они пришли, забывъ родственныя отношенія, съ враждебными намѣреніями. Лошади и рогатый скотъ растянулись у нихъ на нѣсколько сотъ ли, и если, взявъ оружіе, отправиться на нихъ и взять у нихъ немного, то это безошибочно можно считать даромъ неба. Кромѣ того, напавъ на тибетцевъ, получить съ нихъ добычу и вмѣстѣ съ тѣмъ со мною войти

въ хорошія отношенія — не два ли это прекрасныхъ для васъ случая? Союзные отряды, свирѣпствовавшіе раньше вмѣстѣ съ *Хуай-энь*, теперь разсыпались, какъ потерявшіе взаимное довѣріе и согласіе; они подозрѣваютъ другъ друга въ коварствѣ, а потому ту-фани, опасаясь измѣны, не рѣшаются выступать и вести военныя дѣйствія ночью». Заманчивая перспектива богатаго грабежа, нарисованная *Го-цзы-и*, соблазнила хуй-хэсцевъ. Изъ союзниковъ ту-фаней они превратились въ ихъ враговъ, и *Го-цзы-и* послалъ одного изъ своихъ подчиненныхъ Бай-юань-гуана 白元光 вмѣстѣ съ *хуй-хэ* противъ ту-фаней. Они напали на 100.000 арміи послѣднихъ и разбили ее при *Линь-тай* 靈臺 на голову. 50.000 человѣкъ враговъ было убито, 10.000 взято въ плѣнъ, весь лагерь разграбленъ, и мужчинъ, женщинъ, рогатаго скота, барановъ, лошадей, верблюдовъ было захвачено въ немъ безъ счета. Такой успѣхъ всего предпріятія вызвалъ поѣздку самого *Го-цзы-и* изъ Цзинъ-яна 涇陽 ко двору. Тамъ онъ представилъ императору 200 инородческихъ семей и возвратился назадъ въ свою область[1]). Императоръ далъ тогда хану титулъ: *Цзь-ду-Дэнь-ли Гу-чжэ-ми-ши Инь-и-гянь-кунъ Би-цзя-ханъ* (= Кэтъ айдынлыкъ кӱчкэ монмишъ јинъ и гянь-кунъ пэкъ-каганъ, т.-е. достигшій блистательнѣйшаго могущества, инъ-и гянь-кунъ господинъ и ханъ, по В. В. Радлову).

Однако и съ *хуй-хэ* не пришлось раздѣлаться Китаю одною ту-фаньскою добычею. Въ томъ же 765 году, въ 10-й лунѣ подъ цикл. знаками 壬午 былъ объявленъ налогъ въ 100 казенныхъ чоховъ и въ 100.000 кусковъ полотна и тафты, чтобы наградить союзныхъ хуй-хэсцевъ. Извѣстно затѣмъ, что въ той же лунѣ подъ знаками 乙酉 хуй-хэскій главноуправляющій *Ху-лу* 胡祿都督 приходилъ для представленія ко двору; слѣдовательно, мирныя сношенія Китая съ *хуй-хэ*, нарушенныя раньше, опять возобновились[2]). Съ китайской стороны также поддерживались отношенія этого рода. Въ 3-й годъ *Да-ли* (768) умерла

1) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ib. л. 11—12. *Синь-тан-шу*, *Го-цзы-и-чжуань*.

2) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ib. л. 10—11. *Цзю-тан-шу*, *Дай-цзунъ-бэнь-цзи*.

ханша *Гуанъ-цинь* 光親, и императоръ отправилъ чиновника *(ю-сань-ци-чанъ-ши) Сяо-синь* 蕭昕 съ бунчукомъ для утѣшенія и жертвоприношеній къ *хуй-хэ*.

Кочевники, надѣясь на свои заслуги императорскому дому, начали дѣлать выговоръ *Сяо-синю*: «Мятежъ въ Срединномъ царствѣ погашенъ не безъ нашего участія», сказали они, «почему же лошади, назначающіяся въ продажу, не возвращены своевременно намъ, дѣйствующимъ столь искренно?» *Сяо-синь*, не ожидая такой дерзости, измѣнился въ лицѣ, но отвѣчалъ съ достоинствомъ: «Императорскій дворъ признаетъ за разбойниками заслуги съ большимъ трудомъ, и если есть хотя малѣйшій поводъ, онъ уже не высылаетъ наградъ, тѣмъ болѣе въ отношеніи къ сосѣднимъ государствамъ. *Пу-гу-хуай-энь* склонилъ къ возмущенію вашихъ начальниковъ, и вы вмѣстѣ съ нимъ принесли намъ бѣдствія. Кромѣ того, вы привели ту-фаней, свирѣпствовавшихъ въ нашихъ пригородахъ и императорскихъ селеніяхъ. И только когда ту-фани были разбиты, хуй-хэсцы испугались, раскаялись и кланялись, прося мира. И вы не имѣете права говорить, что императоръ не высказывалъ благодарности и милости за старыя заслуги. Хотя лошади и не успѣли еще дойти сюда, но онѣ уже вышли изъ Застѣннаго Китая. Итакъ, кто же не оправдалъ довѣрія?» *Хуй-хэ* сильно сконфузились послѣ такой рѣчи, и отъ нихъ посланъ былъ ко двору посолъ [1]).

Въ это время самомнѣніе и необузданность хуй-хэсцевъ дошли до высшихъ предѣловъ. Танскій дворъ въ безсиліи ухаживаетъ за ними. Въ 4-й годъ правленія *Да-ли* дочь бывшаго мятежника *Пу-гу-хуай-энь* возводятъ въ званіе царевны *Чунъ-хуй* 崇徽公主 и выдаютъ замужъ за хуй-хэскаго хана; при этомъ отправляютъ въ орду съ граматой совѣтника военнаго министерства *Ли-хань* 李涵 [2]). Такимъ образомъ всѣ прежнія обиды, нанесенныя правительству, остаются забытыми и не отмщенными. Понятно, что кочевники, чувствуя подъ собою такую твердую

1) *Гу-цзинь-ту-шу*, Іѣ. л. 12. *Синь-танъ-шу, Сяо-синь-чжуанъ*.

2) *Гу-цзинь-ту-шу*, Іѣ. л. 12. *Цзю-танъ-шу, Дай-цзунъ-бэнь-цзи*.

почву, подвергали тѣмъ временемъ Китай страшнымъ грабежамъ и расхищеніямъ. Такъ, въ 4-й годъ правленія *Да-ли* (769) въ 1-й лунѣ хуй-хэскіе посланцы пришли въ кумирню *Хунъ-лу-сы* 鴻臚寺 и подвергли разграбленію поселокъ и базаръ. Чиновники не могли остановить ихъ. Они безумно требовали золота. Всѣ ворота императорскаго города были заперты, и кочевниковъ умоляли оставить страну. Дѣло, очевидно, происходило въ *Чанъ-ани*. Полгода спустя хуй-хэскіе же купцы разграбили уѣздъ *Чанъ-ань*; приказано были уговаривать ихъ, но чиновники оказались безсильными [1]). Въ 10-й годъ пр. *Да-ли* (775), въ 9-й лунѣ хуй-хэсцы убили бѣлымъ днемъ на базарѣ чиновника. Ихъ схватили и посадили въ тюрьму на вѣчное заключеніе. Тогда хуй-хэскій старшина *Чи-синь* 赤心 явился съ войскомъ, ворвался въ тюрьму и выпустилъ заключенныхъ, избивъ и изранивъ тюремныхъ чиновниковъ и стражу [2]).

Танскому правительству становилось очевиднымъ, что съ кочевниками миромъ поладить невозможно, и что они не остановятся на мелкихъ разбояхъ, а пойдутъ дальше. Дѣйствительно, въ 13-й годъ *Да-ли* (778) *хуй-хэ* вторглись въ область *Бинъ-чжоу* 并州 и нанесли сильное пораженіе при *Янъ-цюй* 陽曲 хэ-дунскому 河東 главноуправляющему *Бао-фанъ* 鮑防. Заспмъ губернаторъ округа *Дай-чжоу* 伐州 *Чжанъ-гуанъ-шэнъ* 張光晟 разбилъ ихъ при долинѣ *Янъ-ху-гу* 羊虎谷 и прогналъ на сѣверъ [3]). Несмотря однако на это пораженіе, *хуй-хэ* были очень сильны во времена танскаго *Дай-цзуна*. Ихъ ханъ *Дэнъ-ли* (или *Мо-янь-чжо*) уже не довольствовался простотою кочевого быта. Познакомившись съ роскошью китайскаго двора, онъ строитъ себѣ столицу [4]), дворецъ и знакомитъ своихъ подданныхъ со всѣми

1) *Гу-цзинь-ту-ту*, ib., л. 12. *Цзю-танъ-шу*, *Дай-цзунъ-бэнь-цзи*.

2) Ibidem. *Цзю-танъ-шу*, *Дай-цзунъ-бэнь-цзи*. Этотъ фактъ оказывается пропущеннымъ у о. Іакиноа, хотя онъ имѣется въ *Хуй-хэ-бэнь-чжуань*. Это единственный пропускъ, встрѣчающійся у Іакиноа изъ даннаго отдѣла лѣтописей.

3) *Гу-цзинь*, Ib. л. 13; Іак. 403; *Танъ-шу*, *Дай-цзунъ-бэнь-цзи*.

4) Іакиноъ, Записки о Монголіи, ч. III, стр. 142—143. Дэнъ-ли-ханъ построилъ тотъ самый подъ Хангаемъ городокъ, который впослѣдствіи Чингисъ-ханъ

удобствами и роскошью, которыя приняты были за Великой стѣной при Танскомъ дворѣ. Скоро однако (въ 780 г.) его свергаетъ съ престола министръ *Дунь-мо-хэ-да-ганъ* 頓莫賀達干 (*Тунъ-мокэ-тарханъ* у В. В. Радлова; у Parker'a — Durmogho) и занимаетъ его мѣсто, принявъ титулъ *Кетъ-кутлукъ-пэкъ-каганъ* (очень счастливый князь и ханъ), по В. В. Радлову. Вступленіе на престолъ этого государя сопровождалось особыми обстоятель-

---

имѣлъ столицею подъ названіемъ Харахоринъ, по-туркестански: Кара-корумъ. Въ *Ду-ши-фанъ-юй-цзи-яо*, цз. 45, л. 5, мы находимъ сводъ слѣдующихъ свѣдѣній о судьбѣ 和林城 Хэ-линь-чэна, или того же Каракорума. *Хэ-линь-чэнъ* находится на сѣверѣ степи въ 1000 слишкомъ ли. Это древній городъ со временъ Танской династіи хуй-хускаго Би-цзи-кэ-хана. Монголы сначала имѣли здѣсь столицу, и такъ какъ на западъ отсюда есть рѣчка *Ха-ла-хо-линь*, то отсюда и имя города. *Чжи* (*Дай-цинъ-и-тунъ-чжи*?) говоритъ: Прежде у монголовъ былъ нѣкто Буданцаръ, его аймакъ находился на сѣверѣ *У-хуань* вмѣстѣ съ *вэй-ло* 畏羅, найманами и 9 родами *хуй-ху*, пограничио съ древнимъ городомъ *Хэ-линь*. Поколѣнія представляли дань Ляосцамъ и Цзиньцамъ и находились подъ главенствомъ *Ли-тань* 韃靼. При Ѣсукаѣ аймакъ *Та-та* 塔塔 началъ усиливаться; онъ возвратился къ *Дь-ли-вэнь-нань-то-шань* 跌里温盤陀山 и произвелъ Темучина. Позднѣе Темучинъ усилился, сталъ великимъ Темучиномъ, назвался императоромъ и сдѣлалъ *Хэ-линь* мѣстомъ своего сейма. Во 2-й годъ Сунскаго *Цуань-пинъ* (1235), при монгольскомъ государѣ Угэдэѣ 窩闊始, городъ имѣлъ въ окружности около 5 ли и уже назывался *Юань-чанъ-лу* 元昌路, а вслѣдъ за симъ былъ учрежденъ *Чжуань-цзюнь-хэ-линь-ши-сы* 轉運和林使司. Въ началѣ правленія *Чжунъ-тунъ* (1260—1264) измѣнили управленіе въ *Сюань-вэй-сы* 宣慰司 и *Ду-юань-шуай-фу* 都元帥府. За симъ отдѣлили отъ *Ду-юань-шуай-фу* мѣстность по южную сторону Алтая и оставили *Сюань-вэй-сы*. Въ 27 годъ *Чжи-юань* (1290 г.) опять установили *Ду-юань-шуай-фу*. Въ 11-й годъ *Ди-дэ* (1307) учредили округъ *Хэ-линь-синъ-чжунъ-шу-шэнъ* 和林行中書省 съ главнымъ управленіемъ *Хэ-линь-цзунъ-туанъ-фу* 和林總管府. Во 2-й годъ *Чжи-да* (1309) опять отмѣнили *Синъ-чжунъ-шу-шэнъ* и основали *Синъ-шанъ-шу-шэнъ* 行尚書省, потомъ опять измѣненное. Въ правленіе *Хуанъ-цинъ* (1312—1314) основали *Линъ-бэй-синъ-чжунъ-шу-шэнъ* 嶺北行中書省, а *Хэ-линь-лу* 和林路 сдѣлали *Хэ-нинъ-лу* 和寧路.

Въ нѣсколько сокращенномъ видѣ тѣ же данныя мы читаемъ въ *Гу-цзинь-шу-шу-цзи-чэнъ*, *Бянь-и-дянь*, цз. 120.

Бэй-фанъ-чжу-ю-цзунъ-бу-хуй-као-эрл, л. 2.

ствами и должно быть отмѣчено, какъ особое явленіе въ исторіи царствующаго дома *хуй-хэ*. Извѣстно, что изъ всѣхъ родовъ хуйхэскаго племени особымъ почетомъ и преимуществами пользовались девять родовъ. Изъ нихъ роду *Ло-ло-гэ* принадлежало право ставить изъ своей среды государя. Подобныя явленія заурядны въ жизни кочевниковъ. Въ личности *Дунь-мо-хэ* мы видимъ представителя какого-то другого рода, который, видимо, старается ослабить вліяніе девяти главныхъ родовъ, посему и вся исторія правленія *Дунь-мо-хэ* полна столкновеніями съ этими привиллегированными родами. *Дунь-мо-хэ* протестуетъ противъ набѣга на Китай, проектированнаго именно этими «*ху* девяти родовъ» 九姓胡. Когда съ нимъ не соглашаются, онъ убиваетъ *Дэнъ-ли* хана и вмѣстѣ съ нимъ 2000 человѣкъ. Вслѣдъ за симъ происходитъ крайне запутанное столкновеніе на границѣ Китая, едва не вызвавшее новыхъ особыхъ осложненій во взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ государствъ. Въ *Чанъ-ани* было въ то время посольство *хуй-хэ* изъ 1000 человѣкъ, во главѣ котораго стоялъ *Ту-дунъ И-ми-ши* 突董翳密施, родной дядя *Дунь-мо-хэ* по отцу. Они возвращались домой въ орду, когда дошли до нихъ вѣсти объ избіеніи членовъ девяти родовъ. Принадлежавшіе къ тѣмъ же родамъ члены посольства не хотѣли возвращаться въ орду, опасаясь, что и ихъ постигнетъ та же участь. Но *Ту-дунъ*, видимо, не согласенъ былъ съ ними и хотѣлъ ѣхать домой; онъ относился очень строго къ тѣмъ членамъ своего посольства, которые были изъ числа высшаго сословія *ху*[1]). Въ это время

---

1) Здѣсь мы расходимся въ переводѣ съ о. Іакинѳомъ (стр. 406) и строимъ предложеніе въ текстѣ такимъ образомъ 突董察視嚴亟羣胡 *Ту-дунъ-ча-ши-янь-цзи-цзюнь-ху*. О. Іакинѳъ въ этомъ мѣстѣ оставляетъ безъ перевода іероглифы 亟羣, а іер. 胡 дѣлаетъ подлежащимъ слѣдующаго предложенія. Намъ же думается, что 胡 будетъ дополненіемъ, а подлежащее слѣдующаго предложенія подразумѣвается. Иначе мы не можемъ объяснить ни исторіи съ Ту-дуномъ, ни междоусобій въ ордѣ. О. Іакинѳъ пишетъ: «*Ху* представили военному начальнику *Гуанъ-шэнъ* предлогъ, подъ которымъ просили казнить всѣхъ Ойхоровъ девяти родовъ». Но вѣдь *Ху* сами принадлежали къ девяти родамъ; какъ же они просили казнить себя самихъ или своихъ родичей

изъ орды прислали просьбу китайскому главноуправляющему *Гуанъ-шэну* казнить всѣхъ членовъ посольства, принадлежащихъ къ девяти родамъ. *Гуанъ-шэнъ* согласился, но лично самъ въ междоусобіяхъ кочевниковъ увидѣлъ удобный моментъ для нанесенія имъ болѣе чувствительнаго удара. Его представленіе императору дышало подобною мыслью, и раньше чѣмъ пришелъ отвѣтъ изъ столицы, онъ избилъ все посольство съ Ту-дуномъ во главѣ и отнялъ всѣ пожалованныя имъ вещи. Дворъ однако посмотрѣлъ на дѣло другими глазами. *Гуанъ-шенъ* былъ уволенъ отъ должности, и на его мѣсто назначенъ *Пэнъ-линъ-фанъ* 彭令芳, а въ пространныхъ объясненіяхъ по дѣлу Танскій дворъ, чувствуя свое безсиліе предъ кочевниками, призналъ необходимымъ удовлетворить всѣ претензіи *хуй-хэ*. *Дунь-мо-хэ* впрочемъ не нашелъ нужнымъ требовать кроваваго удовлетворенія, а взялъ лишь огромную контрибуцію въ возмездіе за избіеніе сторонниковъ той партіи, которая ему же была вредна въ ордѣ. Онъ такимъ образомъ остался въ наибольшемъ выигрышѣ[1]). Но китайскій дворъ также не желалъ сносить равнодушно всѣхъ тѣхъ вольностей, которыя позволяли себѣ за послѣднее время *хуй-хэ*. Посему, когда въ 783 году явилось посольство отъ послѣднихъ къ императору Дэ-цзуну 德宗 съ просьбою о мирѣ и родствѣ, то императоръ не хотѣлъ и слышать ни о чемъ подобномъ. Произошли крупныя объясненія и переговоры, и, только благодаря умѣнью и дипломатической ловкости министра-делегата

и единомышленниковъ, которые для нихъ же везли изъ Пекина богатую добычу? О. Іакинѳъ самъ видѣлъ это противорѣчіе и посему прибавилъ въ примѣчаніи поясненіе: «изъ орды» (ib.). По нашему мнѣнію, представленіе изъ орды шло совсѣмъ не отъ *ху*, а отъ рода, къ которому принадлежали *Дунь-мо-хэ* и *Ту-дунъ*, и которому былъ прямой расчетъ уничтожить своихъ соперниковъ. *Ту-дунъ* лично сочувствовалъ этому, но былъ убитъ вмѣстѣ съ другими *Гуанъ-шэномъ*, думавшимъ только о томъ, какъ бы истребить побольше кочевниковъ на пользу своей родинѣ. Изъ-за *Ту-дуна*, т. е. изъ-за убіенія его одного, возникли позднѣе и неудовольствія съ Танскимъ дономъ, а объ остальныхъ самъ *хуй-хэскій* министръ сказалъ, что «посланники по своей винѣ заслуживали смерть» (Стр. 407).

1) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ib. л. 13—14. *Цзю-танъ-шу*, *Дэ-цзунъ-бэнъ-цзи*. Іак., стр. 405—408.

Ли-би 李 祕[1]), неудовольствія были улажены, при чемъ императоръ, отложивъ походъ на сѣверъ степи, возобновилъ мирный трактатъ съ *хуй-хэ* и выдалъ за *Дунь-мо-хэ* хана царевну *Сянь-ань*.

Къ разсказу объ этомъ посольствѣ, находящемуся у о. Іакиноа, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя поясненія и дополненія по *Синь-танъ-шу*. При внимательномъ чтеніи рѣчи *Ли-би* къ императору по переводу о. Іакиноа бросается въ глаза какой-то логическій скачокъ и безсвязность фразъ послѣ словъ: «Я и теперь удивляюсь, къ чему было идти на очевидную опасность.....». Слѣдующая фраза совершенно не вяжется и не вытекаетъ изъ хода рѣчи. Объясняется это довольно значительнымъ пропускомъ въ текстѣ *Цзю-танъ-шу*, что восполнено въ новой Танской исторіи. Послѣ приведенныхъ словъ слѣдуетъ читать слѣдующее: «Я былъ тогда начальникомъ кавалеріи въ войскѣ императора, вашего предка. *Б-ху* 葉 護 пришелъ съ отрядами *хуй-хэ*. Императоръ, вашъ предшественникъ, согласился устроить для него праздникъ въ трибуналѣ. Когда начали совѣщаться о походѣ, то его въ совѣтъ не позвали. Принцъ *Б-ху* просилъ императора послать меня въ его лагерь, но императоръ отказалъ ему, сказавъ ласково: «Не гость угощаетъ хозяина, а хозяинъ гостя». Послѣ того какъ *хуй-хэ* исторгли изъ рукъ бунтовщиковъ восточную столицу, императоръ приказалъ сказать имъ, что земля и народъ должны быть возвращены ему, а богатства и плѣнницы — отданы хуй-хэцамъ. *Б-ху* послѣ побѣды, одержанной надъ мятежниками его войсками, хотѣлъ все предать грабежу. Императоръ *Дай-цзунъ* 伐 宗 (онъ былъ тогда еще полководецъ) сошелъ съ лошади и привѣтствовалъ *Б-ху*, стоя на колѣняхъ. *Б-ху* повернулъ тогда къ востоку и пошелъ противъ мятежниковъ восточной столицы. Мнѣ стыдно было видѣть, что главнокомандующій унижался до такой степени. Императоръ, вашъ предокъ, любезный и благочестивый, самъ долженъ былъ

1) Странно, что о. Іакинфъ пишетъ это имя *Ли-ми* (стр. 408).

разобрать эти дѣла. Онъ утѣшилъ и воодушевилъ принца *Ѣ-ху* присланнымъ къ нему указомъ. *Ѣ-ху* былъ дядя *Моу-юй-хана* 伞羽 (или *Дэнъ-ли-хана*), съ отцовской стороны. Когда *Моу-юй*-ханъ прибылъ лично въ Китай, Ваше Величество въ качествѣ наслѣдника имперіи, отказались привѣтствовать его на колѣняхъ въ его собственной палаткѣ, требуя, чтобы самъ ханъ воздалъ все должное вашему высокому сану. Посему Ваше Величество никогда не унижались предъ нимъ, а что касается до Вашего предшественника, то когда онъ привѣтствовалъ хана на колѣняхъ, онъ былъ еще генераломъ; должно также принять во вниманіе, что онъ своимъ униженіемъ спасъ столицу (отъ грабежа) и возвратилъ ее имперіи. Но Ваше Величество не привѣтствовали варваровъ на колѣняхъ, а заставили ихъ дрожать! Въ чемъ же въ такомъ случаѣ можетъ быть сомнѣніе? Но не будемъ думать о томъ, что произошло послѣ битвы при *Сянъ-цзи* 香积 въ палаткѣ хана у города *Шань-чжоу* 陕州. Не лучше ли, чтобы Ваше Величество наводили страхъ на варваровъ, чѣмъ унижались предъ ними? Когда *Шао-хуа* и другіе провожали Ваше Величество въ палатку хана, то варвары заперли лагерь и цѣлыхъ пять дней лишали Васъ питья. Вся имперія не была ли тогда въ постоянной скорби? Но Небо, въ своемъ верховномъ покровительствѣ вашему имени, укротило шакаловъ и волковъ и сдѣлало ихъ ручными. Мать *Моу-юй*-хана и самъ онъ сдѣлали Вамъ подарки изъ собольихъ мѣховъ и приказали приготовить подарочныхъ лошадей. Они даже лично провожали Ваше Величество до ограды лагеря. Я это говорю къ тому, что *Шао-хуа* и другіе оставили въ нерадѣніи свои обязанности, которыя они должны были выполнить для Вашего Величества. Но мы полагаемъ также, что виновникомъ всего былъ *Моу-юй*-ханъ, а онъ преданъ смерти нынѣшнимъ ханомъ, который доводится *Моу-юй*-хану дядею. Онъ оказалъ услугу имперіи, отмстивъ за ея поруганіе (прежнему хану): можно ли намъ забыть эту услугу? Кромѣ того хуй-хэскій ханъ поставилъ предъ входомъ въ свой лагерь мраморный памятникъ съ надписью: «Должно, чтобы китайскіе посланники, приходящіе сюда, знали,

что я не одинъ разъ оказывалъ услуги ихъ имперіи» 且回紇可汗銘石立國門曰唐使來當使知我前後功云. Въ настоящее время онъ проситъ руки принцессы крови, послѣ чего уйдетъ на югъ. Если же Ваше Величество откажете ему въ просьбѣ, то онъ непремѣнно придетъ съ своею арміею въ Китай. Потому лучше согласиться на бракъ» и т. д. по Іакинѳу, стр. 409 [1]).

Эта вставка, какъ и вся рѣчь *Ли-би*, даетъ намъ богатѣйшій матеріалъ для характеристики самыхъ различныхъ сторонъ китайской жизни въ данную эпоху. Она разъясняетъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ фактовъ въ сношеніяхъ Танскаго двора съ инородцами *хуй-хэ*, — именно, до какой степени безсилія доходилъ Танскій дворъ и какимъ поруганіямъ подвергался онъ со стороны кочевниковъ. Онъ же служитъ прекраснымъ образчикомъ китайскаго краснорѣчія и находчивости дипломата-министра и ставитъ загадочный психологическій вопросъ о характерѣ отношеній императора къ подданнымъ и подданныхъ къ императору и объ отношеніи ихъ обоихъ къ дѣйствительной жизни. Наконецъ, въ ней находится драгоцѣнное археологическое указаніе.

Начало исторіи en question относится еще къ царствованію императора *Су-цзуна* (756—763), дѣда *Дэ-цзуна*. Хуй-хэскія орды явились въ 762 году въ Китай подъ предводительствомъ *Б-ху* помогать Танскому двору противъ мятежника *Ши-чао-и* и предавались страшнымъ грабительствамъ. Начальникомъ надъ императорскою арміею былъ назначенъ князь *Юнъ-ванъ* 雍王, впослѣдствіи императоръ *Дэ-цзунъ*, а тогда бывшій наслѣднымъ принцемъ, а главными помощниками ему были даны *Цзы-анъ* 子昂, *Вэй-кюй* 魏琚 и *Вэй-шао-хуа* 韋少華. Въ городѣ *Шань-чжоу* 陝州 союзныя войска должны были соединиться. Но когда китайскіе военачальники съ наслѣднымъ принцемъ во главѣ явились въ лагерь *Дэнъ-ли* или *Моу-юй*-хана, послѣдній потребовалъ, чтобы *Юнъ-ванъ* сдѣлалъ ему поклоненіе. Уже тотъ фактъ, что не ханъ явился въ войско наслѣднаго принца, а послѣдній при-

1) *Гу-цзинъ-ту-шу*, Ib. л. 14. *Синь-танъ-шу. Хуй-хэ-бянь-чжуанъ.*

шелъ къ Моу-юю, былъ униженіемъ для китайцевъ. Теперь же ханъ требовалъ новаго неслыханнаго поруганія, и *Юнъ-ванъ* наотрѣзъ отказался выполнить его. Однако съ кочевниками, чувствовавшими свою силу, шутить было нельзя. *Моу-юй* приказалъ отпустить *Шао-хуа* и *Вэй-кюю* по сту палокъ, отчего они къ вечеру же умерли[1]), а наслѣднаго принца, какъ узнаемъ теперь изъ рѣчи *Ли-би*, продержалъ 5 дней въ заточеніи безъ воды. Однако онъ не добился своего и отпустилъ наконецъ *Юнъ-вана* домой. Кромѣ того, оказывается, что и отецъ Дэ-цзуна, императоръ *Дай-цзунъ*, долженъ былъ когда-то на колѣняхъ вымаливать у *Моу-юй*-хана пощады для столицы и спасать ее тѣмъ отъ разоренія и разграбленія. Сколько позора, сколько униженій для царственныхъ особъ! Вспомнимъ, какою темною страницею русской исторіи представляются намъ поѣздки великихъ князей въ татарскую орду для уплаты дани и вымаливанья пощады для родины; съ какимъ терпѣніемъ и настойчивостью подготовляли московскіе князья освобожденіе отъ этого унизительнаго обряда, и съ какою искреннею злобою и торжествомъ бросилъ въ лице ханскимъ посламъ разорванную на клочки грамоту хана Іоаннъ III, разрывая тѣмъ зависимость отъ орды. Аналогичный случай видимъ мы и здѣсь. Могъ ли *Дэ-цзунъ* забыть цѣлый рядъ оскорбленій, мукъ и пытокъ, нанесенныхъ этими варварами его родинѣ, его отцу и ему самому? Понятно, что по вступленіи на тронъ онъ долженъ былъ питать наслѣдственную ненависть къ кочевымъ ордамъ и ихъ правителямъ, и трудно было ожидать отъ него особаго имъ покровительства. Однако обстоятельства вынуждали его сдерживать свою нелюбовь къ *хуй-хэ* и чувствовать себя въ безусловной зависимости отъ нихъ. Посему, по вступленіи на престолъ онъ извѣщаетъ орду объ этомъ фактѣ, но когда ханъ прислалъ предложеніе выдать за него принцессу крови, *Дэ-цзунъ*, естественно, не могъ сразу согласиться на это, и только послѣ увѣщательной рѣчи министра *Ли-би* разрѣшилъ бракъ.

1) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ib. л. 9. Iак., стр. 395—397.

Интересны увѣщательные пріемы *Ли-би*. Вся рѣчь представляетъ собою наборъ самой безсовѣстной лжи и самаго безстѣнчиваго искаженія фактовъ и изображенія дѣйствительности совсѣмъ не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ она текла на самомъ дѣлѣ. Имперія была посрамлена хуй-хэсцами совершенно, отецъ и сынъ — императоры были послѣдовательно оскорбляемы и унижаемы, требованія кочевниковъ доведены до послѣдней степени наглости, обрушивалсь, въ случаѣ неудовлетворенія ихъ правительствомъ Китая, въ видѣ огня и меча на цѣлыя китайскія провинціи, императоръ полонъ злобы и ненависти къ своимъ врагамъ, — и о такихъ-то условіяхъ пришлось говорить *Ли-би*. Какъ же представляетъ онъ дѣло? Во-1-хъ, виновникомъ всѣхъ золъ былъ прежній ханъ *Моу-юй*, а не теперешній *Дунь-мо-хэ;* послѣдній, въ устахъ *Ли-би*, является даже героемъ-мстителемъ за поруганную имперію, хотя въ дѣйствительности онъ былъ простымъ узурпаторомъ, счастливо убившимъ своего соперника. Вторымъ виновникомъ являлся, по его словамъ, забитый до смерти *Шао-хуа*, который необдуманно завлекъ юнаго наслѣднаго принца за Желтую рѣку. Если *хуй-хэ* грабили Китай, то вѣдь богатства и плѣнницы завоеванныхъ у мятежниковъ земель имъ были отданы въ добычу самимъ императоромъ. Если отецъ Дэцзуна и унижался предъ ханомъ, то вѣдь онъ не былъ тогда еще на тронѣ; кромѣ того, онъ этимъ униженіемъ стяжалъ себѣ высшую славу самоотверженнаго избавителя цѣлой страны отъ разграбленія. Самъ же *Дэ-цзунь* не становился на колѣни, и потому нельзя считать, что онъ терпѣлъ униженіе (точно просидѣть въ заточеніи пять сутокъ, да еще безъ воды — не униженіе для наслѣднаго принца?). Но что самое главное, — такъ это угроза *Дунь-мо-хэ* явиться снова съ своими ордами въ имперію въ случаѣ неисполненія его требованій. Собственно говоря, только послѣдній аргументъ и былъ самымъ вѣскимъ и существеннымъ, онъ и рѣшилъ дѣло въ пользу *Дунь-мо-хэ* хана, но нельзя не удивляться искусству и пріемамъ оратора-министра. Нужно внимательно всмотрѣться въ его рѣчь, чтобы

увидѣть въ ней настоящее положеніе дѣла. Въ текстѣ она совсѣмъ не производитъ такого впечатлѣнія. Наоборотъ, *Дэ-цзунъ* выставляется могущественнымъ изъ царей, который властвуетъ надъ своими подданными и надъ сосѣдями-кочевниками. Имя его заставляетъ дрожать хуй-хэсцевъ и приводитъ ихъ въ трепетъ. И это говоритъ въ лице оскорбленному государю его министръ, и слова послѣдняго принимаются за чистую монету. Съ нашей точки зрѣнія всю рѣчь *Ли-би* нужно бы Дэ-цзуну принять за сплошную насмѣшку, и при томъ самую дерзкую и грубую. Что сказалъ бы Наполеонъ въ періодъ ста дней, если бы его назвать серьезно повелителемъ Европы, предъ которымъ трепещутъ Россія и Англія, или покойному Александру II-му послѣ потери Севастополя сказать, что западныя державы чувствуютъ ужасъ при упоминаніи объ его имени и стараются всячески умилостивлять его? Можно думать, что оба императора приняли бы подобныя рѣчи за чистую насмѣшку, и ораторамъ не поздоровилось бы. Китайскія же правила краснорѣчія позволяютъ такого рода беззастѣнчивость и даже одобряютъ ее. Подобное отношеніе къ дѣйствительности характеризуетъ всю вообще историческую литературу Китая. Тогда какъ русскія лѣтописи въ періодъ, напр., гнета татарскаго полны самаго тяжелаго нытья и жалобъ на окружающую жизнь, притѣсненія и бѣдствія, китайская исторія, наоборотъ, старается выставить все въ самомъ блестящемъ для Китая видѣ. Императоры Китая въ ней всегда являются добродѣтельными, полководцы побѣдителями, подданные героями. Темныя же стороны жизни сглаживаются и скрашиваются до неузнаваемости. Нужно привыкнуть къ этому тону литературы, чтобы сквозь его призму разсмотрѣть дѣйствительность и отдать ей должное.

Такой именно примѣръ видимъ мы и въ рѣчи *Ли-би*. Она проникнута какимъ-то взаимнымъ обманомъ; министръ лжетъ, императоръ не можетъ не видѣть этой лжи, но выноситъ и слушаетъ ее, видимо, какъ должную и согласную съ правилами придворнаго этикета.

Наконецъ, въ той же рѣчи мы находимъ одно указаніе о памятникѣ. Вопросъ объ археологическихъ памятникахъ уйгурскаго ханства занимаетъ въ послѣдее время много умовъ. Открываются памятники цѣлые и обломки отъ нихъ, и пріуроченіе ихъ къ той и другой исторической эпохѣ можетъ быть весьма затруднительно. Въ такомъ случаѣ положительное свидѣтельство исторіи является иногда драгоцѣннымъ. Потому мы и находимъ нужнымъ обратить вниманіе на фактъ постройки памятника при Дунь-мо-хэ. Трудно только точно указать мѣсто нахожденія памятника; въ лѣтописи сказано 國 門, т. е., дословно, у входа въ государство, а, можетъ быть, и у воротъ столицы. Въ послѣднемъ случаѣ его нужно искать именно въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ предполагаютъ существованіе уйгурскаго Каракорума, и, можетъ быть, даже возможно пріурочить это показаніе къ камню № 1 изъ XXIV таблицы «Альбома древностей Монголіи» В. В. Радлова.

Обращаемся теперь къ дальнѣйшему ходу исторіи послѣ выдачи царевны *Сянь-ани* за *Дунь-мо-хэ*.

Сношенія слѣдующихъ годовъ отличаются довольно мирнымъ характеромъ. Кочевники какъ будто пытались загладить свои рѣзкости недавнихъ лѣтъ и вели себя очень скромно. Въ 1-й годъ правленія *Чжэнь-юань* (785) они прислали ко двору посольство съ знаменитой просьбой о перемѣнѣ названія *хуй-хэ* 回 紇, употреблявшагося китайцами, на *хуй-ху* 回 鶻. Чѣмъ была вызвана эта просьба, китайская лѣтопись не объясняетъ, потому что невозможно считать удовлетворительнымъ поводомъ якобы недовольство іероглифомъ 紇 и желаніе писать іероглифъ 鶻, какъ отражающій въ себѣ качества кочевниковъ: мужество и стремительность въ нападеніи [1]).

---

1) Паркеръ приводитъ по поводу перемѣны имени *хуй-хэ* на *хуй-ху* слѣдующія соображенія: «Магометане «Тартаріи» стали называться уйгурами нѣсколькими столѣтіями позже этихъ событій, и во времена Чингисъ-хана это названіе почти исключительно относилось къ татарамъ-мусульманамъ, между тѣмъ какъ новое названіе Ouiwhour (разница въ обоихъ словахъ состоитъ лишь въ affiatus, употребляемомъ въ китайскихъ словахъ) стало примѣняться

Особеннымъ церемоніаломъ, показывавшимъ вниманіе Танскаго двора къ *хуй-хэ*, отличался при *Дунь-мо-хэ* пріемъ при дворѣ хуй-хэской царевны, назначенной въ жены одному изъ родственниковъ императора. Хотя въ немъ и проскальзываетъ постоянное желаніе китайцевъ ставить новопріѣзжую невѣсту въ подчиненное положеніе даже въ отношеніи къ китайскимъ царевнамъ, но самый фактъ церемоніала, обѣда въ присутствіи императора говоритъ за весьма многое въ смыслѣ сознанія китайцами хуй-хэской силы [1]). При перемѣнѣ имени *хуй-хэ* на *хуй-ху* ханъ получилъ отъ китайскаго двора титулъ «*Еди улукъ чанъ-чу-дянь-пекъ-каганъ*», т. е. очень высокій *чанъ-чу-дянь* господинъ и ханъ (у В. В. Радлова).

къ существовавшимъ тогда уйгурскимъ владѣніямъ (states) возлѣ Урумци и Пиджана, а также къ историческому древнему племени, которое происходило изъ области Каракорума. Такое смѣшеніе выраженій, повидимому, вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что уйгуры исчезаютъ изъ глазъ китайцевъ на одно или на два столѣтія. Въ китайской исторіи нѣтъ достовѣрныхъ указаній, когда и какъ вліяніе сарацинъ ввело къ уйгурамъ мусульманскую религію; но естественно, что арабы и персы называли всѣхъ кочевыхъ «татаръ» старымъ именемъ единственно извѣстной имъ господствующей державы, находившейся между ними и Китаемъ, — тюрковъ; между тѣмъ орды Чингисъ-хана не находили на западѣ уйгуровъ до тѣхъ поръ, пока самъ Чингисъ не принесъ этого имени на западъ, и изобрѣли новое названіе для того, чтобы отличить одно племя татаръ-мусульманъ, не-шаманистовъ, отъ другого. Такимъ образомъ древнее слово Ouighour стало означать тюрковъ-мусульманъ, а новое слово Ouiwhour — древнее племя, которое пришло изъ Каракорума, и древніе роды котораго, хотя, можетъ быть, и мусульманскіе, еще находились въ Караходжо. Это то же, что слово «франкъ», которое, обозначая первоначально небольшое германское племя, стало примѣняться затѣмъ къ кельтическому населенію страны, находившейся подъ властью этого племени; потомъ турки стали обозначать имъ всю семью христіанскихъ государствъ во главѣ съ Франціею; далѣе всѣ жители востока — европейцевъ и, наконецъ, китайцы — первыхъ пришельцевъ изъ Европы, португальцевъ и испанцевъ. Послѣднюю стадію составляетъ въ тибетскомъ и непальскомъ языкахъ слово p'i-ling, значащее «англичанинъ». См. «A thousand years of the Tartars». Это разсужденіе, хотя оно и согласуется въ общихъ чертахъ съ нашимъ взглядомъ, но въ подробностяхъ и въ особенности въ своей фактической основѣ требуетъ возраженій. Его точности вредятъ, во-первыхъ, устарѣлый неопредѣленный терминъ Тартарія; во-вторыхъ, шаткія и необоснованныя положенія, въ родѣ того, что войска Чингиса не знали термина «уйгуръ» въ западной части Средней Азіи до тѣхъ поръ, пока самъ Чингисъ не принесъ его туда.

1) *Гу-цзинь-ту-шу*, ib., л. 15; *Цзю-тан-шу*, *Дай-цзунъ-бэнъ-цзи*; Iак., стр. 411.

По смерти хана *Дунь-мо-хэ* мѣсто его занялъ въ 789 году сынъ его *До-ло-сы* (у Parker'a Taras), которому дается титулъ «*Пань-гуань-тэ-лэ*» (тӧрэ-султанъ у В. В. Радлова). Китайцы даютъ ему титулъ: «*Айдынлыкъ кӱчкэ мюнмишъ кӱчлӱкъ пэкъ чунь-чэнь-каганъ*», т. е. возвыспвшійся до блистательнаго могущества, сильный господинъ, *чунь-чэнь-каганъ*. На его правленіе падаютъ первые признаки усиленія тибетскихъ племенъ и распаденія хуй-хэскаго государства. Еще съ 755 г. тибетцы овладѣли частью земель, входящихъ нынѣ въ составъ провинцій *Шэнь-си* и *Гань-су*, и прервали сношенія китайской центральной администраціи съ отдаленными провинціями въ западномъ краѣ *Бэй-тинъ* 北廷 и *Ань-си* 安西. Правители этихъ округовъ вынуждены были, наконецъ, послать свои донесенія двору черезъ владѣнія союзныхъ хуй-хэсцевъ окружнымъ путемъ. Вѣсти дошли, но скоро онѣ смѣнились другими, крайне печальными для Танскаго двора. Отдаленныя провинціи были отняты у Китая тибетцами, и этотъ періодъ представляетъ собою одинъ изъ важныхъ и запутанныхъ моментовъ исторіи кочевниковъ Средней Азіи.

Усилившіеся тибетцы распространяли мало-по-малу свое вліяніе на западныя кочевыя племена, не завпсѣвшія отъ *хуй-хэ*. Таковымъ было племя *ша-то*. Оно много терпѣло отъ притѣсненій тибетцевъ, обращаясь, въ случаѣ нужды, за помощью къ китайскому намѣстнику округа *Бэй-тинъ*. Но слабыя средства этого правителя, удаленность его отъ центра и прекращеніе сношеній съ дворомъ, очевидно, ставили его въ невозможность оказывать должное содѣйствіе своимъ союзникамъ. Тогда ша-тосцы волею-неволею должны были покориться тибетцамъ и оказаться врагами своихъ прежнихъ союзниковъ. Это усилило тибетскія войска. Другое обстоятельство придало имъ еще больше смѣлости. Гордые своими успѣхами и прочными связями съ Китаемъ, *хуй-хэ* начали притѣснять своихъ западныхъ сосѣдей, подчиненныя имъ же племена *гэ-лу* 葛祿, *бай-янь* 白眼 и дулга, отягощать ихъ поборами и жестокостями. Племена эти, естественно,

начали тяготѣть въ сторону тибетцевъ и выказывать имъ свои симпатіи. Тибетцы, чувствуя, такимъ образомъ, свою силу уже на сѣверо-западѣ степи, отъ котораго отдѣлялъ ихъ китайскій округъ, напали на послѣдній, безъ особаго труда сломили незначительные китайскіе отряды и овладѣли всею провинціею *Бэй-тинъ*. Теперь они стали сосѣдями *хуй-хэ*, имѣя на своей сторонѣ симпатіи западныхъ племенъ хуй-хэскаго государства, пока еще подвластныхъ своимъ прежнимъ ханамъ.

Сосѣдство усиливавшихся тибетцевъ, естественно, не могло быть пріятно для *хуй-хэ*, и удаленіе ихъ изъ сѣверной полосы степи стало надолго ихъ искреннимъ желаніемъ. Кромѣ того, союзъ съ Танскимъ домомъ естественнымъ образомъ обязывалъ ихъ попытаться возвратить послѣднему потерянныя владѣнія. Но попытка окончилась полною неудачею. Хуй-хэское войско было разбито тибетцами, и бывшій китайскій намѣстникъ *Янъ-си-гу*, предвидя свою неминуемую гибель, окончилъ жизнь самоубійствомъ[1]). Подобный успѣхъ былъ, конечно, на руку тибетцамъ и ихъ сторонникамъ, вслѣдствіе чего они начали дѣйствовать смѣлѣе. Подвластное раньше уйгурамъ поколѣніе *гэ-лу* въ это время отложилось отъ нихъ и овладѣло мѣстностью *Шэнь-ту-чуань* 深圖川. Это ослабило хуй-хэсцевъ и вызвало движеніе ихъ куда-то на югъ. Замѣшательства, одновременно съ этимъ происходившія въ ихъ ордѣ, насильственная смерть двухъ хановъ, одного за другимъ, еще болѣе усилили безпорядки среди *хуй-хэ* и вынудили ихъ искать помощи и опоры въ Китаѣ. Завѣдывавшій въ то время войною съ Тибетомъ китайскій министръ Гѣянгасъ (*Цзъ-цянь-цзя-сы* 頡千迦斯) принялъ ихъ подъ свое покровительство, обласкалъ ихъ юнаго хана *А-чжо* 阿啜 и исходатайствовалъ для него титулъ[2]). Это дало возможность хуй-хэсцамъ оправиться, и, собравшись съ силами, они напали на поддавшееся Тибету племя *гэ-лу*, нанесли ему пораженіе и представили плѣнныхъ Танскому правительству[3]).

1) *Гу-цзинь-ту-шу*, ib., л. 15; *Синь-танъ-шу*, *Дэ-цзунъ-бэнь-цзи*; Iак., 411—412.
2) Ibidem.
3) *Гу-цзинь-ту-шу*, ib., л. 15; Iак., стр. 412—414.

Однако положеніе *хуй-хэ* замѣтно ухудшалось, и даже по краткимъ китайскимъ лѣтописямъ можно прослѣдить нѣкоторые признаки разложенія ихъ государственности. Въ періодъ упадка каждаго изъ кочевыхъ государствъ въ немъ появлялись личности, переходившія отъ кочевниковъ къ Китаю и наоборотъ. Иногда то были дальновидные люди, которые, не полагаясь на прочность слабѣющаго государства, старались сыскать себѣ болѣе прочное положеніе при китайскомъ дворѣ. Иногда то были опасные претенденты на престолъ или даровитыя личности, вліяніе которыхъ на дѣла и на народъ хотѣли устранить сами китайцы, и въ такомъ случаѣ ихъ или выгодами и соблазнами переманивали за Великую стѣну, или даже силою удерживали тамъ, не пуская на родину. Такъ и теперь лѣтопись отмѣчаетъ явленіе, что къ китайскому двору отправили нѣкоего *Іо-ло-гэ-гэнъ* 藥羅葛 貝. Онъ былъ родомъ китаецъ, но потомъ былъ усыновленъ ханомъ, воспитывался при дворѣ послѣдняго и получилъ даже фамилію хуй-хэскаго правящаго дома *Іо-ло-гэ*. Его китайцы почему-то сочли нужнымъ убрать и оставили у себя на службѣ при дворѣ[1]).

Безъ сомнѣнія, способствовало упадку хуй-хэскаго государства и прекращеніе престолонаслѣдія въ родѣ *Іо-ло-гэ*. Въ 11-й годъ правленія *Чжэнь-юань* умеръ послѣдній представитель этого дома *А-чжо* бездѣтнымъ[2]).

Теперь предоставлялся, во-первыхъ, просторъ всѣмъ честолюбцамъ въ погонѣ за тропомъ; во-вторыхъ, самая широкая возможность китайскому двору вмѣшиваться въ дѣла престолонаслѣдія, смѣняя и назначая кандидатовъ по своей волѣ. Первымъ ханомъ изъ другого рода является прежній министръ *Гу-ду-лу* 骨咄祿 (кутлукъ). Китайцы даютъ ему титулъ: «Айдыплыкъ улукъ кӱчке мюнмишъ пекъ *Хуай-синь* каганъ», т. е. достигшій блистательнаго могущества господинъ *Хуай-синь* каганъ (у В. В. Радлова). *Гу-ду-лу* пытается связать свой

1) Ibidem.

2) *Гу-цзинъ-ту-шу*, ib., л. 16; *Цзю-тан-шу*, *Дэ-цзунъ-бэнь-цзи*.

родъ съ прежней фамилій, зная, вѣроятно, привязанность къ ней подданныхъ. По словамъ лѣтописи, онъ не осмѣливался даже открыто покровительствовать своимъ родственникамъ, а отправлялъ къ Танскому двору членовъ прежней фамиліи [1]). Это представляется нѣсколько непонятнымъ. Не расчищалъ ли тѣмъ самымъ новый ханъ дорогу къ упроченію своего дома? Но ему не суждено было успѣть въ этихъ намѣреніяхъ, если только они были въ его головѣ, потому что въ 805 г. онъ умеръ.

Избраніе новаго хана въ лицѣ сына *Гу-ду-лу*, можно думать, было произведено подъ давленіемъ китайцевъ, и ему тотчасъ былъ данъ почетный титулъ «*Кю-лу-би-гя* каганъ» — т. е. блистательный, очень высокій господинъ и ханъ, а черезъ три года ханъ умеръ, не ознаменовавъ ничѣмъ своего правленія [2]). Можно только отмѣтить, что въ 806 г. къ китайскому двору было отправлено посольство, съ которымъ явились ко двору буддійскіе бонзы, и для нихъ былъ построенъ монастырь [3]). Въ 808 г. въ Китаѣ было получено извѣстіе о смерти ханши *Сянъ-ань*, которая была женою четырехъ хановъ и прожила въ ордѣ 21 годъ.

Преемникъ *Кю-лу-би-гя*-кагана, какъ и всѣ прежніе князья, получилъ почетный титулъ отъ Танскаго двора и правилъ государствомъ подъ именемъ *Бао-и*-хана. При немъ положеніе дѣлъ въ хуй-хэскомъ государствѣ, вѣроятно, нѣсколько улучшилось, потому что мы видимъ у кочевниковъ снова позывы на грабежи. Ханъ отправилъ 3000 конницы къ Гусиному ключу (*Пи-ди-цюань* 鵝泉), а вмѣстѣ съ тѣмъ его послы просили при дворѣ руки принцессы крови для хана. Все это вызвало со стороны китайскихъ войскъ передвиженіе въ видахъ предосторожности.

---

1) *Цзю-танъ-шу*, *Дэ-цзунъ-бэнь-цзи*.

2) *Гу-цзинь-ту-шу*; *Цзю-танъ-шу*, *Дэ-цзунъ-бэнь-цзи*.

3) Parker сообщаетъ, къ сожалѣнію, безъ указанія цитаты, что двумя столѣтіями позднѣе въ китайскихъ лѣтописяхъ упоминается, что въ тогдашней столицѣ уйгуровъ Караходжо (*Гао-чан*) находились манихейскіе храмы, въ которыхъ богослуженіе совершалось персидскими священниками.

Изъ *Чжэнь-у* 振武 былъ посланъ отрядъ войска къ горамъ *Хэй-шань* 黑山, въ городокъ *Тянь-дэ-чэнъ* 天德城[1]).

Эта экскурсія, угрожавшая цѣлости Китая, и требованіе принцессы вызвали продолжительныя совѣщанія среди министровъ, изъ которыхъ *Синь-танъ-шу* передаетъ намъ весьма обстоятельную рѣчь министра *Ли-цзяна* 李絳, предсѣдателя коллегіи обрядовъ (*ли-бу-шанъ-шу*), весьма ясно изображающую современное положеніе дѣлъ.

«Могущество *Хуй-ху*», доложилъ онъ императору, «теперь достигло высшей степени, а сѣверныя границы Китая нами почти совсѣмъ оставлены. Если враги приблизившись поднимутъ хотя бы самое маленькое облачко пыли, то слабая пѣхота наша уже не будетъ въ состояніи сопротивляться имъ, а большіе города не могутъ поддержать ее въ силу крайней дальности разстоянія. И буде Ваше Величество желаете сохранить за собою названную страну, вы должны послать туда правильно сформированные отряды, укрѣпить города и обосновать военныя колоніи въ мѣстахъ, которыя того требуютъ. Это будетъ лучшимъ средствомъ для блага имперіи и сохраненія народовъ. Я, подданный рабъ вашъ, замѣчаю, что дѣла вовсе не соотвѣтствуютъ своему надлежащему положенію. Въ отношеніи же границъ я нахожу пять пунктовъ, причиняющихъ мнѣ постоянное безпокойство. Объ нихъ я осмѣливаюсь всеподданнѣйше доложить Вашему Величеству.

«Во-первыхъ, сѣверные варвары ненасытно жадны. Они обращаютъ свои взоры единственно на корысть и руководятся во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ заботами о тучности своихъ лошадей. Если въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ они не являлись въ Китай, то потому ли это, что они разочаровались въ корысти, пріобрѣтаемой ими отъ нашихъ богатствъ? Вовсе нѣтъ. Они ожидаютъ удобной для нихъ поры — осени, когда ихъ лошади поправятся, чтобы устремиться на насъ. И если это такъ, то бу-

1) Подробности объ этомъ городѣ см. Klaproth «Sur le pays de Tenduc ou Tenduch de M. Polo» въ «Journal Asiatique», Paris, 1826, 8. vol. IX, а также Риттеръ «Землевѣдѣніе Азіи», пер. Семенова, т. I, стр. 637—640.

демъ ли мы сражаться внѣ имперіи или принимать мѣры предосторожности внутри ея, — результатъ будетъ одинъ: государство будетъ истощено и подвергнуто тяжкимъ страданіямъ.

«Во-вторыхъ, наши отряды еще недостаточно сильны; сторожевые пункты на границахъ недостаточно правильно организованы; вооруженія, какъ оборонительныя, такъ и наступательныя, еще не готовы, а города недостаточно прочно укрѣплены. Если мы укрѣпимся въ *Тянь-дэ*, то у враговъ непремѣнно явится подозрѣніе; а если мы оставимъ безъ защиты западные города 西城, то дорога черезъ пустыню окажется безъ защиты.

«Въ-третьихъ, когда дѣло касается или основанія новыхъ городовъ для защиты важныхъ пунктовъ, или нападеній, аттакъ, или назначенія начальниковъ на важные или незначительные пограничные посты, необходимо совѣщаться съ завѣдующими границею. Въ настоящее время идетъ вопросъ объ охранѣ территоріи по *Хуанъ-хэ*, и все рѣшается и размежевывается во дворцѣ въ совѣтѣ Вашего Величества. А отсюда происходитъ то, что когда варвары сдѣлаютъ внезапное нападеніе, мы не умѣемъ приняться за дѣло и дѣлаемъ непоправимо дурные шаги.

«Въ-четвертыхъ, за то время, пока мы живемъ въ мирѣ съ варварами, они прекрасно узнали точное положеніе нашихъ мѣстъ и состояніе нашихъ гарнизоновъ. Когда они разсыпаются по странѣ для грабежа, проходитъ много дней, а иногда и нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ предписанія наши будутъ переданы начальникамъ, и отряды отправятся въ походъ, вмѣсто того, чтобы въ одинъ день собрать и двинуть и людей и животныхъ, такъ что враги уже успѣваютъ уйти, нагруженные добычей, прежде чѣмъ наша армія приходитъ на мѣсто дѣйствій. Такимъ образомъ у варваровъ оказывается съ избыткомъ достаточно времени для грабежа, а нашъ народъ и войска тискаются и стѣсняютъ другъ друга при походѣ на непріятелей.

«Въ-пятыхъ, сѣверные варвары (т. е. *хуй-ху*) и западные (т. е. тибетцы, ту-фани) давно уже ведутъ между собою постоянныя войны. Это обезпечиваетъ спокойствіе на нашихъ грани-

цахъ. *Хуй-ху* не продаютъ теперь лошадей, и если тибетцы изъ враговъ сдѣлаются ихъ друзьями въ силу мирнаго договора, то нашимъ пограничнымъ начальникамъ придется запереться въ лагерѣ, такъ какъ уже страшно будетъ сражаться съ ними, а народъ вынужденъ будетъ, сложивши на крестъ руки, спокойно ожидать своей злосчастной судьбы.

«Кромѣ того, я считаю нужнымъ доложить, что возмущеніе, произведенное *У-шао-янъ* 吳少陽 въ мѣстности *Хуай-си* 淮西, уже близко къ окончанію. Если воспользоваться удобнымъ случаемъ, то его можно опять возобновить, вмѣсто того, чтобы вести войну съ *хуй-ху*, потому что въ случаѣ возникновенія послѣдней нужно будетъ выдвинуть всѣ отряды съ разныхъ сторонъ, а это будетъ стоить въ 10 разъ дороже, чѣмъ дѣло съ *У-шао-яномъ*. Мое мнѣніе поэтому таково, что слѣдуетъ согласиться на требованіе хана о выдачѣ за него принцессы крови, чтобы тѣмъ заставить его считаться нашимъ данникомъ и защищать имперію отъ враговъ. Польза отъ этого будетъ троякаго рода.

«Во-первыхъ, пока бракъ совершится, наши пограничные посты зажгутъ огни и произведутъ дымъ (знакъ тревоги и опасности). У насъ будетъ время приготовить города, назначить туда гарнизоны, которые пріобрѣтутъ силу и сноровку, и наполнить магазины провіантомъ для поднятія мужества въ войскѣ.

«Во-вторыхъ, сваливъ съ себя обузу безпорядковъ на сѣверѣ, мы можемъ обратить все вниманіе на югъ, отнять назадъ *Хуай-си* 淮西 и призвать къ окончательному повиновенію издыхающаго отъ безсилія мятежника.

«Въ-третьихъ, плѣнники съ сѣвера, ободренные союзомъ съ Вашимъ Величествомъ, проникнутся съ своей стороны еще большей ненавистью къ западнымъ варварамъ, т. е. тибетцамъ. Они не будутъ пользоваться ни малѣйшимъ покоемъ, между тѣмъ какъ Китай будетъ пребывать въ мирѣ и тишинѣ, и разбой прекратится на долгое время. Отбросить всѣ эти выгоды троякаго

рода значитъ способствовать развитію обстоятельствъ, доставляющихъ безпокойства пяти вышеупомянутыхъ родовъ.

«Но, можетъ быть, кто скажетъ, что издержки на бракъ будутъ громадны. На подобное возраженіе можно отвѣтить, только назвавъ его ложью.

«Мы раздѣлимъ на три части всѣ военные отряды Поднебесной, и пусть одна изъ нихъ защищаетъ наши границы. Мы получимъ податей съ самыхъ большихъ нашихъ юго-восточныхъ городовъ высшаго ранга 200,000 унцій серебра. Доходъ съ одного города покроетъ всѣ брачныя издержки. И не искупимъ ли мы этимъ расходомъ цѣлаго моря горя? Если же мы откажемся сдѣлать эту незначительную затрату и переведемъ войну на сѣверныя границы, то мы не можемъ послать туда меньше 300,000 человѣкъ пѣхоты да 5000 лошадей. Иначе мы не можемъ ни сопротивляться врагу, ни предпринимать противъ него экспедиціи. Предположимъ, что мы будемъ всегда побѣдителями, и что кампанія протянется только одинъ годъ, но можетъ ли подать съ одного города покрыть всѣ расходы по этой экспедиціи? И даже подать съ большей части городовъ будетъ ли достаточна для этой цѣли[1])?»

Такая блестящая рѣчь однако не достигла своей цѣли, и императоръ отказалъ въ согласіи на бракъ. И, дѣйствительно, сановники исчислили брачныя издержки въ пять милліоновъ, каковая сумма страшнымъ гнетомъ легла бы на истощенное уже войною населеніе.

Страхи и опасенія *Ли-цзяна* о мести *хуй-ху* Китаю за отказъ въ бракѣ не оправдались. Имперія не терпѣла отъ нападенія *хуй-ху*, а когда по восшествіи на престолъ императора *Су-цзуна*, они прислали просить о бракѣ, то онъ далъ свое согласіе и выслалъ новому хану обычный титулъ[2]).

Въ правленіе этого *Чжао-ли*-хана сношенія *хуй-ху* съ Китаемъ приняли оживленный характеръ. «Никогда еще», гово-

1) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ib., л. 16—17; *Синь-танъ-шу*, *Хуй-хэ-бэнь-чжуань*.
2) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ib.; Іакинфъ, стр. 416—418.

рить лѣтопись, «не отправляли иностранцы столь многочисленнаго посольства въ Китай», какое снарядилъ за своею невѣстою *Чжао-ханъ*.

Китай долженъ былъ изнемогать подъ бременемъ налоговъ для подарковъ, которыми нужно было снабжать не прошенную орду гостей. *Хуй-ху* хотѣли вмѣшаться по прежнему и во внутреннія дѣла Китая, воспользовавшись, какъ предлогомъ, незначительными безпорядками, происшедшими у правительства съ мѣстными властями въ *Хэ-бэй* 河北; отрядъ ихъ уже явился въ *Фынъ-чжоу* 豐州 въ Ордосѣ, но Танскій дворъ, помня отлично прежніе безпорядки, предпочелъ откупиться отъ нихъ и, давъ большую награду ихъ начальнику *Ли-и-цзѣ* 李義節, отпустилъ его назадъ въ степи [1]).

Достойно сожалѣнія обстоятельство, что китайскія лѣтописи сообщаютъ крайне мало данныхъ о внутренней жизни кочевниковъ за этотъ періодъ. Поразительный фактъ въ исторіи дома *хуй-ху*, что, по прекращеніи на его тронѣ дома *Іо-ло-гэ* въ 795 году, почти ни одинъ ханъ не правилъ больше 3—4 лѣтъ, остается необъясненнымъ. Но уже на основаніи одного этого можно думать, что процессъ разложенія сильнаго ранѣе государства все болѣе и болѣе усиливался. Единственно благодаря собственной слабости и непредпріимчивости императоровъ, Танскій дворъ доселѣ сноситъ ихъ претензіи и откупается отъ нихъ подарками [2]). Достаточно, кажется, было бы одного хорошаго удара, чтобы государство *хуй-ху* разсыпалось. Въ 824 г. ханъ *хуй-ху* скончался, преемникомъ его былъ *Гэ-са-тэ-гэ* (т.-е. *тӧрэ*), получившій титулъ «возвысившійся до блистательной высокой власти храбрый господинъ *Чао-ли-ханъ*». Въ 832 году онъ былъ убитъ, и племянникъ его *Ху-тэ-гэ* (*Кутъ-тӧ-рэ*) вступилъ на престолъ. Отъ китайскаго двора онъ получилъ титулъ «возвысившійся до блистательной высокой власти могучій господинъ *Чанъ-синъ-хаганъ*». Картина жизни *хуй-ху* за 839—840 годы

1) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ib., л. 17; Іакинов, 416—418.
2) Ibidem.

рисуется лѣтописью въ такомъ видѣ. Министръ *Гюй-ло-фу* 掘羅勿 возсталъ противъ хана *Чжанъ-синя* и напалъ на него съ ша-тоскими войсками. Ханъ покончилъ съ собою. Вельможи поставили ханомъ малолѣтняго *Кэ-си-тэ-лэ* 盻馺特勒[1]). Въ этотъ годъ былъ голодъ, а вслѣдъ затѣмъ открылась моровая язва, и выпали глубокіе снѣга, отчего пало много овецъ и лошадей. Еще грамата не была доставлена, какъ *У-цзунъ* 武宗 вступилъ на престолъ въ 840 г. Онъ отправилъ князя *Юнъ* 溶 съ извѣстіемъ и отъ него узналъ о смятеніяхъ въ ордѣ. Въ это самое время старѣйшина *Гюй-лу Мо-хэ* (Кучлукъ Мокэ у В. В. Радлова), соединившись съ хякасами со 100,000 конницы, напалъ на хуй-хускій городъ 回鶻城, убилъ хана, казнилъ *Гюй-ло-фу* и сжегъ его стойбища. Поколѣнія *хуй-ху* разсѣялись. Министръ *Си-чжи* 馺職 вмѣстѣ съ пятнадцатью аймаками, подвластными *Панъ-тэ-лэ* 龐特勒, бѣжалъ къ *Гэ-ло-лу*; остальные ушли въ Тибетъ и *Аньси*. Послѣ того тринадцать родовъ ханскаго аймака объявили *У-гэ-тэ-лэ* 烏介 ханомъ и осѣли на югѣ при горахъ *Цо-цзи-шань* 錯子山[2]).

Трудно себѣ представить положеніе народа болѣе безотрадное, нежели только что указанное. Естественныя бѣдствія — болѣзни и моръ, нападенія внѣшнихъ враговъ и внутреннія неурядицы, — все это довершило прежнія бѣды и почти разрушило хуй-хэское государство. Однако часть его еще уцѣлѣла и

---

1) Это *тэ-лэ* по іероглифамъ опять то же, что и на памятникѣ *Кюй-тэгина*, и *Ганъ-му* объясняетъ слово *тэ-лэ*, какъ «младшій родственникъ». Поэтому не ошибается ли само *Мэнъ-гу-ю-му-цзи*, читая *тэ-гинъ* 特勤 вмѣсто *тэ-лэ* 特勒? Вѣдь *Кюй-тэгинъ* не былъ правителемъ, а только младшимъ братомъ *Можлянь*-хана. Не памятникъ только, а и всѣ лѣтописи пишутъ въ подобныхъ случаяхъ *тэ-лэ*, а не *тэ-гинъ*, и возможно ли въ угоду *Мэнъ-гу-ю-му-цзи* исправлять всѣ лѣтописи современниковъ? Не скрывается ли подъ *тэ-лэ* какое-нибудь тюркское слово, котораго могъ не знать авторъ «Описанія Монгольскихъ кочевьевъ»? Потому онъ и прочиталъ *тэ-гинъ*, принявъ за описку правильный іероглифъ.

2) Опредѣленія мѣстоположенія этихъ горъ, несмотря на всѣ старанія, мы нигдѣ не нашли, а оно могло бы быть очень полезно для пониманія дальнѣйшей исторіи хуй-хэскихъ племенъ.

жила, какъ сказано, гдѣ-то на югѣ степи. Dabry de Thiersant, по неизвѣстныхъ намъ основаніяхъ, утверждаетъ, что *У-гэ-тэлэ* «en l'an 858 se reconnut vassal de l'Empire chinois. L'empereur lui permit alors de s'établir dans le pays de Kan-tcheou»[1]), однако онъ не утверждаетъ, что тамъ именно находились горы *Цо-цзы-шанъ*.

Ударъ, нанесенный *хуй-ху* хякасами, былъ, безъ сомнѣнія, очень тяжелъ. Съ этой поры *хуй-ху* уже не возвращаются на сѣверъ степи, въ излюбленныя родныя мѣста, а бродятъ на южной сторонѣ ея, постепенно передвигаясь къ западу. Этимъ именно и объясняются частые грабежи ихъ въ сѣверныхъ китайскихъ земляхъ, которые перечисляетъ подъ слѣдующимъ 842 годомъ жизнеописаніе императора *У-цзуна*. Въ 1-й лунѣ, говоритъ оно, *хуй-ху* разбойничали въ пограничныхъ городахъ мѣстности *Хэнъ-шуй* 橫水 въ *Тянь-дэ*, *Чжэнь-у*. Въ 3-й лунѣ они грабили *Юнь-чжо* 雲朔. Въ 5-й лунѣ хуй-хускій *Вэнь-мосы* (Умусъ) 嗢沒斯 пришелъ въ подданство Китая. Въ 6-й лунѣ хэ-дунскій 河東 *цзъ-ду-цзи* *Лю-мянь* 劉沔 сражался съ хуй-хускими ордами при *Юнь-чжоу* 雲州 и проигралъ битву. Въ 7-й лунѣ хуй-хускій ханъ вновь разбойничалъ въ *Да-тунъ-чуань* 大同川[2]). Однако это были послѣдніе грабежи *хуй-хэ*,

---

1) Le Mahométisme en Chine, v. I, p. 212.

2) *Гу-цзинъ-ту-шу*, Ib., л. 18; *У-цзунъ-бэнь-цзи*, *чжанъ-чжунъ-у-чжуань*. Подробнѣе эта исторія разсказана въ *Хуй-хэ-бэнь-чжуань*, переведенной у Іакинова, стр. 419—422, но въ *Синь-танъ-шу* мы встрѣчаемъ небольшое дополненіе къ разсказу Іак., стр. 421, послѣ словъ: «Указано... *Тянь-дэ* переименовать въ *Гуй-и-цзюнь* 歸義軍». Дальше: «Правителемъ *Гуй-и-цзюнь* назначили *А-ли-чжи* 阿歷支 съ титуломъ *Нинъ-бянь-цзюнь-гунъ* 寧邊郡公; *Си-у-чжо* 習勿啜 былъ назначенъ начальникомъ съ титуломъ *Чанъ-хуа-цзюнь-гунъ* 昌化郡公, *У-ло-сы* 烏羅思 съ титуломъ *Нинъ-шо-цзюнь-гунъ* 寧朔郡公. Они назначены были въ то же время главнокомандующими съ разными титулами (*цуанъ-цзюнь-да-цзянъ-цзюнь*, *цзо-вэй-вэй-да-цзянъ-цзюнь*). Кромѣ того *Ай-сы-ву* 愛邪勿 былъ назначенъ начальникомъ съ титуломъ *Нинъ-сай-цзюнь-гунъ* 寧塞郡公 и получилъ еще титулъ *Ю-линъ-цзюнь-да-цзянъ-цзюнь*. Самыя большія привиллегіи были даны

какъ самостоятельнаго государства. Слѣдующій годъ былъ роковымъ для нихъ. Китайскіе полководцы *Ши-сюнь* 石雄 и *Мянь* 沔 нанесли имъ цѣлый рядъ пораженій, отъ которыхъ кочевники уже не могли оправиться. Часть ихъ убѣжала къ какому-то племени *Хэй-чэ* 黑車 (черной телѣги)[1]), другая поддалась Китаю.

Множество старшинъ ихъ явилось въ столицу, гдѣ получили званія и внѣшнія отличія китайскихъ чиновниковъ. Ханъ ихъ *Э-нянь-тэ-лэ* не имѣлъ даже средствъ для собственнаго пропитанія и получалъ его отъ *Шо-шэ-жань*, главнаго старшины кумаховъ. Когда же четыре года спустя (847) китайцы напали на кумаховъ и разбили ихъ, то послѣднее пристанище *хуй-ху* исчезло. *Э-нянь-тэ-лэ* бѣжалъ на западъ, а остатки подвластныхъ ему поколѣній были расхищены и раздѣлены другими, болѣе сильными кочевниками между собою. Вначалѣ ихъ подчинили себѣ племена *ши-вэй* 室韋. Но такого усиленія своихъ сосѣдей не могли вынести хякасы; они напали на *ши-вэй*, отняли у нихъ остатки хуй-хускихъ родовъ и перевели ихъ на старыя кочевья на сѣверную сторону степи. Но ихъ, конечно, тянуло отъ ненавистныхъ хякасовъ, давившихъ враговъ ихъ, къ землякамъ. Мы знаемъ, что еще раньше часть хуй-хускихъ племенъ подъ предводительствомъ *Пан-тэ-лэ* удалилась на западъ. Теперь они уже прочно обосновались въ *Гань-чжоу*, и ханъ ихъ распространилъ свою власть далеко на западъ въ страны притянь-

---

Вэнь-мо-сы: кромѣ оружія и подарковъ, ему дано особое знамя, право носить леопардовые хвосты на бунчукѣ и раздавать своимъ офицерамъ платья и шапки китайскаго покроя. Было приказано послѣ этого министру *Дэ-юй* 德裕 составить компиляцію изъ исторіи инородцевъ, которые со временъ Циньской 秦 и Ханьской династій выказывали отмѣнную покорность и оказывали услуги Китаю. Таковыхъ нашлось 30 человѣкъ, и императоръ далъ составленному сборнику имя «Исторіи инородцевъ, славныхъ вѣрностью Китаю».

О событіяхъ этихъ же лѣтъ разсказываетъ еще біографія *Чжан-чжунъ-у* (*Чжан-чжунъ-у-чжуань*), но она не даетъ ничего новаго. *Гу-цзинь-ту-шу*. Ib., *л.* 19.

1) По мнѣнію В. В. Радлова, *Канлы* или *Кан-юй*.

шаньскія и Восточный Туркестанъ. Новопоселенцы гань-чжоускіе пытались завести сношенія съ Китаемъ, въ чемъ и успѣли. *Шанъ-тэ-лэ* получилъ почетный титулъ отъ китайскаго императора и представлялъ ко двору мѣстныя произведенія, за что при дворѣ его отдаривали въ нѣсколько кратъ больше. Сюда-то и направились захваченные хякасами хуй-хускіе роды и мало-помалу всѣ собрались опять вмѣстѣ, уступивъ уже окончательно и безповоротно востокъ и сѣверо-востокъ степи другимъ сильнѣйшимъ племенамъ. Теперь подъ властью *хуй-ху* находились всѣ тѣ мѣстности, которые и нынѣ заняты тюркскими племенами въ границахъ Китая. Въ первое время надъ всѣми главенство принадлежало гань-чжоускимъ *хуй-ху*, но скоро это положеніе дѣлъ должно было измѣниться. Если на сѣверо-востокѣ Гоби ровная степная территорія создавала всегда преобладаніе одного поколѣнія надъ другими, то здѣсь географическія условія какъ нельзя болѣе способствовали расчлененію государствъ. Гашуньская Гоби, или Ихума, протянувшаяся мертвою страною между нынѣшнею провинціею *Гань-су* и странами притяньшаньскими, полагала всегда рѣзкое различіе между названными странами. Утвердиться на сѣверѣ ея для южанъ или на югѣ ея для сѣверныхъ народовъ было очень трудно, и всѣ попытки къ этому оканчивались неудачно вплоть до самаго послѣдняго, уже прочнаго владычества китайцевъ на обѣихъ сторонахъ пустыни. Вспомнимъ, какъ долго продолжались единичные случаи походовъ китайскихъ войскъ въ страны западнаго края. Со времени открытія западнаго края Чжанъ-цянемъ 張騫 при ханьскомъ императорѣ *У-ди* 武帝 (140—86) они повторялись время отъ времени при всѣхъ болѣе или менѣе сильныхъ династіяхъ, но китайцамъ никогда не удавалось прочно утвердиться въ этомъ краѣ. Тибетцы, явившіеся въ Восточный Туркестанъ и Чжунгарію съ юга, скоро должны были убраться во свояси. Позднѣе ойраты пытались обосновать свою власть на югѣ въ *Гань-су* и проникнуть въ Тибетъ, и спустя немного времени ихъ принудили вернуться въ родныя кочевья. Только Дай-цинская династія, упро-

чивъ свое владычество не только на югѣ въ *Гань-су*, но далеко на сѣверѣ степи, въ монгольскихъ кочевьяхъ у Алтая, могла подчинить себѣ земли притяньшаньскія. Но и то, сколько было неудачныхъ попытокъ со стороны Китая въ борьбѣ съ мѣстными тюрками, сколько разъ ихъ арміи должны были уходить назадъ, пока наконецъ усиленная система военной колонизаціи сѣвернаго края и постоянныя насильственныя и добровольныя переселенія жителей на югъ степи не сблизили населенія обѣихъ странъ и не усилили ихъ общіе интересы. Послѣднее обстоятельство вмѣстѣ съ силою китайскихъ войскъ оказалось болѣе могучимъ двигателемъ въ ходѣ исторической жизни, нежели отдѣльно взятыя естественныя условія страны, и нынѣ вліяніе пустыни уже почти пало подъ усиленною работою человѣка надъ сближеніемъ разъединенныхъ странъ.

Но если мы видимъ такое положеніе дѣлъ теперь, то во времена Танской династіи природныя условія степи оставались во всей своей силѣ, и остаткамъ могущественнаго раньше хуй-хускаго государства весьма трудно было утвердиться по обѣимъ сторонамъ степи подъ главенствомъ гань-чжоускихъ хановъ.

Здѣсь необходимо принять во вниманіе еще одно обстоятельство. Въ западной части степи могущественнымъ народомъ былъ въ то время *ту-фань*, или тибетцы. Они владѣли Восточнымъ Туркестаномъ и нанесли много разъ еще раньше пораженія хуй-хускимъ племенамъ, поселившимся при *Тянь-шани*. Теперь, можетъ быть, подкрѣпленный новыми выходцами изъ восточной Гоби, а, можетъ быть, и самостоятельно усилившійся старшина племени *Пу-гу* 僕固, по имени *Цзюнь* 俊, изъ *Бэй-тинъ* 北廷 (т. е. Харахочжо) напалъ на ту-фаньскія владѣнія, убилъ у нихъ *Лунь-шанъ-жэ* 論尙熱 и отнялъ *Си-чжоу* 西州 (Харашаръ) и *Лунь-тай* 輪臺. Вѣроятно, это значительно способствовало усиленію побѣдителя, потому что въ томъ же году онъ уже независимо отъ гань-чжоускихъ *хуй-ху* отправляетъ посольство къ Танскому двору и ходатайствуетъ о полученіи ханскаго почетнаго титула, каковая просьба его увѣнчивается полнымъ

успѣхомъ [1]). Это весьма характерное извѣстіе даетъ понять, что уже въ концѣ Танской исторіи на западѣ зарождалась, а, можетъ быть, и въ значительной степени сформировалась жизнь пришлыхъ *хуй-ху* на новыхъ началахъ: изъ кочевниковъ они должны были превратиться здѣсь въ осѣдлыхъ жителей и пытались, какъ видно, овладѣть всѣмъ Восточнымъ Туркестаномъ.

О восточныхъ *хуй-ху* мы имѣемъ еще одно извѣстіе, что въ 1-й годъ *Цянь-фу* при императорѣ *Си-цзунѣ* (874) они разбойничали въ *Тянь-дэ* [2]).

Этимъ собственно оканчиваются свѣдѣнія, сообщаемыя Танскою исторіей о *хуй-ху*. Причина прекращенія оффиціальныхъ записокъ заключается никакъ не въ состояніи хуй-хускихъ племенъ, а въ упадкѣ Танскаго дома. Правленіе послѣднихъ императоровъ его *Чжао-цзуна* 昭宗 (889—905) и *Ай-ди* 哀帝 (905—907) полно самыхъ удивительныхъ проявленій самовластія безъможъ надъ императорами и страшныхъ безпорядковъ и волненій въ имперіи. Достаточно сказать, что придворные евнухи держали два мѣсяца въ плѣну *Чжао-цзуна*, назначили правителемъ его наслѣдника и отъ его имени правили государствомъ. Образовалось множество (12) самостоятельныхъ маленькихъ государствъ, правители которыхъ чувствовали свою силу и съ большимъ или меньшимъ его успѣхомъ боролись съ остатками правительственныхъ войскъ [3]). Едва ли можно думать, что хуй-хускіе кочевники оставляли въ покоѣ Китай въ такое благодатное для нихъ время. Но исторія передаетъ только одинъ фактъ попытки ихъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Танскаго двора. Когда императоръ *Чжао-цзунъ* предпринялъ управленіе въ *Фынъ-цянѣ* 鳳翔, то Линъ-чжоускій 靈州 главнокомандующій *Хань-сунь* 韓孫 представилъ докладъ, что *хуй-ху* просятъ дозволенія прійти къ нему на помощь съ войсками въ настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Сановникъ *Хань-ву* 韓偓

1) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ib., л. 20; Іакинов, стр. 424—425.
2) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ib., л. 21; *Синь-танъ-шу*, *Си-цзунъ-бэнь-цзи*.
3) Fries, Abriss der Geschichte China's, S. 194—202.

говорилъ по этому поводу, что «кочевники — давніе враги Китая. Еще со времени правленія *Хуй-чанъ* (841 г.) они посматриваютъ на границу, но крылья у нихъ еще не совсѣмъ оперились, почему и не могутъ ничего сдѣлать. Нынѣ же, пользуясь разстроеннымъ положеніемъ нашимъ, они надѣются успѣть въ своихъ домогательствахъ. Посему ихъ не должно пускать». Въ виду такого мнѣнія предложеніе кочевниковъ оставили безъ отвѣта. «Впрочемъ», замѣчаетъ исторія, «царство *хуй-ху* въ то время не могло прійти въ большую силу. По временамъ пріѣзжали они въ пограничныя области промѣнивать нефритъ и лошадей» [1]).

Такимъ образомъ поколѣнія хуй-хэскія, усилившіяся въ лицѣ одного изъ своихъ представителей *сы-янь-то* во времена Танскаго *Гао-цзу* 高祖 (618—627) и окончательно упавшія при послѣднихъ императорахъ названной династіи, какъ обитатели *Гань-чжоу* и западнаго края, должны вполнѣ считаться современниками Танскаго дома. Послѣдній способствовалъ ихъ усиленію въ борьбѣ съ жу-жанями и дулгасцами; онъ же и раздавилъ ихъ, постепенно ослабивъ силою своей политики, когда нашелъ это для себя возможнымъ.

Какая же дальнѣйшая судьба племенъ *хуй-ху*?

Глава V.

Хуй-ху въ періодъ У-дай.

Время пяти династій должно считаться продолженіемъ тѣхъ безпорядковъ въ Срединномъ государствѣ, которые начались при концѣ правленія дома *Танъ*. Теперь въ теченіе 50 лѣтъ царствуютъ пять династій послѣдовательно.

Въ высшей степени слабыя, онѣ, въ свою очередь, не въ состояніи были противиться образованію новыхъ маленькихъ государствъ, существовавшихъ наряду съ сильнѣйшими. Такимъ

1) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ib., л. 20; *Хуй-хэ-бэнь-чжуань*; Iак., стр. 425.

образомъ Китай представлялъ собою множество владѣній, старавшихся уничтожить другъ друга и истощавшихъ страну ужасными насиліями и поборами. Въ сущности анархія царила полная, и о правильномъ ходѣ государственной жизни не могло быть и рѣчи. Естественно поэтому, что исторія періода *У-дай* далеко не богата свѣдѣніями объ инородцахъ вообще и о *хуй-ху* въ частности. Однако память объ нихъ еще не совсѣмъ угасла при дворѣ, и появленія хуй-хускихъ пословъ съ данью то тому то другому императору заставляли историковъ заносить ихъ имена на страницы лѣтописей. Свой отдѣлъ о *хуй-ху У-дай-ши* предваряетъ введеніемъ, въ которомъ даетъ краткія, но интересныя свѣдѣнія объ ихъ состояніи въ данный періодъ.

«Во времена Танской династіи», пишетъ лѣтопись, «инородцы *хуй-ху* доставляли много хлопотъ правительству. Дѣла ихъ правителей и нравы ихъ государства разсматриваются въ Танской исторіи. Танскіе государи выдавали за нихъ замужъ своихъ дочерей и потому дѣлались ихъ старшими родственниками. Государство *хуй-ху* сначала находилось на рѣкѣ *Со-линъ-шуй* 娑陵水 (Селенгѣ), потомъ было разграблено хякасами и переселившись заняло мѣста между *Тянь-дэ* и *Чжэнь-ву*. Потомъ два китайскіе полководца *Ши-сюнъ* 石雄 и *Чжанъ-чжунъ-ву* 張仲武 нанесли имъ сильное пораженіе, послѣ котораго остатки ихъ переселились на западъ и сдѣлались данниками ту-фаней. Въ это время ту-фани сами напали на земли, лежащія на западъ отъ *Шань-си*, называемыя *Хэ-си* 河西 и *Лунъ-ю* 隴古; вмѣстѣ съ ними разсыпались и смѣшались и *хуй-ху*. Въ періодъ *У-дай хуй-ху* опять объединились и жили въ *Гань-чжоу* 甘州 и *Си-чжоу* 西州. Отсюда они имѣли частыя сношенія съ Китаемъ, и гань-чжоускіе *хуй-ху* особенно часто приходили ко двору, гдѣ и сдѣлались родственниками императоровъ. Китай отвѣчалъ на ихъ запросы указами, въ которыхъ императоры называли ихъ племянниками».

Всѣ свѣдѣнія объ инородцахъ ограничиваются въ этотъ періодъ почти голою записью прибытія ихъ пословъ. Вотъ они.

При династіи *Хоу-Лянъ* 後梁 (907—923) въ 1-й лунѣ перваго года правленія *Цянь-хуа* императора *Тай-цзу* 太祖 отъ *хуй-ху* прибылъ ко двору командированный *ду-ду Чжоу-и-янь* 周易言. Въ исторіи не записано имя его государя. Послы кланялись императору, послѣ чего *Чжоу-и-янь* и другіе были награждены чиновными достоинствами, и посланъ былъ съ ними *цзо-цзянь-мынь-вэй-шанъ-цзянъ-цзюнь Янъ-чжао* 楊沼 проводить пословъ на обратномъ пути къ ту-фанямъ[1]). Въ главѣ *Цэ-фу-юань-гуй* 冊府元龜 то же событіе разсказывается такъ: въ 1-й годъ *Цянь-хуа* въ 12-й лунѣ императоръ принималъ въ залѣ *Чао-юань-дянь* сановниковъ (*шоу-линъ*) — посланцевъ двухъ большихъ государствъ: хуй-хускаго и ту-фаньскаго, пришедшихъ для представленія ко двору.

Оба посла въ санѣ *шань-кай-со-сы-дао* 扇開所司道 вмѣстѣ со свитою изъ 122 человѣкъ кланялись государю во дворцѣ, при чемъ каждый представилъ адресъ своего государя, произведенія своей страны и выразилъ знаки подданства[2]).

То же посольство получило еще разъ аудіенцію у государя во 2-й годъ правленія *Цянь-хуа*, въ 11-й лунѣ[3]).

Вотъ всѣ извѣстія о *хуй-ху* изъ временъ династій *Хоу-Лянъ*.

Еще не успѣлъ пасть *Хоу-Лянъ*, какъ среди другихъ домовъ возвысилась новая династія *Хоу-Танъ* 後唐 (923—936) и скоро свергла съ трона свою предшественницу. Узнавши объ этомъ, *хуй-ху* сейчасъ же прислали пословъ къ новому двору. Именно во 2-й годъ правленія *Тунъ-гуанъ* (924) при императорѣ *Чжуанъ-цзунъ* 莊宗, въ 4-й лунѣ прибыли хуй-хускіе *ду-ду Ли-инь* 李引, помощникъ буддійскаго посланника (*ши-цзя-фу-ши* 釋迦副使) *Тянь-тѣ-линь* 田鐵林, начальникъ тюремъ 都監 *Янъ-фу-анъ* 楊福安 со свитою изъ 66 человѣкъ[4]). Въ 6-й лунѣ подъ знаками 己丑 они получили аудіен-

---

1) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ib., л. 21; *У-дай-ши*, *Лянъ Тай-цзу*, *Хуй-ху-чжуанъ*.
2) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ib., л. 21; *Цэ-фу-юань-гуй*.
3) Ibidem, *Цэ-фу-юань-гуй*.
4) Ib., *У-дай-ши*, *Цэ-фу-юань-гуй*.

цію и представили въ дань 9 штукъ прекрасныхъ лошадей и кусокъ бѣлой яшмы.

Жили они въ *Гань-чжоу* и называли своего государя *Юань-чжи-кэ-хань Жэнь-мэй* 權知可汗仁美[1]).

Императоръ *Чжуанъ-цзунъ* командировалъ министра земледѣлія и финансовъ (*сы-нунъ-цинъ* 司農卿) *Чжэнь-цзи* 奠績 съ грамотою къ *Жэнь-мэй* и пожаловалъ послѣднему титулъ *Инъ-и* хана 英義可汗. Въ этомъ же году *Жэнь-мэй* умеръ. Его младшій братъ *Ди-инь* 狄銀 вступилъ на престолъ и прислалъ ко двору *ду-ду Ань-цянь-сяна* 安千想[2]).

Въ 11-й лунѣ новоприбывшій посолъ получилъ аудіенцію у государя и представилъ ему въ даръ яшму, лошадей, верблюдовъ и пр.[3]).

Ди-инь однако правилъ своимъ народомъ недолго. Въ слѣдующемъ же году онъ умеръ, а въ 4-й годъ правленія *Тунъ-гуанъ* (926) въ 1-й лунѣ прибылъ посолъ отъ новаго хуй-хускаго хана *А-ду-юя* 阿咄欲[4]).

Два года спустя при императорѣ *Минъ-цзунъ* 明宗, во 2-й годъ правленія *Тянь-чэнъ* (928) въ 12-й лунѣ подъ знаками 己丑 прибылъ ко двору хуй-хускій посолъ[5]).

Въ 3-й годъ правленія *Тянь-чэнъ* (929) въ 1-й лунѣ прибылъ ко двору посолъ *Ли-а-шань* 李阿山 для представленія дани отъ правителя государства *Цюань-чжи-го* 權知國.

Во 2-й лунѣ ему со свитою изъ 18 человѣкъ дана аудіенція и приняты принесенные подарки[6]).

Въ 5-й лунѣ подъ знаками 辛酉 *шанъ-цзянъ-цзюнь Чжао-цзингъ-и* 趙敬怡 сдѣланъ секретнымъ посланникомъ, и ему поручено было наградить хуй-хускаго хана, вана *Жэнь-юй* 仁裕, титуломъ *шунь-хуа*-ханъ 順化可汗[7]).

---

1) Ib., *У-дай-ши, Танъ Чжуанъ-и-чунъ-бэнь-цзи.*
2) Ibidem, *Хуй-ху-бэнь-чжуанъ.*
3) Ib., *Цэ-фу-юань-гуй.*
4) Ib., *У-дай-ши; Танъ Чжуанъ-цзунъ-бэнь-цзи; Хуй-ху-бэнь-чжуанъ*
5) Ib., *У-дай-ши; Танъ Минъ-цзунъ-бэнь-цзи.*
6) Ib., *У-дай-ши; Цэ-фу-юань-гуй.*
7) Ib., *У-дай-ши; Танъ Минъ-цзунъ-бэнь-цзи.*

Въ 8-й вставочной лунѣ [illegible]сланъ посолъ съ докладомъ о дани. Въ 12-й же лунѣ командированъ посолъ для представленія дани[1]).

Въ слѣдующемъ 4-мъ году правленія *Тянь-чэнъ* приходило въ 1-й лунѣ подъ знаками 壬辰 хуй-хуское посольство, имѣя во главѣ *ду-ду Чжи-бо* 都督掣撥.

Въ 1-й годъ правленія *Чжанъ-синъ* пріѣзжали ко двору три хуй-хускихъ посольства.

Въ 5-й лунѣ подъ знаками 丁丑 прибылъ посолъ *Ин-ми-цзу* 孽孛祖; въ той же лунѣ подъ знаками 庚辰 прибылъ *Ань-хэй-лянь* 安黑連, а въ 12-й лунѣ подъ знаками 丁巳 пріѣзжалъ отъ хуй-хускаго *Шунь-хуа*-хана *Жэнь-юя* посолъ *Ли-мо-сы* 翟末斯.

Во 2-й годъ *Чжанъ-синъ* (931), во 2-й лунѣ подъ знаками 己巳 пріѣзжалъ хуй-хускій посолъ *Ань-юнъ-сы* 安永思.

Въ 3-й годъ (932) въ 1-й лунѣ 己酉 пріѣзжалъ хуй-хускій посолъ[2]).

Въ 4-й годъ (934) въ 7-й лунѣ 乙未 прибылъ ко двору хуй-хускій *ду-ду Ли-мо* 李末 и представилъ пару бѣлыхъ кречетовъ. Императоръ приказалъ выпустить ихъ на волю[3]).

При императорѣ *Минь-ди* 愍帝 было еще одно посольство въ 1-й годъ правленія *Инъ-шунь* (934), въ 1-й лунѣ отъ хуй-хускаго хана *Жэнь-мэй*[4]).

Послѣднимъ же намъ извѣстнымъ посольствомъ при *Хоу-Танской* династіи было явившееся при императорѣ *Фэй-ди* 廢帝, во 2-й годъ *Цинъ-тай* (935), въ 7-й лунѣ подъ знаками 丁酉 подъ главенствомъ *ду-ду Чэнь-фу-хай* 陳福海 отъ хуй-хускаго вана *Жэнь-мэй*[5]).

Приведенныя данныя изъ періода династіи *Хоу-Танъ* называютъ намъ нѣсколько преемственно управлявшихъ хуй-хусцами

---

1) Іb., *Цэ-фу-юанъ-гуй*.
2) Іb., *У-дай-ши; Танъ Минъ-цзунъ-бэнь-цзи*.
3) Іb., *У-дай-ши; Танъ Минъ-цзунъ-бэнь-цзи*.
4) Іb., *У-дай-ши; Танъ Минъ-цзунъ-бэнь-цзи*.
5) Іb., *У-дай-ши; Танъ Фэй-ди-бэнь-цзи*.

хановъ. Таковы: *Жэнь-мэй*, *Ди-инь*, *А-ду-юй*, *Жэнь-юй* и въ концѣ опять *Жэнь-мэй*, совпадающій съ тѣмъ, что стоитъ на первомъ мѣстѣ. Характернымъ и загадочнымъ явленіемъ намъ кажется названіе государства, изъ котораго являлись послы.

Что это за *Цюань-чжи-го* 權知國, остается загадкою.

Исторія смѣнившей домъ *Хоу-Танъ* 後唐 *Хоу-Цзинской* 後晉 (936—947) династіи сообщаетъ также очень немного свѣдѣній о *хуй-ху* и то больше изъ области ихъ посольствъ.

Вотъ они:

При императорѣ *Гао-цзу* 高祖 въ 3-й годъ правленія *Тянь-фу* (938), въ 3-й лунѣ подъ знаками 壬戌 прибылъ посолъ хуй-хускаго хана вана *Жэнь-мэй*, по имени *Ди-цюань-фу* 翟全福, а въ 9-й лунѣ того же года подъ знаками 己未 прибылъ посолъ *Ли-вань-цзинь* 李萬金[1].

На слѣдующій годъ (939) въ 3-й лунѣ подъ знаками 乙巳 пріѣзжалъ ко двору хуй-хускій посолъ *И-ли-дунь* 拽里敦, а въ 4-й лунѣ пожаловали хуй-хускаго вана *Жэнь-мэй* титуломъ *Фынъ-хуа*-хана 奉化可汗[2].

Въ 5-й годъ *Тянь-фу* (940), въ 1-й лунѣ подъ знаками 己丑 прибылъ хуй-хускій посолъ *Ши-хай-цзинь* 石海金[3].

При императорѣ *Чу-ди* 出帝, вступившемъ на тронъ въ 7-й годъ правленія *Тянь-фу* (942), въ 6-й лунѣ, въ 10-й лунѣ того же года подъ знаками 庚午 ко двору прибылъ хуй-хускій посолъ[4].

Въ 3-й годъ правленія *Кай-цзюнь*, во 2-й лунѣ подъ знаками 丙子 пріѣхалъ ко двору хуй-хускій посолъ *ту-кюэсецъ Лу* 突厥陸[5].

Свѣдѣнія о хуй-хускихъ именахъ къ данному періоду у китайцевъ начали уже путаться и терять прежнюю ясность и отчетливость. Это видно прежде всего изъ того, что лѣтописи Хоу-

1) Іb., *У-дай-ши*; *Цзинь Гао-цзу-бэнь-цзи*.
2) Іb., *У-дай-ши*; *Цзинь Гао-цзу-бэнь-цзи*.
3) Іb., *У-дай-ши*; *Цзинь Гао-цзу-бэнь-цзи*.
4) Іb., *У-дай-ши*; *Цзинь Чу-ди-бэнь-цзи*.
5) Іb., *У-дай-ши*; *Цзинь Чу-ди-бэнь-цзи*.

Танской и Хоу-Цзиньской династій не сохраняютъ однообразія въ употребленіи самаго имени *хуй-ху*, а очень часто называютъ ихъ старымъ, давно измѣненнымъ именемъ *хуй-хэ* 回紇. Засимъ они дѣлаютъ поясненія объ ихъ странѣ и государяхъ, въ которыхъ, очевидно, чувствовалась для современниковъ, а, можетъ быть, и для самихъ писателей нужда. Такъ подъ 939 г. (4-й годъ *Тянь-фу*) *Хуй-ху-бэнь-чжуань* пишетъ слѣдующее:

«Хуй-хускій ванъ *Жэнь-юй* 仁裕 Цзиньскимъ *Гао-цзу* былъ пожалованъ титуломъ *Фынь-хуа*-хана 奉化可汗. *А-ду-юй* не имѣлъ этого титула; *Ди-инь*, бывшій то въ близкихъ то въ далекихъ отношеніяхъ съ дворомъ, также не имѣлъ его; вскорѣ по вступленіи на тронъ онъ умеръ, а *Жэнь-юй* прекратилъ частые приходы ко двору и приношеніе дани». Здѣсь получается смѣшеніе двухъ именъ хановъ *Жэнь-мэй* 仁美 и *Жэнь-юй* 仁裕. По Хоу-Танской исторіи преемникомъ хана *А-ду-юй* былъ *Жэнь-юй*, а потомъ исторія называетъ имя хана *Жэнь-мэй*. Былъ ли это одинъ ханъ или два, мы не знаемъ. Вѣроятно, одинъ, такъ какъ въ Хоу-Цзиньской исторіи глава *Гао-цзу-бэнь-цзи* говоритъ, что императоръ пожаловалъ титулъ *Фынь-хуа*-хана вану *Жэнь-мэй*, а по *Хуй-ху-бэнь-чжуань* тотъ же титулъ получилъ *Жэнь-юй*. Во всякомъ случаѣ это служитъ подтвержденіемъ дальнѣйшихъ словъ лѣтописи, что «историки потеряли нить въ веденіи записокъ».

Вѣроятно, въ силу этой же бѣдности свѣдѣній глава о *хуй-ху* находитъ нужнымъ предложить нѣкоторыя данныя о странѣ этихъ инородцевъ.

«Земля *Хуй-ху*», пишется здѣсь, «производитъ яшму, яковъ, зеленыхъ дикихъ лошадей 綠野馬, дромодеровъ, бѣлыхъ соболей, мышей, большихъ дикихъ барановъ съ тонкими рогами, содержащими въ себѣ лѣкарственное вещество[1]), нашатырь, почки морской собаки[2]), алмазъ, красныя зеркала, ковровыя

1) Вѣроятно, родъ мараловъ, рога которыхъ цѣнятся очень дорого.

2) 腽肭臍. Такъ переведено въ слов. Палладія и Попова, т. II, стр. 51. Мы не знаемъ, что это такое.

шелковыя узды для лучшихъ лошадей. Еще имѣется въ ихъ странѣ бѣлая пшеница [1]), особаго рода бумага изъ пеньки, окрашенная особымъ составомъ для предохраненія отъ *мо-ли* 黃麻, полевой тминъ [2]). Пашутъ и обрабатываютъ тамъ землю верблюдами. Ханы ихъ живутъ въ теремахъ, женамъ своимъ даютъ титулъ «небесныхъ принцессъ» 天公主. Государства ихъ носятъ общее названіе *Мэй-лу* 媚𣳾. Генералъ (*ду-ду*), когда является къ государю, снимаетъ шапку, покрываетъ волосы и потомъ уже входитъ, — того требуютъ ихъ правила приличія. Женщины ихъ вообще дѣлаютъ изъ волосъ на головѣ хохолъ вышиною въ 5—6 вершковъ и обертываютъ его шелковой тканью, а когда выходятъ замужъ, то прибавляютъ еще къ этому ковровыя шапки.

Есть еще поколѣніе, называемое *лунъ-цзя* 龍家; его нравы съ *хуй-хэ* (sic) нѣсколько различны [3]).

Удивительно, что отъ періода Хоу-Ханьской 後漢 династіи, занимавшей тронъ только три года (947—950), до насъ дошло два извѣстія о хуй-хускихъ посольствахъ.

При императорѣ *Инь-ди* 隱帝, въ 1-й годъ правленія *Цянь-го* (947), въ 5-й лунѣ подъ знаками 己未 прибылъ хуй-хускій посолъ.

Во 2-й годъ *Цянь-го* (948) въ 6-й лунѣ подъ знаками 辛卯 прибылъ хуй-хускій посолъ *шоу-линъ Янъ-янь-сянъ* 楊彦珣 [4]).

При смѣнившемъ Хоу-Ханьскую династію домѣ *Хоу-Чжоу* 後周 (951—960) подъ 1-мъ годомъ правленія *Куанъ-шунъ* императора *Тай-цзу* (951), во 2-й лунѣ подъ знаками 辛丑 сохранилось извѣстіе о прибытіи посольства отъ си-чжоускихъ 西州 *хуй-ху* въ лицѣ какого-то *ду-ду*. Въ той же лунѣ подъ

---

1) Здѣсь оставляемъ безъ перевода 青麩麥; о среднемъ іероглифѣ *Гу-цзинь-ту-шу* дѣлаетъ замѣчаніе, что его нѣтъ и въ *Кан-си-цзи-дянѣ*.

2) 胡荽 собственно значитъ «душистая овощь, привезенная Чжанъ-цянемъ съ запада». Вильямсъ переводитъ «полевой тминъ».

3) Ib., *У-дай ши; Хуй-хэ-бянь-чжуанъ*.

4) Ib., *У-дай-ши; Хань Инь-ди-бянь-цзи*.

знаками 丁巳 отъ *хуй-ху* (гань-чжоускихъ, къ имени которыхъ не прибавляется опредѣленія) пріѣхалъ посолъ *Мо-ни* 摩尼, т. е. маниxей.

Въ 3-й годъ *Куанъ-шунь*, въ 1-й прибавочной лунѣ подъ знаками 丙戌 прибылъ хуй-хускій посолъ *Ду-чэнъ-сянъ-вэнь* 獨呈相温[1]).

При императорѣ *Ши-цунъ* 世宗, въ 1-й годъ правленія *Сянь-дэ* (954), во 2-ой лунѣ подъ знаками 庚戌 прибылъ хуй-хускій посолъ. Въ 5-й лунѣ подъ знаками 丁酉 прибылъ хуй-хускій посолъ *Инь-канъ-ди-мо* 因難敵略.

Въ 5-й годъ правленія *Сянь-дэ* (958), въ 4-й лунѣ подъ знаками 壬申 прибыло хуй-хуское посольство[2]).

На слѣдующій годъ въ 3-й лунѣ подъ знаками 己酉 *хуй-хэ* (sic) пришли и представили въ даръ яшму, но отъ нея отказались[3]). Объясненіе этого явленія мы находимъ въ главѣ о *хуй-ху*. Эти инородцы со временъ императора *Минъ-цзуна* (927—933), т. е. второго императора Хоу-Таиской династіи, постоянно привозили на конныя ярмарки въ Китаѣ яшму для продажи. Уѣздные чиновники и народъ возмущались этимъ и запрещали продавать ее подъ тѣмъ предлогомъ, что торговцы приносятъ имъ большой вредъ. Во времена Чжоускаго *Тай-цзу* поэтому многіе добывали у *хуй-ху* яшму путемъ частныхъ контрабандныхъ покупокъ, и цѣна на нее упала. Когда въ правленіе *Сянь-дэ хуй-ху* прибыли ко двору и представили яшму, *Ши-цзунъ* сказалъ: «Яшма, хотя и драгоцѣнность, но не высокая, и я отказываюсь отъ нея»[4]).

Это извѣстіе имѣетъ для насъ большую важность. Нужно имѣть въ виду, что кочевники всегда мало размышляли о томъ, чтобы приносить цѣнные подарки Китаю. Ихъ подарки являлись только поводомъ для полученія подарковъ со стороны Китая, и

---

1) Ib., *У-дай-ши; Чжоу Тай-цзу-бэнь-цзи.*
2) Ib., *Шанъ-у-дай-ши, Чжоу Ши-цзунъ-бэнь-цзи.*
3) Ib., *У-дай-ши, Чжоу Ши-цзунъ-бэнь-цзи.*
4) Ib., *У-дай-ши, Чжоу Хуй-хэ-бэнь-чжуанъ.*

цѣнность послѣднихъ, безотносительно къ цѣнности инородческихъ подарковъ, бывала пропорціональна политической силѣ кочевниковъ и опасности, которая могла угрожать отъ нихъ Китаю. Если Китай боялся нашествія варваровъ и не могъ противопоставить имъ своихъ войскъ, то онъ откупался дорогою цѣной; въ противномъ случаѣ цѣна падала. Теперь, видимо, значеніе *хуй-ху* упало совершенно, и страхъ передъ ними у населенія исчезъ. Вспомнимъ, какъ при Танской династіи *хуй-хэ* бѣлымъ днемъ грабили базары, разбивали тюрьмы и выпускали оттуда на волю своихъ земляковъ, посаженныхъ китайскими властями, подвергая представителей послѣднихъ побоямъ и истязаніямъ. Теперь, очевидно, все измѣнилось. Уѣздныя власти запрещаютъ кочевникамъ являться на рынки, а императоръ, самъ по себѣ слабый, безсильный противиться придворнымъ и внутреннимъ государственнымъ безпорядкамъ и нашествіямъ сильныхъ киданей, гонитъ *хуй-ху* со двора, отказывая имъ въ традиціонныхъ подаркахъ.

Глава VI.

Хуй-ху въ періодѣ Сунской 宋 (960—1280), Ляоской 遼 (916—1125), Цзиньской 金 (1125—1234) и Юаньской 元 (1280—1367) династій.

Своимъ утвержденіемъ на тронѣ Срединной имперіи Сунская династія уничтожила мало-по-малу изнурявшія страну волненія и неурядицы и дала ей покой. Жизнь государственная получила правильное направленіе и постепенно приняла нормальный ходъ, нарушавшійся столь долгое время. Поэтому и исторія Сунской династіи существенно отличается отъ своихъ предшественницъ, которыя по безпорядочности и неполнотѣ служили лучшимъ отраженіемъ своего времени. Даже и свѣдѣнія объ инородцахъ въ Сунской исторіи несравненно полнѣе и отчетливѣе, чѣмъ данныя изъ періода *У-дай*, а введеніемъ въ изложеніе

современныхъ событій лѣтопись Сунская вноситъ много поясненій и дополненій въ разбросанный отрывочный лепетъ своей предшественницы.

«*Хуй-ху*», пишетъ историкъ Сунской династіи, «суть потомки *сюнъ-ну*. Жили они на сѣверъ и западъ отъ *Тянь-дэ*, по рѣкѣ *Со-линъ-шуй* 娑陸水 (Селенгѣ). При Бэй-Вэйской династіи носили названіе *ть-лэ* 鐵勒, въ началѣ Танской династіи назывались *тэ-лэ* 特勒, а позже — *хуй-хэ* 回紇. Старшина ихъ назывался ханомъ. Со времени *Чжэнь-гуанъ* (627—649) и послѣ они безпрерывно представляли ко двору дань. Въ началѣ годовъ правленія *Чжи-дэ* (756—760), приславъ войско, они помогли Срединному государству справиться съ возмущеніемъ *Ань-лу-шаня*. Потомъ правительство оказывало имъ милости и научало ихъ церемоніямъ, хотя это и было очень тяжело. Опираясь на свои заслуги, варвары самовольничали во дворцѣ, а правительство, хотя и со скорбію, но просило ихъ не излишествовать и волею-неволею слушалось ихъ и слѣдовало ихъ желаніямъ. Въ правленіе *Юань-хэ* (806—820) они просили измѣнить имя *хуй-хэ* на *хуй-ху*. Въ годы *Хуй-чанъ* (841—846) ихъ государство пришло въ упадокъ, у нихъ начались волненія, всѣ единомышленники-начальники сгруппировались вокругъ племянника по женской линіи *цзянъ-цзюня Пинъ-лэ* 龐勒 (т. е. *Пинъ-тэ-лэ*) и поспѣшно двинулись на западъ въ *Ань-си* 安西. Такимъ образомъ *хуй-ху* сдѣлались господами въ *Ю-чжоу* 幽州[1]).

Полководецъ *Чжанъ-чжунъ-бу* былъ разбитъ *Пинъ-лэ*, и послѣдній самъ назвался ханомъ. *Хуй-ху* жили тогда въ *Гань-чжоу*, *Ша-чжоу* 沙州 и *Си-чжоу*, хотя и не могли уже вернуть себѣ прежняго могущества.

При династіяхъ періода *У-дай*: *Хоу-Лянъ*, *Хоу-Танъ*, *Хоу-Цзинь*, *Хоу-Ханъ* и *Хоу-Чжоу* всѣ они присылали пословъ съ данью ко двору.

При *Хоу-Танъ* указомъ данъ былъ ихъ государственному вану *Жэнь-мэй* титулъ *Инъ-и*-хана. По смерти *Жэнь-мэя* на пре-

1) Земли въ юго-западномъ Ордосѣ.

столъ вступилъ его младшій братъ *Жэнь-юй* и указомъ былъ сдѣланъ *Шунь-хуа*-ханомъ. При Цзиньской династіи произошла перемѣна, и его сдѣлали *Финь-хуа*-ханомъ[1]). По смерти *Жэнь-юя* взошелъ на престолъ сынъ его *Цзинъ-цюнь* 景瓊. Раньше этого Танскіе государи одинъ за другимъ выдавали замужъ за нихъ своихъ царевенъ, посему *хуй-ху* называли императоровъ дядьями, а въ указахъ и отвѣтахъ имъ императоры называли ихъ племянниками по женской линіи. Послѣ періода *У-дай* все оставалось въ прежнемъ видѣ[2]).

Привыкшіе являться на поклонъ ко двору въ періодъ *У-дай*, *хуй-ху* не замедлили примѣнить то же и къ Сунской династіи. И вотъ, во 2-й годъ правленія *Цянь-дэ* (961) въ 12-й лунѣ при императорѣ *Тай-цзу* зимою прибылъ отъ хуй-хускаго хана *Цзинъ-цюнь* посолъ и представилъ въ даръ произведенія страны[3]).

На слѣдующій годъ (962) въ 4-й лунѣ лѣтомъ явился ко двору хуй-хускій *ду-ду* 都 со свитою изъ 12 человѣкъ и представилъ въ даръ произведенія страны[4]).

Два года спустя (964) въ 2-й годъ правленія *Цянь-дэ* въ 1-й лунѣ прибылъ посолъ для представленія дани, состоявшей изъ 100 кусковъ яшмы, 40 гиповъ янтаря, коровьихъ хвостовъ, соболей и пр.[5]).

Въ 3-й годъ *Цянь-дэ* (965) приходило три посольства отъ *хуй-ху*.

Въ 3-й лунѣ прибылъ посолъ *Чжао-данъ-ши* 趙黨誓 со свитою изъ 17 человѣкъ и представилъ въ дань яшму, янтарь, красные и бѣлые коровьи хвосты[6]). Въ 11-й лунѣ юань-чжоускіе *хуй-хэ* прислали посломъ *хэ-шана* для представленія въ даръ драгоцѣнной реликвіи — зуба Будды. Третье посольство прибыло въ 12-й лунѣ тоже изъ *Гань-чжоу*[7]).

1) Вотъ и разгадка путаницы исторіи *У-дай*.
2) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ib., л. 23; *Сунъ-ши*, *Хуй-ху-чжуань*, цз. 490, л. 12.
3) Ib.; *Сунъ-ши*, *Тай-цзу-бэнь-цзи*, цз. 1, л. 10; *Хуй-ху-чжуань*, цз. 490, л. 12.
4) Ib., *Сунъ-ши*, *Тай-цзу-бэнь-цзи*, цз. 1, л. 11; *Хуй-ху-чжуань*, цз. 490, л. 12.
5) Ib., *Сунъ-ши*, *Тай-цзу-бэнь-цзи*, цз. 1, л. 16; *Хуй-ху-чжуань*, цз. 490, л. 12.
6) Ib., *Сунъ-ши*, *Тай-цзу-бэнь-цзи*, цз. 2, л. 1; *Хуй-ху-чжуань*, цз. 490, л. 12.
7) Ib., *Сунъ-ши*, *Тай-цзу-бэнь-цзи*, цз. 2, л. 2.

Во 2-й годъ *Кай-бао* (969) въ 11-й лунѣ прибылъ посолъ съ дарами изъ произведеній страны; вообще въ этотъ годъ постоянно присылали они пословъ съ данью изъ мѣстныхъ произведеній. Ихъ министръ *Цюй-сянь-юй* 鞠仙遇 также прислалъ въ дань лошадей [1]).

При второмъ императорѣ Сунской династіи *Тай-цзунъ* 太宗 послы продолжали повалиться, и починъ къ тому, кажется, былъ даже со стороны китайскаго правительства. Именно во 2-й годъ правленія *Тай-пинъ-синъ-го* (978) зимою командировали дворцоваго чиновника *Чжанъ-цанъ* 張璨 къ *хуй-ху* съ высочайшимъ указомъ, объявлявшимъ ганъ-чжоускихъ и ша-чжоускихъ хановъ племянниками императоровъ по женской линіи. Имъ были пожалованы сосуды, шелковыя матеріи, отличныя лошади, прекрасная яшма, верховыя лошади, телѣги и восьмиугольная съ круглымъ отверстіемъ яшма, употребляемая при жертвоприношеніяхъ землѣ [2]).

Обласканные такимъ вниманіемъ, котораго они давно уже не видѣли, кочевники не замедлили отвѣтить посольствомъ, прибывшимъ изъ *Ганъ-чжоу* и *Ша-чжоу* въ 3-й лунѣ 5-го года *Тай-пинъ-синъ-го* (981); въ даръ представлены были дромадеры, отличныя лошади, кораллы и янтарь. Ханъ *Ганъ-чжоу* и *Ша-чжоу* назывался *Ві-ло-хэ-ми-ли-го* 夜羅紇密禮遏, а имя посла было *Ной-и-ди* 婁溢的; свита его состояла изъ 4 человѣкъ [3]).

Въ 1-й годъ *Юнъ-си* (984) въ 4-й лунѣ *хуй-ху* вмѣстѣ съ хэ-шаномъ *Юнъ-ши* 永世 и человѣкомъ персидской религіи 波斯外道, по имени *А-ли-нинъ* 阿里嶺, представили дань [4]), а въ слѣдующей лунѣ того же года явилось ко двору посольство отъ си-чжоускихъ 西州 *хуй-ху* съ данью [5]).

---

1) Ib., *Сунъ-ши, Тай-цзунъ-бэнь-цзи*, цз. 2, л. 9; *Хуй-ху-чжуань*, цз. 490, л. 12.

2) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ib., л. 24. *Сунъ-ши, Хуй-ху-чжуань*, цз. 490, л. 12.

3) Ib., *Сунъ-ши, Тай-цзунъ-бэнь-цзи*, цз. 4, л. 12; *Хуй-хэ-чжуань*, цз. 490, л. 12.

4) Ib., *Сунъ-ши, Хуй-ху-чжуань*, цз. 490, л. 13, 1—2.

5) Ib., *Сунъ-ши, Тай-цзунъ-бэнь-цзи*, цз. 4, л. 19.

Въ 4-й годъ *Юнъ-си* (987) глава четвертаго рода хэ-лочуаньскихъ 合羅川 *хуй-ху* прислалъ ко двору посольство съ данью[1]).

Во 2-й годъ *Дунь-гунъ* (989), въ 9-й лунѣ хуй-хускій *ду-ду Ши-жэнь-чжэнъ-мо-ло-ванъ-цзы* 石仁政磨羅王子, *Мо-ла-ванъ-цзы* 邈勞王子 и *Юэ-чу-сонь-цзянь* 越勒巡檢 изъ округа *Хуанъ-шуй-чжоу* 黃水州 отъ 4-хъ поколѣній, жившихъ вмѣстѣ у горъ *Хэ-лянь-шань* 賀蘭山 и оказавшихся не въ состояніи самоуправляться, пришли ко двору и представили въ дань отъ всѣхъ аймаковъ много произведеній своей земли. *Мо-ло-ванъ-цзы* сказалъ при этомъ: «Въ прежнее время Лянъ-чжоускій *Фянъ-хуй* 涼州馮暉 загораждалъ намъ путь, потому и дани представлять было невозможно; теперь же явилась мысль о подданствѣ, о чемъ мы и просимъ». Тогда каждый былъ пожалованъ разноцвѣтнымъ кафтаномъ и серебрянымъ поясомъ[2]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ правленіе двухъ первыхъ императоровъ Сунскаго дома связь Китая съ *хуй-ху* не только возобновилась, но и постепенно укрѣплялась, поддерживаясь постоянными сношеніями. Только характеръ политическихъ отношеній радикально измѣнился. *Хуй-ху*, чувствуя свою слабость и силу Сунскаго дома, уже не претендуютъ на какую-либо большую роль въ Китаѣ; они довольствуются подачками отъ двора и оставляютъ жителей Срединной имперіи пока въ совершенномъ покоѣ. То же видимъ и дальше.

При императорѣ *Чжэнь-цзунъ* 眞宗, въ 1-й годъ правленія *Сянь-пинъ* (998), въ 12-й лунѣ прибылъ отъ *хуй-ху* посолъ съ данью.

Спустя три года (1001) лѣтомъ въ 4-й лунѣ ихъ ханъ *Лу-шэнъ* 祿勝 отправилъ посломъ *Цао-ванъ-туна* 曹萬通 и представилъ въ дань ямму, узды, отличныхъ лошадей, одногорбыхъ и безгорбыхъ верблюдовъ, желѣзо, шпаги, латы и стек-

1) Ib., *Сунъ-ши, Хуй-ху-чжуань*, цз. 490, л. 13.
2) Ib., *Сунъ-ши, Хуй-ху-чжуань*, цз. 6, л. 5.

лянные сосуды. *Цао-вань-тунъ* самъ сказалъ, что онъ «посланникъ отъ совѣта *Шу-ми*[1]) изъ своей родины. Его родная страна на востокъ доходитъ до *Хуанъ-хэ*, на западъ до *Сюэ-шанъ* 雪山 (Снѣжныхъ горъ) и имѣетъ у себя нѣсколько сотъ маленькихъ владѣтелей съ нѣсколькими стами конныхъ латниковъ. Они желаютъ, чтобы императорскій дворъ приказалъ какому-нибудь тунъ-лину отправиться къ нимъ и помогъ имъ перейти въ китайское подданство и переселиться». Тогда хану *Лу-шэну* былъ выданъ указъ слѣдующаго содержанія: «Мятежники (т. е. *хуй-ху*), переселившись на наши земли, дурно повинуются властямъ и препятствуютъ нашимъ сановникамъ приводить въ порядокъ государство и укрѣплять родственныя отношенія и дружбу между дядьями и племянниками. Вслѣдъ затѣмъ они представляютъ докладъ о томъ, чтобы заготовить проектъ о назначеніи на должности чиновниковъ и о приведеніи въ порядокъ дѣла переселенія, и, сверхъ того, они желаютъ представить лучшія свои войска, разбить мятежниковъ, расширить границы государства на западъ и представить плѣненнаго ими сѣвернаго *Кюэ*-хана 闕可汗. Всѣ эти заслуги и дѣла должно похвалить и одобрить. Я, однако, думаю теперь не посылать къ нимъ опять отдѣльнаго посольства, а командировать вмѣстѣ съ Цао-вань-туномъ главнокомандующаго и въ избыткѣ наградить *Лу-шэна* сосудами и платьемъ»[2]). Такимъ образомъ очень ловко было устранено предложеніе хуй-хусцевъ переселиться въ Китай. Сунскій дворъ, наученный Танскимъ опытомъ, отлично зналъ, какія вредныя послѣдствія приноситъ странѣ прочное обоснованіе въ ней кочевыхъ варваровъ, и потому не допускалъ никакихъ сближеній ихъ съ осѣдлымъ населеніемъ и всячески препятствовалъ появленію хуй-хускихъ центровъ въ земляхъ Собственнаго Китая. Ниже мы сейчасъ увидимъ отказъ на подобное же предложеніе религіознаго характера.

---

1) 樞密 *Шу-ми* — чрезвычайное учрежденіе въ военное время, высшій совѣтъ при государѣ, особенно для обсужденія пограничныхъ дѣлъ.

2) Ib., *Сунъ-ши, Тжэнь-цзунъ-бэнь-цзи*, цз. 6, л. 12; *Хуй-ху-чжуанъ*, цз. 490, л. 18.

Въ 1-й годъ правленія *Цзинъ-дэ* (1004) гань-чжоускіе *хуй-ху* пришли для представленія дани отъ хана *Ё-ло-хэ* 夜落紇[1]).

Въ 4-й годъ правленія *Цзинъ-дэ* (1007) прибыли послы изъ *Гань-чжоу* и *Ша-чжоу*. Посолъ *Ни-фа-сянь* 尼法仙 и другіе по прежнему представили въ дань лошадей. Тогда *Ни-фа-сяню* было дано разрѣшеніе отправиться на *У-тай-шань* 五臺山. Кромѣ того, присланный въ посольствѣ *хэ-шанъ Ди* 翟 представилъ докладъ о подданствѣ и въ даръ лошадей; онъ просилъ также о разрѣшеніи построить въ столицѣ буддійскую кумирню, чтобы молиться о долголѣтіи императора, и назначеніи кумирнѣ имени, но это позволено не было[2]). Въ самомъ дѣлѣ, постройка кумирни создала бы при ней штатъ хуй-хускихъ монаховъ и подворье, въ которомъ приходящія посольства всегда имѣли бы пристанище; она создала бы цѣлый рядъ интересовъ, связывающихъ *хуй-ху* съ столицей Китая, и могла дать постоянные поводы для столкновеній китайскихъ властей съ пришлыми кочевниками, которые не любили подчиняться какимъ-либо стѣсненіямъ и законамъ. Правительство Китая все это знало по опыту и потому и отказало въ домогательствахъ *хуй-ху*.

Въ 1-й годъ *Да-чжунъ-сянъ-фу* (1008) Гань-чжоускіе *хуй-ху* пришли съ цѣлью привѣтствовать императора и принести жертвы небу и землѣ[3]).

Въ 3-й годъ *Да-чжунъ-сянъ-фу* (1010), въ 11-й лунѣ были присланы *цзо-вэнь-цзай-сянъ Хэ-цзюй-лу-юэ* 何居錄越, посолъ *Ди-фу-шоу-лао* 翟符守榮 и другіе съ данью вмѣстѣ съ командированнымъ отъ Гуй-цзыскаго 龜茲 государя посольствомъ, во главѣ котораго стояли *Ли-тинъ-фу-фу* 李廷福副, *Ань-фу-цзянь* 安福監 и *Ди-цзинь* 翟進. Они пришли и представили въ даръ благовонныя травы, цвѣтокъ *хуа-жуй* 花

---

1) Ib., *Сунъ-ши, Чжэнъ-цзунъ-бэнъ-цзи*, цз. 7, л. 7; *Хуй-ху-чжуанъ*, цз. 490, л. 18.

2) Ib., *Сунъ-ши, Чжэнъ-цзунъ-бэнъ-цзи*, цз. 7, л. 20.

3) Ib., *Сунъ-ши, Чжэнъ-цзунъ-бэнъ-цзи*, цз. 7, л. 20.

惣, знаменитыхъ лошадей, верблюдовъ, хвосты большихъ размѣровъ, барановъ, яшму, узды, янтарь и пр.[1]).

На слѣдующій годъ въ 4-й лунѣ (1011) *Ди-фу-шоу-лао* и другіе 30 человѣкъ просили дозволенія соусладиться жертвами землѣ. Въ этотъ же годъ ханъ *Ё-ло-хэ* 夜落紇 прислалъ посольство съ дарами изъ мѣстныхъ произведеній. Тогда былъ представленъ докладъ: «Гань-чжоускіе *хуй-ху* во главѣ съ *Ань-ми* 安密 и другими представили просьбу о подданствѣ и въ дань яшму и вмѣстѣ съ тѣмъ совершили жертвоприношеніе по лѣвую сторону дороги». Тогда *Ди-фу-шоу-лао* былъ сдѣланъ *цзо-цзянь-у-цзюнь-да-цзянь-цзюнемъ*, и всѣ пришедшіе чиновники получили въ избыткѣ награды поясами и шапками, сосудами и шелковыми матеріями. Въ этотъ годъ *Ё-ло-хэ* командировалъ посла донести о томъ, что онъ разбилъ *Чжао-дэ-минъ* 趙德明, и о томъ, что оказалъ правительству услуги. *Шоу-линъ* просилъ объ увеличеніи милостей и о наградахъ. Былъ изданъ указъ предоставить чиновникамъ въ управленіе десять областей и послать ихъ на разныя мѣста и должности[2]).

Въ 6-й годъ *Да-чжунъ-сянъ-фу* (1013), въ 12-й лунѣ подъ знаками 庚申 *хуй-ху* прислали пословъ съ данью[3]).

Въ 8-мъ году *Да-чжунъ-сянъ-фу* (1015), въ 10-й лунѣ зимою явился съ данью хуй-хускій посолъ *А-ло* 阿羅[4]).

Въ 9-й годъ *Да-чжунъ-сянъ-фу хуй-ху* пришли съ данью, и въ отвѣтъ на это Бинъ-чжоускому 并州 и Гань-чжоускому 甘州 ханамъ были пожалованы сосуды и шелковыя матеріи. Въ этотъ годъ пришли послы съ извѣстіемъ, что *Ё-ло-хэ* ханъ умеръ, и 9 аймачныхъ министровъ просятъ объ утвержденіи вмѣсто него ваномъ *Ё-ло-гэ* 夜落隔 для управленія государственными дѣлами[5]).

---

1) *Гу-цзинъ-ту-шу*, Ib., л. 15; *Сунъ-ши*, *Чжэнъ-цзунъ-бэнъ-цзи*, цз. 7, л. 24; *Хуй-ху-чжуанъ*, цз. 490, л. 14.

2) Ib., *Сунъ-ши*, *Чжэнъ-цзунъ-бэнъ-цзи*, цз. 8, л. 1; *Хуй-ху-чжуанъ*, цз. 490, л. 14.

3) Ib., *Сунъ-ши*, *Чжэнъ-цзунъ-бэнъ-цзи*, цз. 8, л. 7.

4) Ib., *Сунъ-ши*, *Чжэнъ-цзунъ-бэнъ-цзи*, цз. 8, л. 12.

5) Ib., *Сунъ-ши*, *Чжэнъ-цзунъ-бэнъ-цзи*, цз. 8, л. 14; *Хуй-ху-чжуанъ*, цз. 490, л. 15.

Во 2-й годъ правленія *Тянь-си* (1018) *Ѣ-ло-гэ* изъ *Гуй-хуачэна* 歸化城 послалъ *ду-ду Ань-синь* 安信 и другихъ ко двору [1]).

Въ 4-й годъ правленія *Тянь-си*, вмѣстѣ съ представителями государства *Гуй-цзы* 龜茲 отъ хана *Чжи-хай* 智海, прибылъ посолъ отъ *хуй-ху* и представилъ въ дань большіе хвосты и барановъ. Раньше убѣжавшіе на западъ *хуй-ху* жили въ это время разсѣянно по странѣ и управлялись разными лицами. Ганьчжоуцы имѣли *ханъ-вана* 可汗王, си-чжоуцы 西州 — *кэханъ-вана* 克韓王, синь-фу-чжоуцы 新復州 — *хэй-ханъ-вана* 黑韓王. Всѣ они — позднѣйшіе пришельцы [2]).

При императорѣ *Жэнь-цзунѣ* 仁宗 приходы ко двору посольствъ продолжались.

Въ 1-й годъ правленія *Тянь-шэнъ* въ 5-й лунѣ ганьчжоускій *Ѣ-ло-гэ-тунъ-шунь* 夜落隔通順 командировалъ посла *А-гэ-чжи-вана* 阿葛之王, который прибылъ съ данью изъ мѣстныхъ произведеній. Въ 6-й лунѣ былъ изданъ высочайшій указъ на имя племянника по женской линіи хана *Ѣ-ло-гэ-тунъшунь* и пожалованъ ему титулъ *Гуй-чжунъ-бао-шунь-ханъ-ванъ* 歸忠保順可汗王 [3]).

Во 2-й годъ *Тянь-шэнъ* (1024), въ 5-й лунѣ *хуй-ху* отправили посломъ *ду-ду Си-синь* 習信 со свитою изъ 14 человѣкъ для представленія дани изъ лошадей, тонкой шелковой ткани и бѣлой ткани *бо-дэ* [4]).

---

1) Ib., *Сунъ-ши*, *Хуй-ху-чжуанъ*, цз. 490, л. 15.

2) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ib., л. 26; *Сунъ-ши*, *Чжэнъ-цзунъ-бэнъ-цзи*, цз. 8, л. 21; *Хуй-ху-чжуанъ*, цз. 490, л. 15. Здѣсь мы видимъ, безъ сомнѣнія, тройкую транскрипцію слова *ханъ* китайскими іероглифами. Но что она значитъ, неизвѣстно. Можетъ быть, ея разница обусловливается различіемъ нарѣчій *хуй-ху*, жившихъ въ разныхъ мѣстахъ?

3) Ib., *Сунъ-ши*, *Хуй-ху-чжуанъ*, цз. 490, л. 15.

4) Ib., *Сунъ-ши*, *Хуй-ху-чжуанъ*, цз. 490, л. 15. *Бо-дэ* 白疊毛 названіе, усволяемое нѣсколькимъ родамъ ткани. Оно означаетъ: 1) бѣлую ткань, доставляемую изъ Хами, изъ шелка дикихъ червей, питающихся горькимъ жэнь-шэнемъ (*ку-шэнъ*); 2) бѣлый бумажный холстъ, доставлявшійся изъ *Гао-чана* ранѣе династіи *Танъ*. Полагаютъ, что онъ упоминается еще въ *Ши-цзи* подъ назва-

Въ 3-й годъ *Тянь-шэнъ* (1025) *хуй-ху* представили дань [1]).

Въ 5-й годъ *Тянь-шэнъ* присланные отъ *хуй-ху* послы *Ань-ванъ-дунъ* 安萬東 и еще 14 человѣкъ представили въ дань мѣстныя произведенія [2]).

При императорѣ *Шэнъ-цзунъ* 神宗, въ 1-й годъ правленія *Си-нинъ* въ 7-й лунѣ, *хуй-ху* пришли съ данью и просили о выдачѣ имъ написанной золотыми буквами граматы на право торговли. Таковую имъ выдали [3]).

Въ это время въ Китаѣ производились реформы знаменитаго *Ванъ-ань-ши* 王安石, и возникли по сему случаю неудовольствія и безпорядки. Государство тангутовъ объявило Сунцамъ войну, то же сдѣлало и *Ляо*. Воспользовавшись, вѣроятно, этими удобными поводами, *хуй-ху* въ 6-й годъ правленія *Си-нинъ* пришли съ данью и съ предложеніемъ помощи противъ враговъ. Ихъ старшины (шоу-лины), въ количествѣ 5 человѣкъ, сдѣланы начальниками войскъ. Въ этомъ году имъ дали разноцвѣтной шелковой матеріи 20 кусковъ. *Шэнъ-цзунъ* спросилъ ихъ: «Въ вашемъ государствѣ велико ли населеніе?» Тѣ отвѣчали: «больше 300.000 человѣкъ». — «А взрослыхъ, годныхъ въ армію, сколько?» спросилъ императоръ. Они сказали: «двѣсти тысячъ» [4]).

Въ 7-й годъ правленія *Си-нинъ* (1074) высочайшимъ указомъ было поручено *Ли-сяню* 李憲 выбрать развѣдчика-посла, вслѣдствіе чего *А-ли-гу* 阿里骨 былъ отправленъ посломъ къ *хуй-ху* съ указомъ. Тогда повелѣно было, организовавши войско, пройти далеко въ предѣлы государства *Ся* 夏 (тангутовъ) [5]).

Всѣ эти отрывочныя свѣдѣнія даютъ весьма незначительное понятіе объ отношеніяхъ Китая къ *хуй-ху*, но все же изъ нихъ

ніемъ *да-бу*. При династіи *Танъ* упоминаются бѣлые бумажные платы, блестящіе (вѣроятно, лощеные). Палладій и Поповъ, Кит.-русск. сл., т. I, стр. 198.

1) Ib., *Сунъ-ши*, *Хуй-ху-чжуанъ*, цз. 490, л. 15.

2) Ib., *Сунъ-ши*, *Хуй-ху-чжуанъ*, цз. 490, л. 15.

3) Ib., *Сунъ-ши*, *Шэнъ-цзунъ-бэнъ-цзи*, цз. 14. л. 7; *Хуй-ху-чжуанъ*, цз. 490, л. 15.

4) Ib., *Сунъ-ши*, *Хуй-ху-чжуанъ*, цз. 490, л. 15.

5) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ib., л. 26; *Сунъ-ши*, *Хуй-ху-чжуанъ*, цз. 490, л. 15.

можно понять, что значеніе *хуй-ху* при дворѣ совершенно упало: ихъ не цѣнили и не придавали имъ никакого значенія. Подъ выше означеннымъ годомъ (1074) записано событіе, показывающее, что ими даже тяготились и даже употребляли мѣры къ тому, чтобы всячески освободиться отъ ихъ докучливыхъ появленій. Практиковалось это и прежде. Но если предшествующія мѣры дышали осторожностью и осмотрительностью — китайскія власти остерегались, какъ бы имъ не сдѣлать ошибки и не вызвать нашествія кочевыхъ ордъ, — то теперь съ *хуй-ху* обращаются безъ церемоніи. *Ли-сянь*, распоряжавшійся тогда при дворѣ, далъ предписаніе, чтобы хуй-хускихъ пословъ не пускать во дворецъ государя, какъ было раньше, и «не дѣйствовать безразсудно», какъ онъ выразился, а въ случаѣ нужды представлять доклады объ ихъ заслугахъ подлежащему министерству [1]). Это предписаніе, устранявшее совершенно аудіенцію у государя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и раздачу подарковъ, являвшихся всегда приманкою для кочевниковъ, должно было имѣть рѣшающее значеніе въ смыслѣ ограниченія числа хуй-хускихъ посольствъ. Но оно еще болѣе было усилено указомъ, изданнымъ въ томъ же году.

Извѣстно, что являвшіеся въ императорскую резиденцію послы и ихъ челядь, не забывая своихъ степныхъ привычекъ, вели себя далеко не мирно. Грабежи, ссоры и безпорядки отъ нихъ происходили постоянные, и населеніе всегда жаловалось на буйства и обиды, ими чинимыя. Вопросъ же о подсудности ихъ мѣстнымъ властямъ едва ли былъ примѣняемъ когда-либо. Да и о какой подсудности могла идти рѣчь, когда китайцы и ихъ правительство трепетали при одной мысли о возможности нашествія ордъ, бродившихъ за Великою стѣною? Теперь обстоятельства перемѣнились, и вотъ въ довершеніе предписанія *Ли-сяня* появился императорскій указъ о строгомъ и точномъ разслѣдованіи всѣхъ проступковъ *хуй-ху* и о возмещеніи вины съ обидчика. Лѣтопись

1) Пѣ.

замѣчаетъ, что послѣ этого, «конечно, посольства *хуй-ху* въ столицу стали приходить не часто».

Съ этого времени извѣстія о посольствахъ совсѣмъ прекращаются, и мы имѣемъ еще только одно указаніе, характеризующее усиленіе направленія политики, усвоенной теперь китайскимъ дворомъ по отношенію къ *хуй-ху*. При императорѣ *Чжэнь-цзунѣ* 徽宗 въ годы правленія *Сюань-хэ* (1119—1126) *хуй-ху* нарушили постановленіе о прибытіи ко двору и явились съ данью. Ихъ за это долго удерживали въ столицѣ и не отпускали домой. Въ то же самое время китайское правительство озаботилось ограниченіемъ доступа *хуй-ху* въ свои владѣнія и съ другихъ сторонъ.

Разсказывается, что пришедшіе съ данью хуй-хускіе послы и ихъ свита разсѣялись по всѣмъ округамъ провинціи *Шэнь-си*, и, зацявшись мелочною торговлею, долго оставались тамъ и не возвращались въ столицу. При дворѣ безпокоились объ этомъ, хорошо зная характеръ пограничныхъ дѣлъ и жизни. Вслѣдствіе этого на будущее время всѣ переходы *хуй-ху* черезъ китайскія владѣнія въ царство *Ся* были найдены неудобными и постановленіемъ закона запрещены [1]).

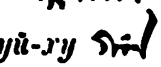
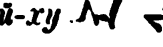
Больше мы ничего не могли почерпнуть изъ Сунской исторіи. Изъ временъ той же династіи отъ 982 года существуетъ дневникъ китайскаго посла *Ванъ-янь-дэ*, ѣздившаго на западъ по предписанію императора. Трудъ этотъ давно уже извѣстенъ въ европейской литературѣ, и его показаніями объ уйгурахъ періода Сунской династіи наполнены почти всѣ труды, посвященные данному вопросу.

Данныя Ляоской и Цзиньской династій уже всѣ выбраны изслѣдователями, и они представляются весьма немногочисленными [2]). Въ этотъ періодъ мы видимъ *хуй-ху* расчлененными на тѣ же племена, какія были и при Сунской династіи, именно:

Гао-чанскіе *хуй-ху* 高昌回鶻 ,

1) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ib., л. 26; *Сунь-ши*, *Хуй-ху-чжуань*, цз. 490, л. 16.

2) Bretschneider, Mediaeval Researches, London, 1888. v. I; Klaproth, Mémoires relatifs à l'Asie, p. II; В. В. Радловъ, Объ Уйгурахъ.

Арсаланъ-хуй-ху ,
Гань-чжоускіе *хуй-ху* ,
Ша-чжоускіе *хуй-ху* ,
Хо-чжоускіе *ху-ху* .

Однако, насколько сильны были эти племена, и какъ далеко простирались ихъ земли, мы совершенно не знаемъ. Только совершенно случайно мы встрѣчаемъ одно интересное показаніе о принадлежавшей *хуй-ху* территоріи на юго-востокѣ Монголіи, изъ котораго становится очевиднымъ, что владѣнія ихъ простирались очень далеко. *Мэнъ-гу-ю-му-цзи*, описывая достопримѣчательности праваго знамени Харачинскаго крыла Чжосотускаго сейма монголовъ, т. е. мѣстности, лежащей на сѣверо-западъ отъ *Жэ-хэ* по Шара-мурени, сообщаетъ слѣдующее: «На сѣверъ отъ ставки *цзасака* лежитъ земля округа *Энь-чжоу-хуай-дэ-цзюнь* 恩州懷德軍, упраздненнаго при Цзиньской 金 династіи. Сочиненіе *Жэ-хэ-чжи* 熱河志, т. е. описаніе *Жэ-хэ*, дѣлаетъ слѣдующую выдержку изъ другого труда *У-цзинъ-цзунъ-яо* 武經總要: «*Энь-чжоу* лежитъ въ древней коренной Ухуаньской 烏桓 землѣ; отъ него на западъ до горъ *Ма-юй-шань* 馬盂山 — 60 ли; на сѣверо-западъ до горъ *Мань-тоу-шань* 曼頭山 — 30 ли; на сѣверъ до *И-кунь-чжоу* 宜坤州 — 50 ли; на западъ до *Гао-чжоу* 高州 — 120 ли; на югъ до Средней столицы 中京 — 60 ли. При Ляоской династіи эта мѣстность была округомъ *Энь-чжоу* 恩州, который при Цзиньской упраздненъ». Сочиненіе *Фанъ-юй-цзи-яо* 方輿紀要 говоритъ, что *Энь-чжоу* находится на юго-западъ отъ *Да-нинъ-вэй* 大寧衛. Но показаніе *У-цзинъ-цзунъ-яо* болѣе заслуживаетъ довѣрія. Мы видимъ, что, по показанію Цзиньской исторіи (*Цзинь-ши-тай-цзу-цзи* 金史太祖記), въ 6-мъ году правленія *Тянь-фу* 天輔 (1118—1123, цзиньскаго *Тай-цзу*), т. е. въ 1123 году, три уйгурскихъ 回紇 города *Кэ-чэнъ* 克城, *Гао-чэнъ* 高城 и *Энь-чэнъ* 恩城 вошли въ составъ области Средней столицы 中京. *Энь-чжоу* вмѣстѣ съ *Гао-чжоу*, какъ слож-

нымъ съ нимъ, долженъ, слѣдовательно, лежать къ сѣверу отъ Средней столицы; нынѣ онъ образуетъ территорію Харачинскаго праваго крыла. *Юань-и-тунъ-чжи* 元一統志 говоритъ, что въ 6-й годъ правленія *Тянь-цзюань* 天眷 (1138—1141) Цзиньскаго императора *Си-цзуна*, т. е. въ 1143 году, изъ упраздненнаго округа *Энь-чжоу* сдѣлали торговый округъ *Энь-хуа-чжэнь* 恩化鎮 подъ управленіемъ особаго начальника, при чемъ онъ вошелъ въ вѣдомство уѣзда *Да-динъ-сянь* 大定縣, а изъ самаго города сдѣлали почтовую станцію А такъ какъ *Энь-чжоу* издавна былъ сложною землею съ уѣздомъ *Да-динъ-сянь*, то его во времена Цзиньской династіи и причислили къ послѣднему, съ упраздненіемъ его административной самостоятельности»[1]).

Однако это показаніе *Юань-и-тунъ-чжи* возбуждаетъ у насъ недоумѣніе по своей датѣ. По извѣстнымъ въ Европѣ хронологическимъ спискамъ *нянь-хао* 年號, т. е. годовъ правленія императоровъ, мы вовсе не знаемъ шестого года правленія *Тянь-цзюань* 天眷, потому что послѣдніе продолжались только до 1141 года, съ котораго идетъ другое *нянь-хао*, именно *Хуанъ-тунъ* 皇統.

Сверхъ того, *Мэнъ-гу-ю-му-цзи*, точнѣе опредѣляя положеніе *Энь-чжоу*, признаетъ ошибочнымъ показаніе *У-цзинъ-цзунъ-яо*, будто къ сѣверу округъ *Энь-чжоу* доходитъ до округа *И-кунь-чжоу* 宜坤州.

«По изслѣдованію оказывается, что отъ *Энь-чжоу* на югъ только 80 ли разстоянія до Средней столицы, а, кромѣ того, земли округа *Гао-чжоу* тянутся на сѣверъ отъ Средней столицы. Гдѣ же, спрашивается, лежатъ эти послѣднія? Очевидно, что округъ *Энь-чжоу* не можетъ непосредственно граничить съ землями Верхней столицы, къ которымъ причислялся округъ *И-кунь-чжоу*, и утвержденіе, что онъ на сѣверѣ примыкаетъ къ землямъ послѣдняго, — ошибочно»[2]).

---

1) *Мэнъ-гу-ю-му-цзи*, цз. 2, л. 20.

2) Ib.

Это показаніе проливаетъ намъ совершенно новый свѣтъ на территорію *хуй-ху*, которые, оказывается, не утеряли своего вліянія на востокъ еще и во времена Ляоской династіи, и только чжурчжени отняли у нихъ земли, присоединивъ ихъ къ своимъ округамъ и подчинивъ своей администраціи.

Центръ тяжести исторіи хуй-хуских племенъ во времена Сунской, Ляоской и Цзиньской династій лежалъ далеко не въ сношеніяхъ ихъ съ китайскими Сунскимъ или Киданьскимъ домами. Въ провинціяхъ *Шань-си*, *Гань-су*, въ долинахъ *Кукунора* и южнѣе образовалось въ это время кочевое государство *Ся*, или Тангутское. Оно распространило свою власть далеко на западъ и на востокъ и безпокоило своими нападеніями и грабежами Китай и владѣнія *Ляо* и *Цзинь* точно такъ же, какъ и *хуй-ху* въ свои цвѣтущія времена. Не оставались въ покоѣ отъ ихъ нападеній и *хуй-ху*, жившіе въ *Гань-чжоу* и *Ша-чжоу*. Ихъ исторія полна столкновеніями и взаимными раздорами[1]).

Впрочемъ перевѣсъ въ это время остается всегда на сторонѣ тангутовъ. *Хуй-ху*, видимо, растворяются въ нихъ массѣ и ассимилируются съ своими сосѣдями, теряя свою самостоятельность и самобытность. На это-то время падаетъ то сліяніе *хуй-ху* съ тангутами, которое породило ихъ отождествленіе въ системѣ Шмидта. Подробное изслѣдованіе исторіи тангутовъ прольетъ намъ, безъ сомнѣнія, много свѣта на этотъ періодъ существованія *хуй-ху*. Мы знаемъ, что въ той же *Гу-цзинь-ту-шу* содержится масса матеріала, служащаго къ выясненію даннаго вопроса, но никто еще изъ европейскихъ ученыхъ не касался этой стороны дѣла, и только одинъ В. П. Васильевъ въ статьѣ «О магометанствѣ въ Китаѣ» отмѣчаетъ этотъ пунктъ, какъ ключъ, служащій къ уясненію многихъ темныхъ вопросовъ исторіи Средней Азіи.

Какъ ни были ослаблены *хуй-ху* притѣсненіями и гнетомъ тангутовъ, но они удерживали еще долго свою самостоятель-

---

1) О. Іакинфъ, Исторія Тибета и Хухунора, т. II, стр. 19, 21 и 22.

ность, тѣнь которой могли проявить даже во времена Юаньской династіи. *Гу-цзинь-шу-шу-цзи-чэнъ* даетъ намъ только два слѣдующія извѣстія объ нихъ изъ этого періода, отличающіяся крайнею бѣдностію содержанія.

Въ 7-й годъ императора Сянь-цзуна, т. е. Угэдея (1257 г.), отложившіеся *хуй-ху* представили ко двору въ дань хрустальные сосуды, жемчугъ, зеркала и тому подобныя вещи, стоимостью въ 30,000 слитковъ серебра, т. е. 1.500.000 ланъ. Дворъ долженъ былъ, конечно, отплатить приличною суммою, и императоръ посему сказалъ слѣдующее: «Нынѣ народъ мой изнуренъ до крайности и въ деньгахъ терпитъ недостатокъ; я одинъ имѣю ихъ, и почему же будемъ мы отказываться отъ вещей?» Сказавши такъ, онъ наградилъ пословъ по немногу, запретивъ однако на будущее время привозить опять столько же вещей [1]).

При императорѣ Чэнъ-цзунѣ во 2-й годъ правленія *Юань-чжэнъ* (1296) хуй-хэскій *Бу-ла-хань* 不剌罕 представилъ въ дань львовъ, леопардовъ и лѣкарственныя травы. Пословъ наградили 1300 слитками серебра.

На этомъ данныя *Гу-цзинь-ту-шу* оканчиваются.

Глава VII.

Религія уйгуровъ.

«Было время», пишетъ Дорчжи Банзаровъ, «когда шаманство владычествовало надъ всѣми народами, обитавшими отъ Волги до Восточнаго океана, отъ сѣверныхъ предѣловъ Тибета и береговъ Сейхуна до полуночныхъ странъ. Но религіи, возникшія въ южныхъ странахъ Азіи, начали его тѣснить уже рано. Первою изъ нихъ былъ буддизмъ. Индійскіе проповѣдники задолго до христіанской эры перешли Гималай и распространились по берегамъ Оксуса, въ нынѣшнемъ Восточномъ Туркестанѣ и Китаѣ.

---

1) *Гу-цзинь-ту-шу*, Іь., *Хуй-хэ-бу-хуй-као-сань*, л. 1; *Юанъ-ши, Сянь-цзунъ-бэнь-цзи.*

Въ послѣдней изъ сихъ странъ буддизмъ какъ бы покорился характеру ея жителей и оставался внутри Великой стѣны, не выступая къ предѣламъ Гоби. Изъ Восточнаго Туркестана новая вѣра сдѣлала гораздо больше успѣховъ, чѣмъ изъ Срединнаго царства. Буддизмъ введенъ былъ въ степи впервые оффиціально Тобоханомъ изъ династіи Тугю, подъ конецъ VI вѣка. Такимъ образомъ шаманство стало ослабѣвать въ западныхъ степяхъ Монголіи, куда еще раньше проникло и христіанство, если вѣрить византійцамъ. Съ паденіемъ дома Тугю усилились ойхоры, которые также содѣйствовали успѣху буддизма, утвердившагося около того же времени въ Тибетѣ, откуда онъ впослѣдствіи нанесъ рѣшительный ударъ шаманству. Такимъ образомъ оно уступило мѣсто новымъ вѣрованіямъ, когда возникъ исламъ. Успѣхи магометанъ противъ шаманства были такъ велики, что они черезъ нѣсколько столѣтій послѣ своей эры обратили въ свою вѣру множество турецкихъ племенъ на западѣ отъ Монголіи»[1]).

Вотъ эскизъ, общими штрихами охватывающій всю исторію религій въ средней Азіи, включая сюда и племена уйгуровъ. Китайскія лѣтописи сообщаютъ по этому вопросу крайне разбросанныя, частныя свѣдѣнія, изъ которыхъ довольно трудно составить послѣдовательный и связный разсказъ, и приходится довольствоваться отдѣльными картинами. Вотъ, напримѣръ, разсказъ, характеризующій гао-гюйцевъ, какъ чистыхъ шаманистовъ. «Они», пишетъ лѣтопись, «любятъ громовые удары. При каждомъ громовомъ ударѣ производятъ крикъ и стрѣляютъ въ небо, потомъ оставляютъ это мѣсто и расходятся[2]). Въ слѣдующемъ году осенью, какъ лошади пожирѣютъ, опять сходятся на мѣсто громоваго удара; зарываютъ барана и зажигаютъ свѣточъ съ пожемъ. Шаманка 女巫 читаетъ молитвы, подобно тому, какъ въ Срединномъ государствѣ при удаленіи несчастія. Толпа мужчинъ на верховыхъ лошадяхъ дѣлаютъ множество

1) Черная вѣра или шаманство у монголовъ, стр. 43—44.

2) Срав. С. М. Георгіевскій. Миѳическія воззрѣнія и нравы китайцевъ, стр. 39—41.

круговъ около этого мѣста; потомъ мужчина беретъ пукъ ивовыхъ или осокоревыхъ вѣтвей, ставитъ комлемъ вверхъ и обливаетъ кумысомъ. Женщина, обернувъ бараньи кости въ кожу, ставитъ себѣ на голову, а волосы вкругъ завиваетъ въ локоны и спускаетъ, что представляетъ видъ діадемы. Мертвыхъ относятъ въ выкопанную могилу, ставятъ трупъ на серединѣ, съ натянутымъ лукомъ въ рукахъ, опоясанный мечемъ, съ копьемъ подъ мышкою, какъ будто живой, но могилы не засыпаютъ. Если кто умретъ отъ повальной болѣзни или отъ громоваго удара, то молятся о счастіи. Если все кончится благополучно, то для принесенія благодарности духамъ закалываютъ множество разнаго скота и сожигаютъ кости его, потомъ объѣзжаютъ это мѣсто на лошадяхъ, иногда скачутъ до нѣсколькихъ сотъ круговъ. На это собраніе сходятся и мужчины и женщины безъ различія возраста. Тѣ, у которыхъ дома все благополучно, поютъ пѣсни, пляшутъ, играютъ на музыкальныхъ орудіяхъ, а семейства, у которыхъ смерть похитила кого-нибудь, плачутъ, проливая слезы [1]).

Съ какого времени проникли къ хуй-хэсцамъ религіи юга и запада, опредѣлить очень трудно въ силу крайней неопредѣленности показаній китайскихъ источниковъ.

Въ 805 году хуй-хускій ханъ *Хуай-синь* былъ смѣщенъ своимъ сыномъ *Бао-и*, который въ 806 г. отправилъ къ Танскому двору подарки. Пословъ сопровождали какіе-то иностранцы, называемые *Мо-ни*, которые въ первый разъ привезли свой законъ — ежедневно питаться овощами, пить воду и кумысъ [2]). Комментарій на *Тунъ-цзянь-ганъ-му* говоритъ, что *Мони* — буддисты. Отсюда о. Іакинфъ заключаетъ, что «*Мо-ни* суть монгольскіе ламы, въ 806 году въ первый разъ проникшіе въ китайскую столицу» [3]). Однако съ о. Іакинѳомъ не согла-

---

1) *Гу-цзинь-ту-шу, Бянь-и-дянь, хуй-ху-бу-хуй-као-и*, л. 1. Іакинѳъ, т. 1, стр. 250—251.

2) Іакинѳъ, стр. 415.

3) Ibidem.

шаются другіе ученые. Дегинь [1]), Палладій и др. считаютъ *Мо-ни* — манихеями. То же мнѣніе обосновываетъ на показаніяхъ историковъ передней Азіи Dabry de Thiersant. *Мо-ни*, пишетъ онъ, нужно читать *Ну-ми* (Nou-mi). Эти *Ну-ми*, по показанію Tarikh-djihan-kouchai, были особымъ классомъ магиковъ, которые считали себя обладающими силою покорять демоновъ, распоряжаться ими по своему произволу и получать отъ нихъ все желаемое; они также лѣчили болѣзни. Уйгурскій ханъ часто совѣщался съ ними. Ихъ кодексомъ морали служила книга *Ну-ми*, странное смѣшеніе басенъ съ прекрасными нравственными совѣтами, между которыми видное мѣсто занимало предписаніе не дѣлать никому зла, даже животнымъ; сектанты питались только растеніями и пили только воду. Существовало нѣсколько сектъ *Ну-ми* съ различною догмою. Наиболѣе распространенная вѣрила въ метемпсихозисъ. Значительное число уйгуровъ исповѣдывало эту религію [2]).

Буддизмъ и исламъ позднѣе также проникли къ *хуй-ху* и имѣли среди нихъ многочисленныхъ прозелитовъ. Къ несчастію, невозможно съ точностью опредѣлить время, когда именно они приняли эти религіи. Dabry de Thiersant указываетъ на фактъ 758 (у него 759) года, когда при Танскомъ дворѣ хуй-хускій посланникъ *Доянь-эбо* вступилъ въ споръ съ *Гэ-чжо*, главою чернокафтанныхъ Дашпсцевъ, о старшинствѣ, думая, вѣроятно, указать тѣмъ на знакомство *хуй-ху* съ магометанами, а, можетъ быть, и на то, что послѣдніе, проходя черезъ уйгурскія земли, могли оказывать вліяніе [3]). Къ этому же, пожалуй, склоненъ и о. Іакинѳъ, указывающій, что Дашпсцы происходили изъ Белучжистана [4]), но Дегинь съ большею основательностью считаетъ ихъ арабами Абу-джафара-аль-Мансура, второго халифа Абас-

1) Histoire des Huns. t. II, p. 24.
2) Mahométisme en Chine, t. I, p. 211.
3) Ib., p. 227.
4) Собран. свѣд. о нар., т. I, стр. 389.

сидовъ, которые состояли на службѣ у китайцевъ, и ставитъ это посольство въ связь съ разграбленіемъ арабами Кантона [1]).

Такимъ образомъ, за этимъ фактомъ нельзя признать никакого особеннаго значенія, но въ концѣ Танской и во времена Сунской династій, когда *хуй-хэ* раздѣлились на гань-чжоускихъ и арсаланъ *хуй-ху*, первые были буддистами и сохраняли эту религію. Во времена *Чжэнь-цзуна* (1007 г.) они пытались даже построить свою буддійскую кумирню въ столицѣ и отправляли туда за разрѣшеніемъ *хэ-шана Ди* 禿, но это имъ не было позволено [2]). Еще раньше того, въ 965 г., они представили въ дань императору *Тай-цзу* драгоцѣнную реликвію — зубъ Будды [3]). А немного позднѣе 982 года въ донесеніи *Ванъ-янь-дэ* мы читаемъ очень интересное мѣсто, характеризующее религіозное состояніе уйгуровъ. «Эти народы», говоритъ *Ванъ-янь-дэ*, «пользуются китайскимъ календаремъ, исправленнымъ по редакціи 719 года по приказанію императора *Сюань-цзуна*. Въ столицѣ ихъ находится больше 50 храмовъ, посвященныхъ индійскимъ богамъ, съ библіотекою, содержащею въ себѣ буддійскія книги. Они украшены автографами императоровъ Танской династіи. Тамъ существуютъ также храмы *Мо-ни* и магометанскія. Это государство очень велико и имѣетъ подъ своею властью большое число маленькихъ государствъ. Жители живутъ до глубокой старости. Правитель ихъ Левъ (Арсаланъ, *Ши-цзы*) лѣтомъ переѣзжаетъ въ *Бэй-тинъ* 北庭, который расположенъ на огромной равнинѣ. Имя страны *И-у-ху*».

Изъ этого донесенія видно, что Арсаланъ *хуй-ху* были одни буддисты, другіе манихеи, третьи магометане. Когда правитель ихъ Сатокъ-Бугу-ханъ взошелъ на престолъ, онъ принудилъ всѣхъ своихъ подданныхъ исповѣдывать исламъ. Умирая въ 1037 году, онъ далъ такія инструкціи Абулъ-Фалтаху, выбран-

---

1) Histoire des Huns, t. II, p. 14.

2) *Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чэнъ*, Ib., л. 25; *Сунъ-шу, Хуй-ху-чжуанъ*, цз. 490, л. 13.

3) Ib., л. 23; *Сунъ-ши, Тай-цзу-бэнъ-цзи*, цз. 2, л. 2.

ному, за малолѣтствомъ его дѣтей, правителемъ государства. «Вотъ», сказалъ онъ, «моя послѣдняя воля: укрѣпляйте и распространяйте нашу вѣру. Я ввѣряю вамъ религіозные законы, держите ихъ крѣпко и строго. Мои дѣти очень малы; воспитывайте ихъ со тщаніемъ и старайтесь, чтобы они никогда не были нарушителями велѣній Божіихъ. О, Абулъ-Фалтахъ, слѣдуй моему примѣру, и самыя большія почести сохранятся за тобою»...

Преемники Сатока оставались вѣрными исламу и искоренили изъ своего государства всѣ другія религіи, какъ, напр., несторіанство, которое также было насаждено среди *Арсаланъ-хуй-ху* и имѣло многихъ прозелитовъ. По извѣстіямъ, Кучлукъ, сынъ Даянъ-хана, былъ самъ несторіанинъ.

Мы имѣемъ основаніе думать, что уйгуры не только сами исповѣдывали исламъ, но и пропагандировали его между своими сосѣдями. Извѣстно, напр., что у жителей *Гань-чжоу*, *Ша-чжоу* *Гао-чана*, *Арсаланъ-хуй-ху* и др. происходили дѣятельныя сношенія съ киданями, и кромѣ присылки послѣдними дани, уйгуры отправляли къ Ляоскому двору муллъ и книги: Ляоская императрица *Шу-лу* вела свой родъ отъ уйгуровъ, и предками ея въ послѣдовательномъ порядкѣ являются *Жэ-су*, *Вэй-нинъ-шэ-ли* (Вэйнинъ-шерифъ?) *Шу-шу-мэй-ли* (Шушу имамъ?), *Ма-хэ-му-эр* (Махмудъ?). Все это, конечно, одни намеки, но они говорятъ намъ, что между уйгурами и киданями была тѣсная связь: торговая, политическая, религіозная и даже литературная. При такихъ отношеніяхъ для магометанъ отсутствіе пропаганды невозможно.

При Чингисовой династіи страна уйгуровъ пошла въ удѣлъ Чжагатаю, который распространилъ свой удѣлъ въ долинѣ Урумци (Бишбалыкъ). Внукъ его Байсуръ имѣлъ сына Борала, принялъ въ Бухарѣ магометанство и по возвращеніи изъ Хорасана принялъ титулъ Гаятъ-эдина. Можно думать, что въ его царствованіе исламизмъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ странѣ, ему подвластной. Извѣстно, что Марко Поло (1271—1294) разсказываетъ, что онъ нашелъ магометанство господствующею религіей въ Восточномъ Туркестанѣ. Но уже отъ Хами до самаго

Китая буддизмъ былъ единственной царствующей во всемъ краю религіей. Тотъ же путешественникъ разсказываетъ дальше, что буддисты, исключая Яцина, гдѣ онъ встрѣтилъ Сарацинъ, появились здѣсь, вѣроятно, вслѣдствіе нашествія монгольскихъ ордъ, которые опустошали страну во времена хана Мангу.

Въ 1289 году Хубилай учредилъ въ Пекинѣ императорскую коллегію для *хуй-ху* — магометанъ. Подобное учрежденіе, столь противное въ принципѣ китайскимъ обычаямъ, которые начали уже прививаться къ монголамъ, самымъ своимъ существованіемъ лучше всего доказываетъ то значеніе, которымъ пользовались *хуй-ху* при дворѣ монгольскаго *Ши-цзу*. Уйгуру *Цзя-лу-мудa-ши* поручено было, какъ извѣстно, исправленіе и переводъ на монгольскій языкъ индійскихъ и тибетскихъ книгъ, и такимъ образомъ уйгуры, наряду съ магометанствомъ, являлись насадителями и буддизма. Многіе магометане занимали высшія должности въ имперіи, а нѣкоторые изъ нихъ были даже членами *Ханьлинь-юаня*. Императоръ *Синь-цзунъ* (1312 г.) предписалъ возстановить коллегію хуй-хускую, которая нѣкоторое время была закрыта.

Вотъ общій обзоръ данныхъ о религіи уйгурскихъ племенъ. О высотѣ религіознаго развитія послѣднихъ едва ли возможно судить по недостатку свѣдѣній, хотя аналогія съ окружающими кочевыми племенами, вмѣстѣ съ фактами то совмѣстнаго существованія, то быстрой смѣны различныхъ религій: шаманства, буддизма, магометанства и христіанства, говоритъ много въ пользу индифферентности населенія къ этой сторонѣ духовной жизни. На этотъ счетъ вообще можно сказать, что религія для Дальняго Востока никогда не играла той роли, какая выпала ей на Западѣ. На Востокѣ мы видимъ полное равнодушіе, полное игнорированіе вопроса объ единствѣ религіи въ государственной жизни. Государство Востока держится другими рычагами: единствомъ закона, племеннымъ родствомъ, единствомъ верховной власти, но не религіей. Религіозная сфера уйгуровъ была очень широка по объему (4 религіи), но она не имѣла никакого вліянія

на жизнь ихъ государства, и при первомъ толчкѣ, при первомъ ударѣ государство (династія) падаетъ политически, а народъ идетъ подъ иго иноплеменныхъ и иновѣрныхъ побѣдителей.

Нужно при этомъ помнить, что всѣ религіи были навязаны уйгурамъ извнѣ, почему онѣ оказывали скорѣе отрицательное вліяніе, не соединяя, а деморализуя общество. Часто онѣ не подходили подъ складъ душевнаго строя и быта кочевниковъ, вслѣдствіе чего, можно думать, масса населенія жила подъ вліяніемъ одной шаманской религіи, которая не предъявляетъ почти никакихъ нравственныхъ требованій, не можетъ сплотить народа и создать изъ него крѣпкое государственное тѣло. Другія же религіи, какъ мы сказали, своею быстрою смѣною могли способствовать только разложенію общества, а не упроченію его общей связи. Только уже въ позднѣйшее время проникнувшее въ массы народа магометанство, истребивъ всѣ другія религіи, дало особый оттѣнокъ, особую окраску и характеръ всему населенію западнаго Китая, Восточнаго Туркестана и Притянь-шаньскаго края, т. е. мѣстъ разселенія уйгуровъ, но этотъ процессъ занялъ время уже позднѣйшее, со временъ Юаньской династіи до нашихъ дней; онъ продолжается еще и нынѣ. Въ разсматриваемый же нами періодъ религіозная сфера уйгурскихъ племенъ представляла собою смѣшеніе самыхъ разнородныхъ вѣрованій, суевѣрій и обрядовъ.

Весьма интереснымъ является вопросъ: представляютъ ли собою турецкія племена, населявшія нѣкогда почти всю Среднюю Азію, типъ расы вырождающейся и вымирающей или же, наоборотъ, народа съ перспективою и блестящимъ будущимъ? Какія данныя для рѣшенія этого вопроса предлагаетъ намъ въ концѣ концовъ историческій обзоръ ихъ судебъ за разсмотрѣнный періодъ? Если вѣрить хотя немного статистикѣ китайскихъ лѣтописей Танской династіи, то въ ея время уйгурскія племена, кочевавшія по нагорью Средней Азіи, отъ *Тянь-шаня* до Маньчжуріи и отъ сѣверныхъ предѣловъ степи до *Хуанъ-хэ* и *Гань-*

су, могли выставить до 200,000 отборнаго войска. Это предполагаетъ весьма и весьма значительную общую цифру населенія. Гдѣ же теперь оно? Остатками ихъ считаютъ ту незначительную кучку саларовъ, которая живетъ въ предѣлахъ *Гань-су*, да магометанъ Притянь-шаньскаго края. Это слишкомъ недостаточное число для сильнаго и могущественнаго государства, какимъ были *хуй-хэ*, а потому мы должны признать хуй-хускія племена въ значительной степени выродившимися въ другую форму или вымершими.

При всемъ разнообразіи странъ, обитаемыхъ вырождающимися расами, при всемъ различіи ихъ племеннаго характера и соціальныхъ условій, есть въ ихъ быту много общихъ сторонъ, которыя имѣютъ рѣшительное вліяніе на ихъ судьбу и которыя вызваны однимъ и тѣмъ же историческимъ факторомъ.

Европейскіе историки и антропологи довольно занимались вопросомъ о вымираніи и вырожденіи племенъ и цѣлыхъ расъ подъ вліяніемъ европейской культуры и самыхъ условій туземнаго быта. Общими причинами подобнаго явленія признаются слѣдующія: 1) естественныя преграды для развитія расъ: бѣдность и оторванность отъ главныхъ центровъ культуры и высшей органической жизни. Вслѣдствіе задержаннаго на многіе вѣка развитія, эти племена оказываются какими-то пасынками на торжественномъ пиру природы и въ общей борьбѣ за существованіе слабѣйшими противниками среди болѣе культурныхъ расъ. Самою судьбою поэтому они обречены на безсиліе и вымираніе. Фактъ печальный, но тѣмъ не менѣе неотразимый и всеобщій. 2) Грубое, можно сказать, безчеловѣчное примѣненіе со стороны европейцевъ трехъ главныхъ формъ отношеній къ даннымъ племенамъ — колонизаціи, завоеванія и торговли. 3) Характеръ туземнаго быта: предрасположенность къ болѣзнямъ, междоусобныя войны, особенно изъ-за родовой мести, дѣтоубійство и т. п. По всѣмъ этимъ вопросамъ — и общимъ, въ смыслѣ распространенія культуры и цивилизаціи европейцевъ среди чуждыхъ имъ народностей, и частнымъ, въ предѣлахъ очерченной нами про-

граммы, — встрѣчаются въ европейской литературѣ богатыя пособія и изслѣдованія. Но мы оказываемся въ совершенно иномъ положеніи, если, открывъ подобный же фактъ вырожденія племенъ на территоріи Срединной имперіи, подъ вліяніемъ китайской культуры, пожелаемъ уяснить себѣ его причины. Къ нашимъ услугамъ оказывается одинъ сырой матеріалъ китайскихъ лѣтописей со всею его неподготовленностью для подобной обработки.

На вопросъ о происхожденіи гао-гюйскихъ племенъ отвѣчаетъ ихъ преданіе, записанное китайцами: «У хунъ-нускаго Шанъ-юя... воютъ, подобно волкамъ»[1]). Въ этомъ преданіи — всѣ историко-географическія свѣдѣнія народа, чуждыя всякихъ данныхъ о какомъ-либо переселеніи инородцевъ изъ другихъ странъ. Разбросанныя по огромной территоріи средне-азіатскихъ степей и подчиненныя самою природою условіямъ кочевой жизни, племена оставались въ первое время сравнительно изолированными отъ вліянія окружающихъ ихъ народовъ. Нужно было образоваться какому-либо сильному государству на сѣверѣ или югѣ степей, которое бы воздѣйствовало на нихъ, хотя и это воздѣйствіе, въ силу кочевого образа жизни племенъ, не могло быть значительнымъ и не могло производить замѣтныхъ результатовъ. Такимъ образомъ, въ то время какъ въ Китаѣ культура своими лучами мало-по-малу освѣщала человѣческую жизнь, создавала и укрѣпляла государственный организмъ, помогая ему побѣждать внѣшнія и внутреннія препятствія къ образованію вполнѣ самобытнаго характера и матеріальнаго довольства, на сѣверѣ текла все та же бродячая, безцвѣтная, свойственная степи жизнь, вырабатывавшая все прочнѣе и прочнѣе тѣ особенности, которыми характеризуется кочевникъ въ отличіе отъ осѣдлаго жителя. Великая пустыня ставила тысячи препятствій для движенія китайцевъ на сѣверъ, и нужны были какіе-либо особые мотивы, чтобы представители осѣдлаго культурнаго народа подвергли себя опас-

1) Іакинфъ. Собр. свѣдѣній о нар., т. I, стр. 248—249.

ностямъ, соединеннымъ съ переходомъ по безводному пространству. Эти мотивы явились сравнительно позднѣе, и они менѣе всего служили къ пользѣ туземцевъ степи. Такимъ образомъ, бѣдность и неуютность природы, являющаяся результатомъ уже геологической исторіи территоріи, искони вѣковъ не давала благопріятныхъ условій для возникновенія и развитія культуры у кочевниковъ и оставила ихъ въ силу этого назади сравнительно съ ихъ осѣдлыми сосѣдями. За послѣдними была сила; они обладали знаніемъ многихъ средствъ, выгодныхъ въ борьбѣ за существованіе и неизвѣстныхъ ихъ противникамъ; на подмогу къ нимъ, наконецъ, каждый разъ являлись новыя толпы соотечественниковъ, ибо и численность ихъ естественнымъ приращеніемъ увеличивалась быстрѣе, чѣмъ у кочевыхъ племенъ.

Вдумываясь въ общій характеръ отношеній Срединнаго государства къ его сѣвернымъ врагамъ-кочевникамъ, невольно поражаешься сходствомъ въ нравственномъ или, вѣрнѣе, въ безнравственномъ отношеніи тѣхъ пріемовъ и методовъ, которые усвоены были китайской культурой при воздѣйствіи на сосѣдей, съ подобными же пріемами европейцевъ-цивилизаторовъ новооткрываемыхъ странъ. Всѣ европейцы видѣли, а, пожалуй, еще видятъ и теперь въ другихъ народахъ Азіи, Америки и Полинезіи существа, гораздо низшія, чѣмъ они сами, нѣчто среднее между животнымъ и настоящимъ человѣкомъ. Китайцы смотрѣли и смотрятъ на иностранцевъ, какъ на существа безспорно некультурныя, приближающіяся къ животнымъ. Названія въ родѣ: *цюань-жуны* 犬戎 — «собаки-жуны», надѣленіе инородцевъ (какъ, напр., дянъ-линовъ) лошадиными копытами и цѣлая плеяда подобныхъ же, самыхъ чудовищныхъ уродовъ, помѣщенная въ *Гу-цзинь-ту-шу*, достаточно ясно показываютъ, насколько отличали себя дѣти Поднебесной имперіи отъ окружающихъ ихъ сосѣдей. Правда, европейцы еще превосходили китайцевъ своимъ безчеловѣчнымъ взглядомъ на инородцевъ, потому что, кромѣ невѣжества, они руководились религіознымъ фанатизмомъ, самымъ слѣпымъ и отвратительнымъ, часто превосходившимъ даже фа-

натизмъ китайскаго самомнѣнія. У китайцевъ не было никогда религіознаго фанатизма, и въ силу этого описанія ихъ войнъ свободны отъ картинъ убійствъ ради убійства, ad majorem Dei gloriam. Мы не видимъ ни одного случая религіозныхъ преслѣдованій за весь извѣстный намъ періодъ, не читаемъ религіозныхъ манифестовъ и прокламацій, призывающихъ къ поголовному избіенію невѣрныхъ. Если и встрѣчаются убійства en masse, то они вызываются войной и дышатъ скорѣе хладнокровіемъ, чѣмъ непримиримой ненавистью; они прекращаются по минованіи надобности и по заключеніи мира, чего не бываетъ въ войнахъ религіозныхъ. Точно также отсутствуетъ въ китайской исторіи другой мерзѣйшій мотивъ безчеловѣчныхъ войнъ, нашедшій себѣ столь блестящее примѣненіе въ западномъ мірѣ: — мы разумѣемъ войны для удовлетворенія потребностей рабства, самой возмутительной изъ формъ человѣческой эксплуатаціи. Взятые китайцами въ плѣнъ кочевники обыкновенно переводились въ другое мѣсто, гдѣ имъ отводилась земля для поселенія; но лѣтописи нигдѣ не упоминаютъ о рабахъ изъ плѣнныхъ, а тѣмъ болѣе о грабежахъ и разбояхъ съ цѣлью добыванія рабовъ. Примѣры военноплѣнныхъ и въ значительной массѣ, впрочемъ, бывали. Такъ, при окончательномъ разгромѣ Сѣ-янь-тоской орды китайская армія захватила въ плѣнъ до 30,000 стариковъ и дѣтей (Iак., стр. 432), но ничего не говорится объ обращеніи ихъ въ рабство. Вообще порядокъ завоеваній и колонизаціи Китаемъ сосѣднихъ на сѣверѣ странъ только по результату однороденъ съ поглощеніемъ европейцами разныхъ странъ другихъ частей свѣта, по процессу же они въ корнѣ разнятся другъ отъ друга. Въ рукахъ у китайцевъ не было прежде всего тѣхъ матеріальныхъ завоевательныхъ средствъ, какими владѣли европейцы. Ихъ войска по вооруженію и строю часто не только не превосходили кочевыхъ ордъ враговъ, но даже уступали имъ, а въ быстротѣ и легкости передвиженія неминуемо должны были сознавать превосходство непріятелей. Ихъ сила заключалась прежде всего въ численномъ превосходствѣ, заспмъ въ единствѣ

и централизаціи власти, въ крѣпости культуры и въ постоянномъ неуклонномъ слѣдованіи однимъ и тѣмъ же пріемамъ политики, приводящимъ неминуемо къ торжеству китайскаго имени. Въ силу такихъ условій движеніе китайцевъ на сѣверъ шло медленно, но вѣрно, и имъ совершенно не было нужды прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ. Въ самомъ дѣлѣ, китайцы не спаивали инородцевъ, не расплачивались за каждый предметъ, за каждую услугу со стороны туземцевъ напитками. Да и предметовъ вывоза изъ степей во внутренній Китай, привлекавшихъ китайскихъ торговцевъ на сѣверъ, не могло быть много. Равнымъ образомъ, мы не видимъ, чтобы китайское правительство въ числѣ подарковъ кочевымъ правителямъ и князьямъ посылало спиртные напитки. Впрочемъ эту сторону дѣла, т. е. явленіе ослабленія и изнѣживанія кочевниковъ подъ вліяніемъ китайской культуры, мы игнорировать не имѣемъ права. *Тунъ-цзянь-ганъ-му* пишетъ: «Прежде у хуй-хэскихъ племенъ правы и обычаи были просты; по сей причинѣ всѣ были единодушны и въ могуществѣ не имѣли соперниковъ. Но съ того времени, какъ *хуй-хэ* начали получать большіе дары, *Дэнъ-ли*-ханъ повелъ себя выше. Онъ построилъ для себя дворецъ: жены завели у себя бѣлила, притиранья и разные шитые уборы. Срединное государство совершенно истощилось для роскоши кочевыхъ, но и нравы кочевыхъ не менѣе повредились» (Iак., стр. 404). Но это являлось естественнымъ слѣдствіемъ грабежей и разбоевъ кочевниковъ и зависѣло въ такой же мѣрѣ отъ нихъ самихъ, какъ и отъ китайскаго правительства. Трудно думать, чтобы послѣднее доводило себя до истощенія, заботясь объ ослабленіи кочевниковъ.

Китайскія лѣтописи не даютъ намъ никакихъ свѣдѣній для заключеній о санитарномъ состояніи кочевыхъ племенъ. Извѣстно, однако, что болѣзни принимаютъ обыкновенно громадное участіе въ ослабленіи и вымираніи племенъ, стоящихъ въ наименѣе выгодныхъ условіяхъ въ борьбѣ за существованіе. (Въ кочевой же жизни, кромѣ эпидемій, у жителей имѣютъ громадное значеніе повальные падежи скота, безкормица и неурожаи на

травы). Нынѣ раздаются голоса, что все туземное населеніе Монголіи въ недалекомъ будущемъ вымретъ отъ сифилиса и отъ китайскаго вліянія. Съ какихъ поръ сифилисъ получилъ распространеніе на средне-азіатскомъ нагорьѣ, и не передается ли онъ тамъ издавна отъ поколѣнія къ поколѣнію? Въ какой мѣрѣ свирѣпствуютъ и свирѣпствовали тамъ другія болѣзни, какъ тифъ или оспа? Отвѣтовъ на это мы не имѣемъ, но во всякомъ случаѣ безспорно одно, что туземная медицина при появленіи эпидемій имѣетъ въ своемъ распоряженіи очень мало средствъ для прекращенія или парализованія ея. Доселѣ практикуется въ Монголіи единственная мѣра: всякая зараженная юрта или группа юртъ оставляется на произволъ судьбы, становится: ~~чесмен тесм~~, «оставленнымъ улусомъ», и съ нею прекращаются всякія сношенія. Но, понятно само собою, эта карантинная мѣра имѣетъ только относительное значеніе и совершенно не дѣйствительна для болѣзней, зараза которыхъ передается по воздуху.

Но, конечно, самымъ сильнымъ истребителемъ населенія кочевыхъ степей были постоянныя войны, какъ междоусобныя такъ и пограничныя съ Китаемъ. Среди бѣдной природы пользованіе пастбищами, лучшими по всей степи, было единственнымъ и самымъ желательнымъ и искомымъ рессурсомъ для человѣка, а потому и территоріальные споры были неизбѣжны. Самою плодородною полосою нагорья была и остается доселѣ сѣверная мѣстность по рѣкамъ Селенгѣ, Толѣ, Орхону; сюда всегда стремились сильнѣйшіе изъ кочевниковъ, здѣсь происходили и важнѣйшія битвы. Понятно, съ какимъ рвеніемъ охранялся этотъ кусочекъ земли, и какъ часто возникали изъ-за него племенныя междоусобія. Они еще болѣе разжигались чувствомъ родовой мести, свойственной всѣмъ племенамъ на первыхъ ступеняхъ ихъ соціальнаго развитія, но у кочевниковъ, свято охраняющихъ родовыя преданія и укладъ, доведенной до особенной интенсивности. Мы видимъ дѣйствительно, что вся исторія гаогюйскихъ племенъ состоитъ изъ перечня войнъ со всѣми сосѣдями, — войнъ, полныхъ картинами самаго яростнаго истребленія

противниковъ. *Чи-ди* были прогнаны китайцами, гао-гюйцы оттѣснены жу-жанями и дулгасцами, *хуй-ху* уничтожены хякасами; *хуй-ху* враждовали и ассимилировались съ тангутами, уйгуры воевали съ монголами. Кромѣ того, вся внутренняя исторія полна постоянной вражды и неурядицъ. Вспомнимъ раздоры *сь-янь-то* и *хуй-хэ*, 9 родовъ *ху*, исторію *Дэнъ-ли*-хана и *Дунь-мо-хэ*, и тогда мы поймемъ, въ чемъ текло существованіе кочевыхъ племенъ и ихъ государствъ. Всѣ эти междоусобія сопровождались, конечно, истребленіемъ самой цвѣтущей части мужского населенія, и потому непосредственно вліяли на уменьшеніе прироста населенія.

Нельзя забывать также отсутствія у уйгуровъ единой религіи, которая связывала бы племена въ одно стройное тѣло, и тѣмъ самымъ укрѣпляла бы и его физическую мощь.

Высказывая однако свои соображенія о вырожденіи и вымираніи уйгурскихъ племенъ, мы повторяемъ, что обсуждаемъ только условія ихъ жизни въ разсмотрѣнный періодъ. Со времени водворенія ихъ въ западной части нагорья и въ *Гань-су*, съ переходомъ изъ кочевого быта въ осѣдлый и принятіемъ магометанства они стали инымъ народомъ, — и этого позднѣйшаго періода мы не касаемся.

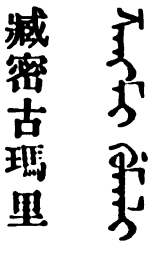
ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Словарь хуй-хускихъ собственныхъ именъ изъ Юань-ши 元史.

Имена аймаковъ.

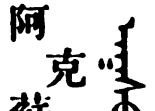
Ббурну (III, 9*).
Фамилія. Цз. 132 пишетъ 野 蒲 ѣ-пу.

Цзанми гумали (III, 10).
Фамилія. Цз. 136 пишетъ 苦 滅 古 麻 里.

Хойхоръ (III, 17).
Названіе аймака. Цз. 195 пишетъ 畏 吾 兒. Цз. 1 пишетъ такъ же. Цз. 6 — 畏 兀, цз. 7 — 畏 吾, цз. 19 такъ же и цз. 40 — 主 吾. Таковы измѣненія названія Хойхоръ.

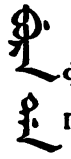
Аксу (III, 17).
Бѣлая вода. Цз. 2 пишетъ 阿 速, цз. 5 — 阿 述, цз. 15 — 阿 束, цз. 18 — 阿 思, цз. 25 — 阿 宿, цз. 63 пишетъ 阿 速 и 阿 思.

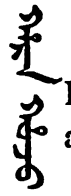
Султанъ (III, 18).
Правитель. Цз. 3 пишетъ 素 丹 имя государства.

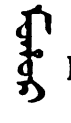
*) Римскія цифры обозначаютъ цзюань, а арабскія — листъ исторіи Юаньской династіи (Юань-ши).

布喇坦

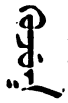
Бурадань.
Фраза 布喇响箭, также пишутъ 坦; цз. 19 пишетъ 不剌壇 названіе государства.

哈喇和卓

Хара хочжо (III, 25).
Названіе города. Цз. 84 пишетъ 哈喇火州 имя аймака.

摩和爾

Мохоръ.
Печать. Цз. 63 пишетъ 昂可剌 имя государства.

庫珠克

Кучжукъ.
Военный пунктъ. Цз. 149 назыв. 古徐鬼 имя государства.

Географія 地理

鄂托喇爾

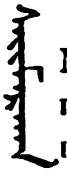
Отрарь (IV, 5).
Средина. Цз. 1 ошибочно пишетъ 答剌 названіе города.

頁實勒提斯

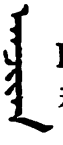
Ѣшиль тисъ (IV, 5).
Слово *ѣшиль* значитъ «зеленая краска», а *тисъ* — «быстро текущая вода». Цз. 1 пишетъ 也石的石河 имя рѣки.

鄂托羅爾

Отолоръ (IV, 6).
Кочевье, пастбище. 1 цз. пишетъ 幹脫羅兒; цз. 63 — 兀提剌耳, цз. 151 — 幹脫剌兒, измѣняя названіе города.

賽瑪爾堪

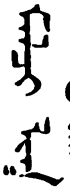
Саймаржанъ (IV, 6).
Много цвѣтовъ. Цз. 1 пишетъ 薛迷思干, цз. 6 и 13 撒麻耳干, измѣняя такимъ образомъ названіе города и страны.

安集延

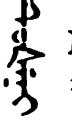
Анчжіянъ (IV, 6).
Названіе мѣстности. Цз. 1 пишетъ названіе города 養吉干.

巴爾昌

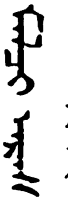
Барчанъ (IV, 6).
Барг значитъ «имѣть, быть»; *чанъ* — «поднятая, большая пыль». Цз. 1 пишетъ имя города 八兒眞.

瑪勒齊里克

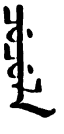
Малчилыкъ (IV, 6).
Обработываемая волами земля. Цз. 1 дѣлаетъ 馬魯察葉可 названіе города.

圖舍尼

Тушэни (IV, 6).
Мѣстность для надзора. Цз. 1 пишетъ имя города 徒思匿.

瑪勒齊阿喇斯

Малчи-арасъ (IV, 6).
Мѣстность среди кочевья. Цз. 1 пишетъ 馬魯昔剌思 имя города.

楚楚拉

Чучула (IV, 7).
Уголь. Цз. 1 пишетъ 搠搠闊.

伊拉

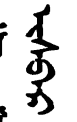
Ила (IV, 7).
Вѣроятно (кит. іероглифъ стертъ), значитъ паукъ *чжу* 蛛, а, можетъ быть, муха *инъ* 蠅. Цз. 1 пишетъ 也里城 названіе города. По монгольски [illegible] муха.

帕爾滿

Бармань (IV, 8).
Объявить, обнародывать. Цз. 1 八魯灣 имя рѣки.

伊斯巴爾

Исбаръ (IV, 8).
Свирѣпый, строгій, злой (厲氣). Цз. 1 пишетъ 伊思八剌納城 имя города.

額里齊

Эльчи (IV, 10).
Окруженной осѣдлыми народами. Цз. 3 也烈贊; цз. 63 也列贊; цз. 122 也里替.

巴實伯里

Баши-боли (IV, 10).
Баши — голова, боли — поясница. Цз. 3 別失八里 и 別石八里.

哈里

Хали (IV, 14).
Ненаселенное мѣсто. Цз. 4 盍利; цз. 11 盍里; цз. 17 合里 пишутъ имя станціи.

伊蘭

Илань (V, 21).
Змѣя. Цз. 63 пишетъ 益蘭州 — имя округа.

塔里堪

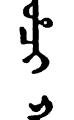
Талихань (VI, 1).
Имя города. Цз. 63 的里安 и 塔里于.

瑪爾噶朗

Марлаль (VI, 1).
Имя страны. Цз. 63 麻耳亦囊.

鄂持

Очи (VI, 2).
Имя города. Цз. 63 倭赤.

哈三

Касань (VI, 2).
Тоже. Цз. 63 柯; цз. 120 可散.

阿特巴什

Отбаши (VI, 2).
Названіе страны. Цз. 63 пишетъ 阿忒八失.

巴爾莽

Барманъ (VI, 2).
Недоступный для ходьбы. Цз. 63 八里茫.

察持

Чачи (VI, 2).
Волосъ. Цз. 63 察赤.

雅根持

Янинци (V, 2).
Обиліе дождевой воды. Цз. 63 也去赤.

頁密實

Ёмиши (VI, 3).
Богатое плодами мѣсто. Цз. 63 也迷失.

徹迪爾

Чедиръ (VI, 3).
Палатка. Цз. 63 察帶成 имя города.

展幹爾

Чжанаръ (VI, 3).
Покой. Цз. 63 彰八里 имя станціи; цз. 180 пишетъ 昌八里成 имя города.

塔迪

Тади (VI, 4).
Взаимное довѣріе.

烏楚闊喇

Учубира (VI, 4).
Имя города. Цз. 63 兀乞八剌.

茂沙里

Мушали (VI, 4).
Общія, взаимныя границы. Цз. 63 毛夕里.

拉巴咱

Лабчжи (VI, 5).
Взбалмошно толковать. Цз. 63 蘭巴撒耳.

伊斯帕罕

Испахань (VI, 5).
Имя города. Цз. 63 亦思法杭.

喀尚

Кашань (VI, 5).
Мѣшковатый, байбакъ. Цз. 63 柯傷.

實木南

Шимнань (VI, 6).
Имя города. Цз. 63. 西模娘.

薩里雅克

Саліякъ (VI, 6).
Желтое масло. Цз. 63 撒里牙.

塔瑪沙

Тамаша (VI, 6).
Множество цвѣтовъ. Цз. 63 塔米設.

安展

Аньчжань (VI, 6).
Имя города. Цз. 63. 贊章.

薩里荄

Салиманъ (VI, 6).
Не употребляемое снятое платье. Цз. 63 撒里茫.

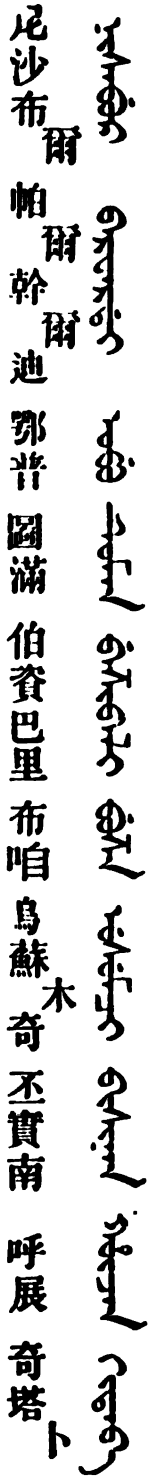
L. 14.

烏勒章

Олчжанъ (VI, 6).
Названіе лѣкарства. Цз. 63 未里章.

迪斯堪

Дистань (VI, 7).
Имя города. Цз. 63 的希思丹.

尼沙布爾

Нисабуръ (VI, 7).
Имя города. Цз. 63 乃沙不耳; цз. 122 尔沙卜里.

帕爾幹爾迪

Барварди (VI, 7).
Прѣсная вода. Цз. 63 巴瓦兒的.

鄂普圖滿

Опу (VI, 8).
Имя мѣстности. Цз. 63 阿浦水 имя рѣки.

Туманъ (VII, 5).
Туманъ. Цз. 120 禿馬温山 имя горы.

伯資巴里

Боцлыбали (VII, 6).
Родъ головля. Цз. 120 字子八里.

布咱

Буцза (VII, 6).
Буза, сладкое вино. Цз. 121 不租河 имя рѣки.

烏蘇木奇

Усумци (VII, 8).
Мѣсто для кочевья. Цз. 122 阿速滅怯思城.

丕實南

Бисинань (VII, 17).
Прожаренный хлѣбъ. Цз. 149 別失蘭.

呼展奇

Хучжань (VII, 18).
Имя города. Цз. 149 忽章 или 忽禪河.

塔卜

Китабъ (VII, 18).
Книга. Цз. 149 乞都卜城 имя города.

阿勒鼎

Алдинъ (VII, 18).
Имя города. Цз. 149 阿剌汀.

密實斯

Мишисъ (VII, 18).
Имя травы. Цз. 149. 實昔兒.

奇勒楊

Киліянъ (VII, 19).
Оселокъ, точильный камень. Цз. 149 乞里彎.

伊伊斯康

Іисханъ (VII, 22).
Имя страны. Цз. 180 亦思寬.

葉羌里

Ѣмъйли (VII, 21).
Имя страны. Цз. 180 葉密里城 имя города.

和木巴實

Комбаши (VII, 22).
Рѣка, текущая по песку. Цз. 180 渾八升城 имя города.

阿提巴實

Атибаши (VII, 22).
Имя страны. Цз. 180 阿體八升山 имя горы.

Названіе должностей.

伯克

Бэкъ (VIII, 2).
Названіе должности. Цз. 17 孛可.

烏嚕謂齊

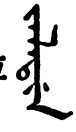
Уру очи (VIII, 8).
Вельможа, да-чэнь. Цз. 134 吾魯愛兀赤.

阿塔
Ата (VIII, 8).
Старшина. Цз. 134 пишетъ 阿大.

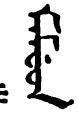
Имена людей.

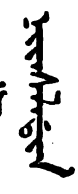
沙布鼎
Шабудинъ (VIII, 7).
Имя человѣка. Цз. 101 沙不丁.

常格
Чанки (X, 8).
Птичье гнѣздо. Цз. 1 長哥; цз. 166 常哥.

扎拉鼎
Чжаладинъ (X, 11).
Имя. Цз. 1 扎蘭丁.

帕哈哩鼎
Бахаридинъ (X, 19).
Дешевый. Цз. 3 法哈魯丁; цз. 20 法忽魯丁.

瑪穆特
Мамутъ (XI, 5).
Имя. Цз. 4 禡禡.

尼雅斯拉鼎
Нiясладинъ (XI, 7).
Имя. Цз. 4 納速剌丁.

扎瑪里鼎
Чжамаладинъ (XI, 11).
Имя. Цз. 5 扎馬剌丁; цз. 48 扎馬魯丁.

阿里
Али (XI, 12).
Большой. Цз. 5 原交; цз. 119 按禮, цз. 149 阿力.

帕嚕鼎

Балудинъ (XI, 12).
Имя. Цз. 6 别魯丁.

伊斯瑪音

Исмаинъ (XI, 19).
Имя. Цз. 7 亦思麻因.

阿錫頁

Асіянъ (XI, 19).
Имя. Цз. 8 愛薛.

雅善罕

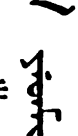
Я-шань-ханъ (XI, 20).
Имя. Цз. 8. 押失寒.

密里呼忻

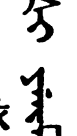
Ми-ли-ху-синь (XII, 5).
Имя. Цз. 9 迷里忽辛; цз. 10 密立忽辛.

阿里鼎

Алидинъ (XII, 5).
Имя. Цз. 9 阿立丁.

頁特

Ётмиши (XII, 5).
«70». Цз. 9 也的迷失; цз. 19 月的迷失; цз. 18 也的迷沙 или 月底迷失.

密實雅依

Ёймиши (XII, 17).
Имя человѣка. Цз. 12 押亦迷失; цз. 17 牙亦迷失; цз. 132 牙以迷失.

密實薩題勒

Сатилмиши (XIII, 3).
Имя. Цз. 13 撒的迷失; цз. 29 撒忒迷失.

沙布鼎

Сабудинъ (XIII, 10).
Имя. Цз. 14 沙不丁.

和斯瑪鼎

Хосмадинъ (XIII, 11).
Имя. Цз. 15 忽撒馬丁; цз. 29 忽咱某丁.

伊實滿

Ишиманъ (XIII, 11).
Имя. Цз. 15 亦思麻.

阿里和卓

Али хочжо (XIII, 13).
Али — большой, хочжо — прекрасный. Цз. 16 阿里火者. Цз. 24 火者; цз. 26 挽住; цз. 119 合丑; цз. 150 合住.

謂卜都拉

Обдула (XIV, 17).
Почтительный къ небу человѣкъ. Цз. 22 烏伯都剌.

瑪們

Мамунъ (XVI, 2).
Сообразный съ закономъ. Цз. 31 馬謀; цз. 100 買買или馬某.

Мамунъ-хочжо (XVI, 2).
Мамынь-хочжо. Цз. 42.

哈迪爾

Хадиръ (XVI, 6).
Имя. Цз. 42 黑的兒.

莽隆爾

Мансуръ (XVIII, 1).
Имя. Цз. 64 忙速兒; цз. 162 馬遜兒.

赫色勒

Хэсэль.
Красный цвѣтъ. Цз. 121 黑 梓.

奇奇爾

Кикиръ (XX, 10).
Насыщаться. Цз. 123 怯 怯 里.

約幹實

Іоханнъ.
Добрый человѣкъ. Цз. 122 玉 哇.

雅雅

Яя (XXI, 17).
Имя. Цз. 136 牙 牙; цз. 149 加 葉.

克納

Кэна (XXII).
Имя. Цз. 149 可 乃.

賓實肯

Мишикэнь.
Имя. Цз. 149.

阿達必

Атаби.

Названія вещей.

密實勒

Мишиль (XXIV, 4).
Кочевье. Цз. 43 米 西 兒.

薩普

Субу (XXIV, 6).
Шерсть изъ хвоста. Цз. 70 速 夫.

伊斯題費

Истифи (XXIV, 7).
Буква. Цз. 81 亦 思 替 非.

薩滿阿喇克

Саманъ-алакъ (XXVI, 10).

Вино изъ ячменя и пшеницы. Цз. 104 唆魯麻. L. M. Зг. с Алк.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Иллюстраціи уйгурскихъ племенъ по Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чэнъ.

I.

Пасии Дин-лин.

II.

Племя Ду-бо.

I.

Племя Динъ-линъ.

II.

Племя Ду-бо.

III.

Племя Гу-ли-гань.

IV.

Племя Хуй-хэ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
...ленiе	III
...боръ литературы по вопросу объ уйгурахъ.	V—LXIII
...ва I. Чи-ди и Динъ-линъ	1— 12
...ва II. Гао-гюй	12— 37
...ва III. Тѣ-лэ	37— 47
...ва IV. Хуй-хэ	47—102
...ва V. Хуй-ху въ періодъ У-дай	102—111
...ва VI. Хуй-ху въ періодъ Сунской (960—1280), Ляоской (916—1125), Цзиньской (1125—1234) и Юаньской (1280—1367) династій	111—126
...ва VII. Религія уйгуровъ	126—140
...ложеніе I. Словарь хуй-хуских...ъ собственныхъ именъ изъ Юаньши	141—153
...ложеніе II *).	
...ложеніе III. Иллюстраціи уйгурскихъ племенъ по Гу-цзинь-тушу-цзи-чэнъ.	

*) Въ этомъ приложеніи предполагалось помѣстить 15 уйгурскихъ писемъ китайскомъ текстѣ съ переводомъ на русскій языкъ (см. выше, стр. XIII).